

Chicken Soup
for the *Soul*.

КУРИНЫЙ
БУЛЬОН
для души
101 ИСТОРИЯ ДЛЯ МАМ

о радости,
вдохновении
и счастье
материнства

**БОЛЕЕ
500 000 000
ПРОДАННЫХ
КНИГ**

ДЖЕК КЭНФИЛД, МАРК ВИКТОР ХАНСЕН,
ДЖЕННИФЕР РИД ХОУТОРН, МАРСИ ШИМОФФ

Annotation

Это сборник реальных историй о самом чудесном и важном предназначении женщины – быть матерью. Эти истории вдохновят, поддержат и придадут сил, которые так нужны молодым мамам!

В день, когда Синди была слишком занята, ее дочь сказала ей нечто важное. Шерон родила не похожего на других ребенка, но он оказался идеальным. Дочка Марши узнала о смешивании цветов от слепой подруги. После смерти родителей Линда узнала, что была усыновленным ребенком. Она чувствовала себя обманутой, но судьба сделала ей настоящий подарок... И другие 97 трогательных историй, от которых вы не сможете оторваться.

- [Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен, Марси Шимофф, Дженнифер Рид Хоуторн](#)
 -
 - [Отзывы о книге «Куриный бульон для души. 101 история для мам»](#)
 - [Посвящение мамам](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1. О любви](#)
 - [Вывоз детей](#)
 - [Сюрприз для мамы](#)
 - [День матери](#)
 - [Как долго](#)
 - [Заколки](#)
 - [Сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя](#)
 - [Это наследственное](#)
 - [Дитя родилось](#)
 - [Идеальный сын](#)
 - [Большинство детей рождается лишь однажды](#)
 - [Три сестры](#)
 - [Незапертая дверь](#)
 - [Мама на один день](#)
 - [Папина дочка](#)
 - [Глава 2. Мамины наставления](#)

- [Читать в одиночестве](#)
- [А моя мама сказала...](#)
- [Инспекция](#)
- [Какого цвета объятие?](#)
- [Чесночные истории](#)
- [Зубная фея](#)
- [Любовные послания](#)
- [Спасен ремнем](#)
- [Праздник неудачи](#)
- [Полночный гость](#)
- [Глава 3. Мамина храбрость](#)
 - [Мой сын Райан](#)
 - [Мама, все хорошо?](#)
 - [Свергая горы](#)
 - [Сердца в разных концах мира](#)
 - [Настоящее зрение](#)
 - [Раннее утро – это дар](#)
 - [Любовь без границ](#)
 - [Борьба матери за особого ребенка](#)
 - [Добро пожаловать в Голландию](#)
- [Глава 4. О материнстве](#)
 - [«Мама» – главное слово](#)
 - [Материнство – это викторина?](#)
 - [Введение в живопись](#)
 - [Письмо матери сыну-первокласснику](#)
 - [Рассказ мамы спортсмена](#)
 - [Больше никаких поцелуев с полным ртом каши](#)
 - [Признаки продвинутой мамы](#)
 - [Навсегда и во что бы то ни стало!](#)
 - [Тихий герой](#)
 - [Младенец: инструкция по применению](#)
 - [Как доставить новорожденного домой](#)
 - [Базовый цикл смены настроений младенца](#)
 - [Когда нужно кормить младенца](#)
 - [Что такое колики](#)
 - [Развитие ребенка в первые шесть месяцев](#)
 - [Дисциплина новорожденных](#)
 - [Няни](#)

- [Первый прикорм](#)
- [Хождение](#)
- [Колыбельные](#)
- [Когда ребенок идет в колледж](#)
- [Мамина помощница](#)
- [Мачеха](#)
- [Я лучше буду](#)
- [Глава 5. Стать матерью](#)
 - [Радуйся, мир](#)
 - [Неописуемый дар](#)
 - [Чутье](#)
 - [Она похожа на нас](#)
 - [Мама](#)
 - [Я не хочу нового ребенка](#)
 - [Не в нашей власти](#)
 - [Бесценное сокровище](#)
 - [Избранная](#)
- [Глава 6. Особенности моменты](#)
 - [День, когда мы запускали воздушных змеев](#)
 - [Потанцуй со мной](#)
 - [Прогноз](#)
 - [Семейный ужин](#)
 - [Дочь – мой учитель](#)
 - [Разбитая кукла](#)
 - [Глазами ребенка](#)
 - [Первое мая](#)
 - [Как узнал Санта](#)
 - [День, когда я была слишком занята](#)
 - [Чудо игры](#)
 - [Молниеносная секунда](#)
 - [Мама пришла на чай](#)
 - [Она была здесь](#)
- [Глава 7. Чудеса](#)
 - [Ангел в военной форме](#)
 - [Исцеление](#)
 - [Удочерение мечты](#)
 - [Дорогой, тебе лучше присесть](#)
 - [Послание на День матери](#)
 - [Воссоединение матери и ребенка](#)

- [Спустя сорок лет](#)
 - [Четыре ангела](#)
 - [Глава 8. Отпуская](#)
 - [Победа для мамы](#)
 - [Память в помощь](#)
 - [Праздник моей мамы](#)
 - [Ребенок без матери](#)
 - [Робин](#)
 - [Джон](#)
 - [Посвящается капитану Канди и женщинам-пилотам](#)
 - [Глава 9. Любовь бабушки](#)
 - [Что такое бабушка?](#)
 - [Я рождена для этой работы](#)
 - [Сад моей бабушки](#)
 - [Поход в кафе](#)
 - [Нам нужна скала](#)
 - [Глава 10. Спасибо, мама](#)
 - [Мама и мисс Джордан](#)
 - [Мама задувает 75 свечей](#)
 - [Шесть из семи чудес моего мира](#)
 - [Почтовый ящик](#)
 - [Богатство моей матери](#)
 - [Спасибо, я был не прав](#)
 - [Великолепная женщина](#)
 - [Послесловие. Молитва для моей матери](#)
 - [Наши авторы](#)
 - [Наши участники](#)
 - [Разрешения](#)
 - [Меня жизнь каждый день](#)
 - [Делитесь своими историями](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

**Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен,
Марси Шимофф, Дженнифер Рид Хоуторн
Куриный бульон для души. 101 история
для мам. О радости, вдохновении и счастье
материнства**

© Кваша Е.А., перевод на русский язык, 2018

© Сорокина О.П., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Отзывы о книге «Куриный бульон для души. 101 история для мам»

«Лучший подарок для “Мамочек” – это знать, что мы не одиноки! “Куриный бульон для души. 101 история для мам” делает нам такой подарок, напоминая об истинном значении материнства и уважении к нему».

*Мэрилин Кетц и Кэрил Кристенсен.
Актрисы ситкома «Мамочки»*

«Эта теплая, трогательная книга заставляет плакать и смеяться от радости за то, что мы – женщины».

Ким Алексис. модель/спикер

«Спасибо за истории, которые описывают утонченную красоту любви между матерью и ребенком. Вы напоминаете нам о том, что по-настоящему важно в жизни».

*Сьюзан Н. Хикенлупер.
исполнительный директор,
официальный спонсор American
Mothers, Inc. Mother’s Day и Mother of
the Year®*

«Какое же счастье – сидеть и читать “Куриный бульон для души. 101 история для мам”! Все эти истории так сильны, трогательны и полны жизни. В каждой описывается глубина и сила любви между матерью и ребенком».

*Элисон Швандт. организатор,
Gymboree*

«”Куриный бульон для души. 101 история для мам”

заставит вас смеяться и плакать; как ни одна другая, эта книга согреет ваше сердце, потому что в ней рассказывается о самых драгоценных отношениях... связывающих мать и дитя».

Энн Джордан. глава Children & Families, Inc.

«Что бы я ни делала в жизни, мое главное достижение в том, что я стала мамой двух дочек и двух сыновей. Каждый раз, читая истории из этой книги, я смеюсь и плачу, окутанная теплыми, чудесными воспоминаниями, греющими мое сердце так, что оно готово взорваться».

Патриция Лоренц. писатель, лектор, автор книг «Важные вещи для родителей-одиночек» и «365 повседневных молитв для родителей»

«“Куриный бульон для души. 101 история для мам” – это трогательное напоминание о радостях и жертвах материнства; это невероятное благословение, данное нам любящими мамами со всех уголков света».

преподобная Мелисса Бауэрс

«В историях “Куриного бульона” великолепно передается нежная, глубокая гармония между матерью и ребенком, которая начинается до рождения и продолжается всю жизнь.

доктор Мелани Браун, глава и основатель My Baby U., Inc.

«Бабушки тоже обнаружат, что эта книга по-настоящему славит их вечную роль. Здесь найдется вдохновение для всех, кто был матерью или у кого она когда-либо была».

*доктор Лилиан Карсон, автор книги
«Жизненно необходимые бабушки и
дедушки: как делать добро»*

«“Куриный бульон: 101 история для мам” – это доказательство существования на земле самой драгоценной и могущественной силы – любви между матерью и ее детьми. Эти нежные истории трогают сердце и согревают душу так, как умеет только мама».

*Каран Ирер, сертифицированный
наставник в родах*

Посвящение мамам

Твои нежные наставления безмерно повлияли на все, что я делал, на все, что я делаю, и на все, что я буду делать.

Твой добрый дух оставил неизгладимый отпечаток на всем, кем бы я ни был когда-то, кем бы ни являлся сейчас и кем бы ни стал в будущем.

А значит, ты – часть всего, чего я достиг, и всего, кем я стал.

Когда я протягиваю руку ближнему, твоя рука тянется вместе с моей.

Когда я облегчаю боль подруги, она должна благодарить тебя.

Когда я словами или своим примером учу ребенка добру, ты тоже его учишь.

Потому что все мои дела отражают ценности, привитые тобой. Они во всех исправленных мною ошибках, во всех спасенных мною сердцах, и все мои дары и любая тяжесть, которую я смог облегчить, – все они посвящаются тебе.

Потому что ты подарила мне жизнь и научила меня жить, ты – источник того добра, которое я смогу создать, пока буду жив.

За все, что – ты, за все, что – я, я благодарю тебя, Мама.

Дэвид Л. Уэзерфорд

Вступление

Эту книгу мы дарим вам, мамы всего мира. Мы хотели посвятить ее всем мамам на свете, но как отблагодарить вас за то, что вы подарили нам жизнь? Читая тысячи историй, отобранных для этой книги, мы были глубоко тронуты глубиной чувств, которые люди испытывают к своим матерям.

Многие рассказывали о жертвах, на которые матери шли ради них; другие писали о материнской храбрости. Третьи делились тем, как мамы вдохновляли и поощряли их. Но чаще всего люди говорили о вечной природе материнской любви.

Один из отрывков, попавших нам в руки, прекрасно раскрывает суть этой темы.

Однажды в спокойный, ясный, солнечный день из рая сбежал ангел. Явившись в наш старый мир, он пустился бродить по полям и лесам, городам и селам. Когда солнце село, он расправил крылья и сказал: «Мое путешествие завершено, и я возвращаюсь назад, в мир света. Но прежде чем я уйду, мне нужно взять что-нибудь на память».

Он взглянул на прекрасный цветущий сад и сказал: «Как прекрасны и ароматны эти цветы». Он сорвал самые редкие розы, составил букет и сказал: «Я не вижу ничего прекраснее и ароматнее их; я возьму их с собой».

Но потом он посмотрел дальше и увидел ясноглазого розовощекого малыша, который улыбался своей маме. И ангел промолвил: «О, улыбка этого ребенка прекраснее моего букета; я возьму с собой и ее».

А потом он взглянул на колыбель и увидел материнскую любовь, которая, струилась к кроватке и ребенку, как бурный поток. И ангел сказал: «О, любовь этой матери – самое прекрасное, что я видел на земле; я возьму с собой и ее».

С этими тремя сокровищами он полетел обратно к жемчужным вратам, встал у них и сказал: «Прежде чем войти внутрь, я хочу снова посмотреть на свои сокровища». Он посмотрел на цветы и увидел, что те поникли. Он посмотрел на улыбку ребенка и увидел, что та угасла. Он посмотрел на материнскую любовь и увидел, что красота ее несколько не померкла.

Он отбросил увядшие цветы и потухшую улыбку и, влетев во врата, созвал всех хозяев рая и сказал: «Вот вещь, сохранившая свою красоту до

самого рая, – это любовь матери».

С любовью в сердце мы предлагаем вам «Куриный бульон для души. 101 история для мам». Мы надеемся, что, читая эту книгу, вы испытаете любовь, радость и вдохновение. Пусть она тронет ваше сердце и всколыхнет ваш дух.

Джек Кэнфилд,

Марк Виктор Хансен,

Дженнифер Рид Хоуторн

и Марси Шимофф

Глава 1. О любви

*Любовь – это плод,
который поспевает в
любое время и до
которого может
дотянуться любая рука.*

Мать Тереза

Вывоз детей

*Для материнской
любви нет
невозможного.*

Пэддок

26 апреля 1975 года мы с моей подругой Кэрол Дэй ехали по пыльным улицам Сайгона в скрипучем «фольксваген-жуке», и мне казалось, что с виду мы ровно те, кто есть на самом деле: парочка мамаш из Айовы. Когда мы с Кэрол три месяца назад согласились сопровождать троих вьетнамских сироток в их американские семьи, эта поездка выглядела интересной, но безопасной. Мы с мужем Марком и сами подали заявку, чтобы усыновить сироту. Нам хотелось творить добро. Откуда же нам с Кэрол было знать, что к нашему приезду Сайгон окажется в осаде?

Бомбы падали ближе, чем в трех милях от города, и даже тогда мирные жители потоком шли мимо нашей машины, таща все свои пожитки на тачках или у себя на спине. Но наш водитель, Шери Кларк, директор международной организации «Друзья детей Вьетнама» («ДДВ»), имела скорее восторженный, чем напуганный вид. Не успели мы приземлиться, как она осыпала нас новостями:

– Вы слышали, что президент Форд одобрил масштабный вывоз детей как крайнюю меру их спасения? Вы повезете домой двести сироток!

Мы с Кэрол изумленно переглянулись.

– Вчера мы смогли вывезти полный самолет детей, – продолжила Шери. – В последнюю минуту вьетнамское правительство отказалось выпускать его, но пилот уже был готов к взлету, поэтому он просто взял и улетел! Сто пятьдесят детей теперь находятся в безопасности в Сан-Франциско!

Даже проработав много лет медсестрами, мы не были готовы к тому, что увидим в центре ДДВ. Каждый дюйм на нескольких этажах роскошного французского особняка был укрыт пледами или циновками – и на каждом из них лежали дети: сотни плачущих, агукающих младенцев, чьи родители бросили их или погибли.

Смена часовых поясов далась нам нелегко, но мы с Кэрол решительно стали готовить детей к воздушной транспортировке, запланированной на следующий день. Наш самолет должен был вылететь первым. Каждому

ребенку требовались одежда и пеленки, осмотр и официальное имя. Верные волонтеры из Америки и Вьетнама работали круглые сутки.

На следующее утро мы узнали, что нашему агентству не разрешили лететь первыми в отместку за несанкционированный вылет накануне. Нам позволят лететь только тогда – и только в том случае, – когда это допустит вьетнамское правительство.

– Остается только ждать и молиться, – спокойно сказала Шери.

Мы все знали, что для американцев и сирот в Сайгоне время уже на исходе.

Мы с Кэрол присоединились к остальным волонтерам, которые в спешке готовили детей к другому, одобренному рейсу – он отправлялся в Австралию.

На палящей жаре мы погрузили детей в фургон «фольксваген», из которого убрали среднее сиденье. Я сидела на многоместном сиденье и везла у своих ног двадцать одного ребенка; остальные ехали точно так же.

Мы прибыли в аэропорт и увидели, что движение застопорилось. В небо вздымалось огромное черное облако. Заходя в ворота, мы слышали ужасную новость: первый самолет с сиротами – тот, на который мы умоляли пустить нас, – рухнул после взлета.

Этого просто не могло быть. Мы решили не верить. Нам некогда было волноваться, пока мы загружали хнычущих обезвоженных детей в самолет, который полетит к свободе. Пока самолет взлетал, мы с Кэрол стояли, держась за руки. Когда они улетели, мы пустились в пляс на площадке перед ангаром. Один самолет свободен!

Наша радость была недолгой. Мы вернулись и обнаружили, что взрослые в нашем центре раздавлены горем. Шери сбивчиво подтвердила новость, которой мы отказались верить. Сотни малышей и их сопровождающие погибли, когда самолет взорвался после взлета. Неизвестно, сбили ли его или в него попала бомба.

Миротворцы и младенцы! Кто способен сделать такое? И сделают ли это снова? В отчаянии я села на ротанговый диван и не смогла сдержать рыданий. Самолет, на который мы с боем пытались попасть, рухнул, и то же стало с моей верой. Меня настигло ужасное чувство, что я больше никогда не увижу мужа и дочек.

В тот вечер Шери подозвала меня к себе. Даже после ужасного потрясения я оказалась не готова к ее словам:

– У тебя в портфеле документы на усыновление. Хочешь пойти и выбрать себе сына, вместо того чтобы ждать, когда кто-то выберет его за тебя?

Казалось, что в один день сбылись и мои худшие страхи, и самые заветные желания. Как же обрадуются дочки, если я вернусь домой с братиком для них! Но... как же мне выбрать ребенка? С молитвой на губах я вошла в соседнюю комнату.

Я бродила среди моря детей, когда ко мне подполз малыш в одном лишь подгузнике. Я взяла его на руки, а он положил головку мне на плечо и будто бы обнял меня в ответ. Я носила его по комнате, рассматривая и трогая каждого ребенка. Зал наверху был точно так же забит детьми. Когда я стала молиться о решении, которое собиралась принять, малыш на моих руках как будто прижался ко мне крепче. Я чувствовала его легкое дыхание, когда он обнимал меня за шею и обосновывался в моем сердце.

– Здравствуй, Митчелл, – прошептала я ему. – Я – твоя мама.

Самолет, на который мы с боем пытались попасть, рухнул, и то же стало с моей верой.

На следующий день мы узнали хорошие новости: нашему самолету разрешили взлететь днем. Общими усилиями волонтеры собрали оставшихся сто пятьдесят детей.

Для первой из нескольких предстоящих поездок в аэропорт малышей располагали по трое-четверо на сиденье списанного городского автобуса; Кэрл и я поехали с ними. И вновь случилась катастрофа. Прибыв в аэропорт, мы узнали, что президент Вьетнама Тхьеу отменил наш рейс. Стараясь не паниковать, мы на удушающей жаре помогали высаживать детей в грязные куонсетские ангары. Неужели мы никогда не выберемся отсюда? Неужели мы все умрем в осажденном Сайгоне?

Наконец Росс, работник ДДВ, ворвался внутрь.

– Президент Тхьеу дал разрешение только на один рейс, и он отправляется немедленно. Грузим детей – и вы летите тоже! – сказал он мне и Кэрл.

У нас появился шанс выбраться!

– Нет, – ответила я. – Я оставила сына в центре ждать следующего автобуса. Мне нужно вернуться за ним.

– Лиэнн, – сказал Росс, – ты же видишь, что происходит. Улетай, пока можешь. Я обещаю, что мы постараемся отправить сына к тебе как можно скорее.

Да, я видела, что происходит.

– Я не уеду без Митчелла!

– Тогда поторопись, – произнес Росс. – Я задержу самолет на столько,

на сколько смогу, но нам нельзя лишать этих детей их шанса.

Я побежала к автобусу. Водитель безрассудно пронесся по городу, погрузившемуся в хаос, и высадил меня за милю до нашего центра. Ремешок на моей сандалиии лопнул, и обувь яростно колотила меня по лодыжке. Я сняла ее на бегу. В боку страшно колело, пока я мчалась по лестнице в наш центр.

– Самолет... – только и смогла выдохнуть я.

Шери усадила меня в кресло:

– Знаю. Я только что говорила с аэропортом.

– И что?

Шери ухмыльнулась:

– Самолет тебя дождется!

Я просияла, пытаюсь отдышаться.

– Но это еще не все новости: на этот рейс можно взять больше детей, и второму самолету тоже разрешили вылет!

По моему лицу потекли слезы, я отыскала Митчелла и крепко прижала его к себе. Я молча поклялась никогда больше не оставлять его.

Мое сердце бешено колотилось, когда через несколько часов я оказалась в выпотрошенном грузовом самолете. По центру его в ряд стояли двадцать картонных коробок, в каждой из которых лежали по два-три младенца. Другие дети, постарше, сидели, пристегнутые ремнями, на длинных боковых скамьях. На их лицах было написано замешательство.

Двери закрылись; мотор оглушительно заревел.

Я не могла перестать думать об облаке черного дыма от упавшего самолета. Нахлынула паника, и я покрепче прижала к себе Митчелла. Пока самолет вырубивал на взлетную полосу, я читала «Отче наш». Затем... мы взмыли в воздух. Продержаться бы пять минут, и тогда мы сможем добраться до дома.

Наконец капитан сказал:

– Мы покинули зону артобстрела. Мы в безопасности. Летим домой!

В самолете раздались радостные возгласы.

Думая о хаосе войны, я молилась за тех, кого мы оставили позади. А потом поблагодарила Бога за то, что мы с Кэрол смогли сотворить столько добра, сколько даже не могли себе представить. Нас всех ждала жизнь, полная надежды, – в том числе и сына, который у меня только что появился.

Лиэнн Тайман,

записано Шарон Линнея

Сюрприз для мамы

В Рождество в доме наших родителей царила радостная атмосфера и уют. В воздухе витали ароматы печеной индейки, окорока в меду и домашнего хлеба. Повсюду стояли столы и стулья, на которых могли расположиться малыши, подростки, родители и дедушки с бабушками. Каждая комната была красиво украшена. Члены нашей семьи никогда не упускали возможности встретить Рождество в доме у родителей.

Только в этом году все изменилось. Наш отец скончался 26 ноября, и это было первое Рождество, которое мы справляли без него. Мама старательно изображала приветливую хозяйку, но я видела, как тяжело ей это дается. Ком подкатывал к моему горлу, и я снова и снова спрашивала себя, стоит ли вручать ей заготовленный подарок или в отсутствие папы подарок придется нектати.

Несколькими месяцами раньше я накладывала последние штрихи на портреты родителей, которые нарисовала сама. Я собиралась преподнести их на Рождество. Никто бы этого не ожидал – ведь я никогда всерьез не занималась живописью. Мне просто вдруг очень сильно захотелось это сделать. Портреты вышли похожими, но я все же не была уверена в своем мастерстве.

Однажды от рисования меня отвлек внезапный звонок в дверь. Я быстро спрятала инструменты и пошла открывать. Удивительно, но отец приехал один – раньше он никогда не навещал меня без мамы. Он сказал, улыбаясь:

– Я скучал по нашим утренним беседам. По тем, что мы вели, пока ты не ушла от меня к другому мужчине!

Я недавно вышла замуж. А еще я была единственной девочкой и любимицей всей семьи.

Мне тут же захотелось показать ему картины, но жалко было портить рождественский сюрприз. И все же что-то заставило меня поделиться с ним. Взяв с него клятву держать все в секрете, я велела ему закрыть глаза и не открывать, пока я не поставлю портреты на мольберты.

– Ну, папочка, теперь можно смотреть!

Он промолчал, но выглядел изумленным. Он встал, чтобы рассмотреть их поближе. Затем отошел подальше, чтобы взглянуть издали. Я старалась сдерживать волнение. Наконец он тихо сказал, пустив слезу:

– Невероятно. Глаза как будто настоящие – они словно следят за

тобой, – и посмотри, какая красивая у тебя мама. Можно мне повесить их на стену?

Пораженная его ответом, я с радостью вызвалась завтра же завезти картины в багетную мастерскую.

Прошло несколько недель. Одной ноябрьской ночью зазвонил телефон, и мороз подернул мою кожу. Я подняла трубку, и мой муж, врач, сказал:

– Я в приемной скорой помощи. У твоего отца был инсульт. Состояние тяжелое, но он еще жив.

Папа пробыл в коме несколько дней. Я навестила его в больнице за день до смерти. Я взяла его руку в свою и спросила:

– Папа, ты узнаешь меня?

К всеобщему удивлению, он прошептал:

– Ты – моя милая доченька.

Папа умер на следующий день, и в ту минуту радость словно покинула нашу с мамой жизнь.

Позже я все-таки вспомнила о багетной мастерской и поблагодарила Бога за то, что отцу выдался шанс увидеть мои картины перед смертью. Я удивилась, когда мастер сказал, что отец заходил к ним, заплатил за рамы и заказал подарочную упаковку. Убитая горем, я уже и не думала дарить маме эти портреты.

На рождество мы все равно решили собраться все вместе. Увидев печальные глаза и грустное лицо мамы, я решила вручить ей наш с папой подарок. Она неохотно сняла упаковочную бумагу. Внутри оказалась небольшая открытка, прикрепленная к картинам.

Когда мама увидела портреты и прочитала открытку, ее настроение совершенно переменялось. Она вскочила со стула, вручила мне открытку и велела моим братьям повесить картины над камином, лицом друг к другу. Она сделала шаг назад и долго смотрела на них. Со сверкающими слезами на глазах и широкой улыбкой она быстро повернулась к нам и сказала:

– Я знала, что папа будет с нами в Рождество!

Я опустила взгляд на открытку, подписанную моим отцом. «Наша дочь напомнила мне о том, как я счастлив. Я всегда буду любоваться тобой. Папа».

Сара А. Риверс

День матери

Двадцать шесть лет назад мы с моим армейским приятелем Дэном загрузили его «корвет-427» цвета «голубой металлик» сумками-холодильниками, укороченными джинсами и футболками. Военная полиция проводила нас угрюмыми взглядами, когда мы выехали в главные ворота Форта-Макклеллана. У нас была увольнительная и полные карманы новеньких хрустящих долларов, которые мы получили за неделю работы в летнем лагере армейского резерва. Мы направлялись во Флориду, забыв об армии. Придя в восторг от того, что наших имен не было в списке нарядов на эти выходные, мы решили, что нам нужен пляжный отдых – после четырех дней на сухом пайке, на протяжении которых мы кормили комаров в холмах восточной Алабамы.

Лагерь в том году открылся рано. Стоял восхитительный май. Опустив крышу и прибавив звук на магнитоле, мы примчались в Бирмингем и решили остановиться, чтобы поздравить по телефону наших мам с Днем матери, а потом продолжить путешествие на юг по трассе И-65.

Трубку взяла моя мама и сказала, что она только что вернулась из магазина. По ее расстроенному голосу я понял, что она ждала меня в гости по случаю своего праздника.

– Хорошего тебе путешествия и будь осторожен. Мы будем скучать, – сказала она.

Я сел обратно в машину и по кислому лицу Дэна догадался, что его точно так же мучает совесть. Затем мы быстро нашли выход – нужно отправить мамам по букету цветов.

Припарковавшись у цветочного магазина в южной части Бирмингема, мы нацарапали к каждому букету записку, которая должна была оправдать наше решение укатить на пляж, а не прибыть с визитом к нашим любимым стареньким мамам.

Продавец помогал маленькому мальчику, стоявшему перед нами, выбирать букет. Мы нервничали – нам хотелось поскорее расплатиться и пуститься в путь.

Пока продавец пробивал чек, мальчонка повернулся ко мне и поднял свой букет:

– Моей маме точно понравится. Это гвоздики. Мама всегда любила гвоздики. Я еще нарву к ним цветов из нашего сада, – добавил он, – а потом отнесу на кладбище.

Я посмотрел на продавца. Тот отвернулся и потянулся за носовым платком. Потом я посмотрел на Дэна. Мы проследили взглядом за маленьким мальчиком, который вышел из магазина со своим роскошным букетом и заполз на заднее сиденье машины отца.

– Ну что, парни, определились? – с трудом выдавил продавец.

– Думаю, да, – ответил Дэн.

Мы бросили свои записки в урну и молча пошли к машине.

– Я заберу тебя в воскресенье вечером, около пяти, – сказал Дэн, высаживая меня у родительского дома.

– Буду готов, – ответил я, с трудом вытаскивая рюкзак с заднего сиденья.

Флорида подождет.

Ники Сепсас

Как долго

Две дочки моей подруги Дебби уже учились в старших классах, когда она почувствовала, что чем-то заболевает. Дебби сходила к семейному врачу, который сообщил, что вирус гриппа обошел ее стороной, зато ее коснулся «вирус любви» – она была беременна.

Рождение Томми, здорового прекрасного сынишки, стало настоящим событием и праздником. Он был милым, умным, веселым ребенком.

Когда Томми было лет пять, они с Дебби ехали в местный торговый центр. Как это всегда бывает с детьми, ни с того ни с сего Томми спросил:

– Мама, сколько тебе было лет, когда я родился?

– Тридцать шесть, Томми. А что? – спросила Дебби, недоумевая, что это пришло ему на ум.

– Очень жаль! – ответил Томми.

– В каком это смысле? – поинтересовалась Дебби.

Глядя на нее глазами, полными любви, Томми сказал:

– Ты только подумай, как долго мы не были знакомы.

Элис Коллинз

Заколки

Когда мне было семь лет, я ненароком услышала, как мама говорит одной из подруг, что завтра ей исполняется тридцать. Тогда мне пришли в голову две вещи: во-первых, я никогда раньше не думала, что у мамы бывает день рождения; а во-вторых, не помнила, чтобы она когда-то получала на него подарки.

Что ж, это было нетрудно исправить. Я пошла в свою комнату, открыла копилку и вытащила оттуда все свои деньги: двадцать пять центов. Это были карманные деньги, накопленные мной за пять месяцев. Я пошла в магазинчик за углом и сказала его владельцу, мистеру Сойеру, что хочу купить маме подарок на день рождения.

Он показал мне все, что можно было купить в его магазине на четвертак. У него было несколько керамических статуэток. Маме они бы понравились, но у нас дома было полно таких же, и именно мне приходилось стирать с них пыль раз в неделю. Нет, это не подойдет. Еще там были конфеты в маленьких коробочках. Мама болела диабетом, и я знала, что ей не подойдет такой подарок.

Наконец мистер Сойер положил на прилавок коробку заколок. У мамы были длинные черные волосы, и дважды в неделю она их мыла и накручивала на бигуди. Наутро, распустив волосы, она выглядела кинозвездой с длинными темными локонами, ниспадающими с плеч. Так что я решила: заколки будут самым лучшим подарком. Я дала мистеру Сойеру свои пять монеток по пять центов, а он передал мне заколки.

Я принесла коробочку домой и обернула ее яркой страницей из воскресного комикса (на упаковочную бумагу денег не осталось). На следующее утро, когда моя семья сидела за столом и завтракала, я подошла к маме, вручила ей свой сверток и сказала:

– С днем рождения, мама!

Несколько секунд мама сидела с удивленным видом, не проронив ни слова. Затем она разорвала бумагу. Добравшись до заколок, она заплакала.

После того случая маму каждый год осыпали подарками: моя сестра, братья, отец и я.

– Мама, прости! – извинилась я. – Я не хотела, чтобы ты плакала. Я просто хотела, чтобы у тебя был счастливый день рождения.

– Ох, милая, я счастлива! – ответила она.

Я посмотрела в ее глаза и увидела, что она улыбается сквозь слезы.

– Ты знаешь, это первый подарок на день рождения в моей жизни.

Потом она поцеловала меня в щеку и сказала:

– Спасибо, милая.

И она повернулась к моим сестре, братьям и отцу и сказала:

– *Посмотрите! Линда сделала мне подарок!*

Затем она помчалась в ванную, чтобы вымыть голову и накрутить бигуди с новыми заколками.

Когда она ушла, отец взглянул на меня и произнес:

– Линда, когда я был маленьким и жил на Диком Западе (папа всегда называл дом своего детства в горах Виргинии Диким Западом), мы не считали, что взрослым нужно дарить подарки на день рождения. Поздравляли только маленьких ребятшек. А семья твоей мамы была такая бедная, что у них и на это не было денег. Но сегодня я увидел, как твоя мама радуется, и решил, что отныне у нас все будет по-новому. Линда, я хочу сказать – ты создала прецедент.

И я действительно создала прецедент. После того случая маму каждый год осыпали подарками: моя сестра, братья, отец и я. И конечно, чем старше становились дети, чем больше мы зарабатывали, тем лучше становились подарки. К тому времени, как мне исполнилось двадцать пять, я подарила ей магнитофон, цветной телевизор и микроволновую печь.

На пятидесятый мамин день рождения мои братья, сестра и я скинулись и подарили ей нечто невероятное: кольцо с жемчужиной, обрамленной бриллиантами. Мой старший брат вручил ей этот подарок во время вечеринки в ее честь. Мама открыла бархатную коробочку и уставилась на кольцо, лежавшее внутри. Затем она улыбнулась, повернула коробочку так, чтобы гостям был виден подарок, и сказала: «Ну не чудо ли мои дети?»

Когда гости ушли, я осталась, чтобы навести порядок. Я мыла посуду на кухне, когда случайно подслушала разговор родителей в соседней комнате.

– Ну что ж, Полин, – сказал мой отец, – неплохое ты получила кольцо. Думаю, что это лучший твой подарок на день рождения.

Когда я услышала ее ответ, на моих глазах выступили слезы.

– Тед, – сказала она мягко, – это действительно чудесное кольцо, спору нет. Но знаешь, какой подарок был самым лучшим? Та коробочка заколок.

Линда Гудмен

Сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя

Помните, как в детстве вы падали и ушибались? Помните, что делала ваша мама, чтобы облегчить боль? Моя мама, ее звали Грейс Роуз, брала меня на руки, несла в кровать и целовала «чтобы не болело». Потом она садилась рядом со мной, держала меня за руку и говорила:

– Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя.

Я снова и снова сжимала ее руку, и каждый раз слышала:

– Мэри, я люблю тебя.

Я лучше всего помнила тот ритуал из детства, со словами: «Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя»

Иногда я притворялась, что мне больно, только чтобы снова разыграть с ней этот ритуал. Когда я стала старше, он немного изменился, но мама всегда находила способы облегчить мою боль и подарить радость, которая пронизывала все стороны моей жизни. В трудные дни, когда я училась в старших классах, она предлагала мне свой любимый шоколадный батончик «Херши» с миндалем. А в годы моей юности часто звонила, чтобы предложить устроить спонтанный пикник в парке Эстабрук, просто потому, что в Висконсине наступил теплый солнечный день. После каждого моего визита к родителям мама присылала записку с благодарностью, напоминая, как сильно она меня ценит.

Но все равно я лучше всего помнила тот ритуал из детства, со словами: «Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя».

Когда мне было почти сорок, однажды утром папа позвонил мне на работу. Он всегда всеми командовал, но тут я услышала смятение и панику в его голосе.

– Мэри, что-то случилось с твоей мамой, и я не знаю, что делать. Пожалуйста, приезжай как можно скорее.

За десять минут, которые я добиралась до дома родителей, меня переполнил ужас, ведь я не знала, что произошло с мамой. Когда я приехала, отец ходил по кухне из угла в угол, а мама лежала на кровати. Ее глаза были закрыты, а руки сложены на животе. Я позвала ее, стараясь скрыть волнение в голосе:

Мы не знаем, когда наступит момент истины, но с

кем бы я ни была в этот момент, я поделюсь с ним милым ритуалом моей мамы.

– Мама, я пришла.

– Мэри?

– Да, мама.

– Мэри, это ты?

– Да, мама, это я.

Я не была готова к следующему ее вопросу и не знала, что делать, когда она задала его.

– Мэри, я умру?

Я чуть не разрыдалась, глядя, как беспомощно лежит моя любящая мама.

И тут я подумала: *А что бы сказала она?*

Целую секунду, длившуюся вечность, я подбирала слова:

– Мама, я не знаю, умрешь ли ты. Но если тебе это нужно, ничего страшного. Я тебя люблю.

Она воскликнула:

– Мэри, мне так больно!

И снова я не знала, что сказать. Я села рядом с ней на кровать, взяла ее за руку и услышала, как говорю:

– Мама, когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя.

Она сжала мою руку.

– Мама, я люблю тебя.

Мама много раз сжимала мою руку, и я много раз говорила, что люблю ее, в последующие два года, пока она не умерла от рака. Мы не знаем, когда наступит момент истины, но с кем бы я ни была в этот момент, я поделюсь с ним милым ритуалом моей мамы.

«Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя».

Мэри Маркданте

Это наследственное

Молодая женщина по имени Мэри родила первенца, и поскольку ее муж был на военной службе, она провела пару недель после родов в доме своих родителей.

Однажды Мэри обмолвилась своей маме, что ее удивил рыжеватый цвет волос ребенка – ведь и она, и муж были блондинами.

– Ну как же, Мэри, – сказала ее мать, – ведь твой папа рыжеволосый.

– Но мама, – ответила Мэри, – какая разница, вы же меня удочерили.

С легкой улыбкой мама сказала самые приятные слова, которые ее дочь когда-либо слышала:

– Я все время об этом забываю.

Лучшее из журнала Bits & Pieces

Дитя родилось

Ввоскресенье незадолго до Дня благодарения мой прихожанин Ангус Макдоннел сказал, что у него родился внук, малыш Ангус Ларри. Он попросил меня окрестить его. Совет нашей церкви остался недоволен этой просьбой, поскольку семья ребенка жила в другом штате. Церковь очень серьезно относится к поддержке тех, кого взяла под свое крыло.

Но желание Ангуса Макдоннела было важнее, и в следующее воскресенье малыш Ангус Ларри был окрещен в присутствии своих родителей Ларри и Шерри, дедушки Ангуса, бабушки Минни и многих других членов семьи.

В нашем приходе крещение традиционно проходит так: пастор спрашивает: «Кто стоит с этим ребенком?», и тогда вся родня малыша встает с мест и остаток церемонии проводит на ногах. Держа на руках Ангуса Ларри, я задал этот вопрос, и все его родственники встали на ноги.

Когда все поспешили из церкви домой доедать индейку, я отправился обратно в святилище, чтобы потушить свет. На передней скамье сидела женщина средних лет. Она будто не могла подобрать слова и долго не решалась поднять на меня глаза. Наконец она сказала, что ее зовут Милдред Кори, и похвалила славную церемонию крещения. Она вновь помолчала и добавила:

– Моя дочь Тина недавно родила ребенка. Его полагается крестить, верно?

Я предложил Тине и ее мужу позвонить мне и обсудить вместе все детали. Милдред вновь заколебалась, а затем, впервые не отводя взгляда, сказала:

– У Тины нет мужа. Ей всего восемнадцать, и ее причастили в этой церкви четыре года назад. Она вступила в молодежное содружество, но потом стала встречаться с тем мальчишкой, которого исключили из школы... – Теперь ее речь лилась потоком: – ...она забеременела и решила оставить ребенка, и она хочет крестить его здесь, в своей церкви. Но она боится прийти и поговорить с вами, святой отец. Она назвала сына Джеймсом, Джимми.

В любви нет страха, но безусловная любовь прогоняет страх.

Я сказал, что передам их просьбу в совет церкви на утверждение.

Когда речь об этом зашла на следующем собрании, я рассказал то, что и так уже всем было известно: Тина была прихожанкой и незамужней матерью и личность отца была неизвестна. Хотя, конечно, все знали, кто отец – город у нас был маленький.

Мне задали несколько вопросов, чтобы убедиться, что Тина возьмет на себя ответственность за крещение ребенка. Я отметил, что и она, и маленький Джимми живут в нашем городе, где мы можем их поддерживать.

Мы все представляли себе неприятную картину: Тина с подростковыми прыщами и всем прочим, маленький Джимми у нее на руках; отца давно и след простыл; и когда будет задан заветный вопрос, на ноги поднимется только Милдред Кори. Нам всем было больно об этом думать. Но совет разрешил провести крещение. Его назначили на последнее воскресенье поста.

Церковь в тот день была полна народу, как и всегда бывает перед Рождеством. К алтарю нервно, живо, улыбаясь только мне и немного дрожа, подошла Тина с месячным Джимми на руках.

Эта молодая мать была так одинока. Их с ребенком ждала непростая жизнь.

Я начал службу, а затем, отыскивая глазами Милдред Кори, задал свой вопрос: «Кто стоит с этим ребенком?» Я слегка кивнул Милдред, намекая, что ей нужно встать. Она медленно поднялась, глядя по сторонам, а затем ответила мне улыбкой.

Я перевел глаза обратно к молитвеннику. Я собирался задать Тине церемониальные вопросы для родителей, но тут заметил движение среди слушателей.

Поднялся Ангус Макдоннел и Минни вместе с ним. Затем встала еще одна пожилая пара. Затем учитель шестых классов в воскресной школе, молодая пара новых прихожан, и вскоре перед моим недоверчивым взором вся церковь стояла вместе с маленьким Джимми.

Тина плакала, Милдред Кори держалась за скамью, будто стоя на палубе качающегося корабля. В каком-то смысле так оно и было.

В утренней проповеди в тот день прозвучали несколько строк из Евангелие от Иоанна:

Господь даровал нам любовь, и мы называемся чадами Его... Никто не видел Бога никогда; если мы возлюбим друг друга, Господь будет с нами, и Его любовь будет в нас безусловна... В любви нет страха, но безусловная любовь прогоняет страх.

На той церемонии крещения старые слова ожили; они воплотились в жизнь, и все ощутили это.

Преподобный Майкл Линдвалл

Идеальный сын

Когда мне было двадцать шесть, я родила прекрасного сына: у Джорджа были черные волосы и зеленые глаза, обрамленные длинными ресницами. Он заговорил в девять месяцев, начал ходить в десять и научился кататься на лыжах, когда ему было два года. Он был моей радостью, и я не знала, что способна любить кого-то так, как любила его.

Как и все мамы, я часто думала о том, кем Джордж станет, когда вырастет. Может быть, инженером. Совершенно точно лыжником. Он был так умен, что ему нашлось место в школе для одаренных детей. Однажды, когда я хвасталась сыном перед подругой, она сказала:

– Хорошо, что Джордж оказался идеальным ребенком. А ты любила бы его, если бы он не был таким?

Ее вопрос заставил меня задуматься, но потом я забыла о нем – до следующего года.

Однажды, когда Джорджу было восемь лет, он проснулся и не смог разогнуть ступню. Он мог ходить, опираясь лишь на пятку. Пока мы водили его по врачам, спазмы поднялись вверх по ноге и начали сковывать и вторую. Перебрав множество диагнозов, мы выяснили, что его поразила торсионная дистония – состояние, близкое к церебральному параличу. Он будет жить, но потеряет способность ходить, если вообще сможет контролировать большую часть мышц, сведенных болезненными произвольными спазмами.

Я возненавидела Бога – за то, что он по какой-то ошибке доверил мне ребенка-инвалида; себя – за то, что мои гены сделали моего сына больным; Джорджа – за то, что он такой кривой и скрюченный.

Мне было стыдно ходить с ним по улице: люди глазели и быстро отводили взгляд либо смотрели на нас с жалостью. Иногда мне самой не хотелось на него смотреть, чтобы не видеть его уродства. Я кричала, чтобы он выпрямился, чтобы скрыл свою беспомощность. Он улыбался и отвечал:

– Мама, я стараюсь.

Он больше не казался мне красивым: я видела его скрюченные ноги, руки, спину, пальцы. Я больше не хотела любить его, потому что боялась потерять. Я перестала мечтать о том, кем он станет, потому что он вообще мог не дожить до зрелого возраста. Я постоянно думала о том, что не смогу потанцевать с ним на его свадьбе.

Увидев, как Джордж своими искривленными ногами пытается стоять на любимом скейтборде, я почувствовала, как разбивается мое сердце. Я отняла у него скейтборд и убрала в шкаф, сказав, что достану «как-нибудь потом».

Я осознала, что Джордж учил меня; эта любовь была уроком.

Каждую ночь, когда мы читали перед сном, Джордж задавал мне один и тот же вопрос:

– Как думаешь, если мы очень сильно помолимся, я смогу ходить, когда проснусь?

– Нет, но я думаю, что нам все равно нужно помолиться.

– Но мама, дети зовут меня больным уродом и больше со мной не играют. У меня больше нет друзей. Я их ненавижу. Я ненавижу себя.

Мы испробовали все возможные лекарства, диеты и врачей. Я вступила в Общество медицинских исследований дистонии и основала Общество дистонии в Англии. Я посвятила жизнь тому, чтобы найти исцеление этой болезни. Я хотела, чтобы мой сын снова стал нормальным.

Понемногу, глядя на то, как спокойно Джордж относится к своей болезни, я смогла с ней смириться, но страх по-прежнему не давал мне ничего делать. Затем подруга затащила меня на групповую медитацию. Ежедневные практики помогли мне найти умиротворение.

До тех пор я чувствовала себя спокойно, только когда мне было легко жить; теперь же я испытывала такую сильную любовь, что даже не понимала, как такое возможно. Я осознала, что Джордж учил меня; эта любовь была уроком.

Тогда я поняла, что Джордж был и всегда будет самим собой – пусть немного скособоленным, непохожим на других детей, но все равно он – мой сын. Я перестала стесняться того, что он не может стоять ровно. Я приняла тот факт, что он не вырастет и не будет иметь тех же возможностей, что и все остальные. Но он будет спокойнее, целеустремленнее и смелее всех, кого я знала.

В конце концов лечение стабилизировало состояние Джорджа. Он не контролировал ноги и мог ходить только с костылями. Но он не забросил лыжи. Опираясь на лыжные палки, он несся с гор с неумолимым упорством, которое принесло ему место в параолимпийской команде США по лыжному спорту. Он не мог ходить, но это не мешало ему кататься на лыжах.

Когда Джорджу было восемнадцать, он смог выпрямить одну ногу. Он выбросил один костыль. Через месяц ему не понадобился и второй. Он хромотал, но ходил без поддержки. Вскоре он навел меня. Я стояла в дверях и смотрела, как ко мне идет высокий красавец.

– Привет, мама, – ухмыльнулся он. – Потанцуем?

Недавно я ходила на встречу выпускников и слушала, как все хвастаются успехами своих детей.

– Мой сын музыкант.

– Моя дочь стала врачом.

Когда очередь дошла до меня, я не могла сдержать гордости:

– Мой сын может ходить. И он идеален.

Шерон Дрю Морген

Большинство детей рождается лишь однажды

*Еще до твоего
зачатия я хотела тебя,*

*Еще до твоего
рождения я любила
тебя,*

*Еще до того, как
ты пробыл здесь час, я
бы умерла за тебя.*

Это чудо любви.

Морин Хокинс

Мама всегда рядом, когда вы нуждаетесь в ней. Она помогает, защищает, слушает, советует и поддерживает вас физически и морально. Она дарит семье любовь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, пятьдесят две недели в году. Мне не забыть своей мамы как минимум за это, за те недолгие драгоценные годы, которые я имел счастье провести рядом с ней. Но словами не описать той жертвы, на которую она пошла ради меня, своего сынишки.

Большинство детей рождается лишь однажды. Я родился дважды – у одной и той же матери.

Мне было девятнадцать лет, и меня забирали в концентрационный лагерь вместе с большой группой евреев. Было ясно, что нам суждено умереть там. Внезапно моя мама выступила вперед и поменялась со мной местами. И хотя это было больше чем пятьдесят лет назад, я никогда не забуду ее последние слова и прощальный взгляд.

– Я прожила достаточно. Ты должен жить, потому что ты еще молод, – сказала она.

Большинство детей рождается лишь однажды. Я родился дважды – у одной и той же матери.

Джозеф С. Розенбаум

Три сестры

Когда мама умерла, папа решил избавиться от летнего домика.
– Приезжайте, девчонки, и берите все, что хотите, – сказал он нам.
Мы так и сделали.

Я забрала высокий письменный стол, за которым мама часто сидела у солнечного окна, сочиняя письма. Бет взяла картину, где был изображен летний домик. Эллен выбрала статуэтки лошадок, поскольку они с мамой обе любили верховую езду. Затем мы разложили старые письма, слайды и поблекшие фотографии – семейную историю – в дюжину коробок, и каждой из нас досталось по четыре штуки.

Позже я уселась на верхнюю ступеньку своего крыльца и открыла коробку с пометкой «альбомы». Там были фотографии отца, такого статного в своей флотской униформе. А на одной из них была и мама – она стояла, облокотившись на их первую машину. Я перелистывала страницы, и семья росла – вот они купили свой первый дом, взяли машину побольше. На последней странице были и мы – «сестрички в одинаковых платьицах».

Я как будто снова прикоснулась к накрахмаленным оборкам и услышала шорох кринолина, придававшего юбкам объем. Я помнила, как радовалась мама, когда увидела эти наряды в детском магазине нашего городка. Для нас с Эллен нашлись платья по размеру, но не для Бет. Однако продавщица пообещала, что закажет платье четвертого размера, которое придет аккуратно к Пасхе. Как же мы обрадовались!

Когда посылка пришла, мама вынула из нее платья, а мы сбились вокруг нее в кучку. Наши наряды были сделаны из облаков белоснежной кисеи с узором в голубую крапинку. Юбки и воротники были отделаны маленькими голубыми бантиками.

– Под цвет ваших глаз, – сказала мама.

Нам разрешили устроить примерку – вечерний «показ мод» для папы. Пока мы крутились в столовой в своих пышных нарядах, он аплодировал без устали. Мы грациозно приподняли кружевные юбки и присели в великолепном реверансе.

Я рассматривала фотографии и вспоминала, как бледное весеннее солнце согревало наши лица в то пасхальное утро. Мы, наверное, заупрямились и не стали надевать пальто по дороге в церковь. Ведь тогда платья помялись бы – и никто бы не увидел, как мы похожи!

Когда пришла пора, я отдала свое платье Эллен, а она передала свое

Бет. Но эти крапчатые произведения швейцарского искусства лишь положили начало долгой традиции одинаковых нарядов. Я помнила, как мы наряжались в голубой хлопок и как носили желтые джемперы. Даже отец заразился этой идеей и привез из деловой поездки в Аризону мексиканские платья для всех своих девочек – включая маму.

Это были чудесные белые платья с широким воротом и яркими ленточками на каемках, а их юбки были вырезаны из цельного круга ткани. Папа включил на проигрывателе «Болеро» Равеля, и мы закружились по гостиной как безумные, а наши юбки с лентами трепетали, как бабочки. В конце мы со смехом повалились на пол. Папа сидел в своем кресле и улыбался: «мои девчонки».

Я так ясно помню те первые платья и, к удивлению, не помню, чем все закончилось. Может быть, мама поняла, что мы переросли эту идею. Наверное, она увидела, что мы стали разными, и просто перестала покупать нам одинаковые платья.

Мы повзрослели и пошли по жизни тремя разными путями. Мама бы изумленно покачала головой и сказала папе:

– Как это у нас вышли такие разные дочки?

Он бы только улыбнулся в ответ.

Мы знали, что без мамы в Рождество будет грустно. Мы в первый раз справляли Рождество без нее. Сколько я себя помню, папа всегда дарил маме на Рождество красивую ночную рубашку – длинную, шелковую, с большим количеством кружев. Елка сверкала, но под ней не было большой коробки из магазина «Спокойной ночи». Ради детей мы делали вид, что нам весело, но кругом не хватало мелочей, добавленных маминой рукой.

Мама так и не узнала, какую замечательную традицию она завела.

Внезапно Элен достала из-под елки одинаковые белые свертки. Они были подписаны решительной рукой папы. Надпись гласила: «От пижамного гномика». Мы открыли подарки и явили свету три одинаковые ночные рубашки из красной фланели.

Воля от радости, мы вытащили их из обертки и побежали примерять. Когда мы вернулись, папа включил «Болеро» на магнитофоне. Мы с сестрами взялись за руки и сымпровизировали задорный танец. Музыка становилась все громче, а мы кружились все быстрее и быстрее, не обращая внимания на округлившиеся глаза мужей и разинутые рты детей.

Теперь мне смешно, когда я воображаю себе это зрелище: три

взрослые женщины в красных ночнушках кружатся как очумелые среди пустых подарочных коробок и обрывков оберточной бумаги. Когда музыка закончилась ударом цимбал, мы повалились на пол, хохоча.

Наши мужья изумленно покачали головой. Младшие дети покраснели со стыда, а старшие надорвали животы от смеха. А папа снова смотрел на нас с улыбкой: «мои девочки».

Мама так и не узнала, какую замечательную традицию она завела.

Фейт Эндрюс Бедфорд

Незапертая дверь

Когда ты был
маленьким

И рядышком со
мной,

Я укрывала тебя
одеялами

В холодные,
стылые ночи.

Но теперь ты
высокий

И так далеко от
меня.

Я складываю руки

И укрываю тебя
молитвой.

Мамино одеяло, Дона
Мэддакс Купер

Дело было в Шотландии, в городе Глазго. Одна молодая девушка устала от домашней жизни и родительских наставлений. Такое не редкость для нынешних подростков. Дочка отвергла религиозный уклад своей семьи и сказала:

– Я не хочу вашего Бога. Я сдаюсь. Я ухожу!

Она покинула дом, решив путешествовать. Однако скоро дела у нее стали плохи, она не смогла найти работу, и поэтому ей пришлось выйти на улицу, чтобы торговать своим телом. Годы шли, отец умер, мама состарилась, а дочка так и осталась проституткой.

Все эти годы мать и дочь совсем не общались. Когда мама узнала, что стало с ее дочкой, она отправилась на ее поиски в городские трущобы. Она заходила во все церковные приюты и просила:

– Разрешите мне оставить здесь одну фотографию?

Это была фотография улыбающейся седой матери, а внизу было написано: «Я все еще люблю тебя... вернись домой!»

Прошло еще несколько месяцев, и ничего не произошло. Но однажды дочь пришла в церковный приют, чтобы поесть. Она уселась слушать

службу, а в это время ее взгляд блуждал по доске объявлений. Там она увидела фотографию и подумала: *Неужели это моя мама?*

Она не смогла дождаться окончания службы. Она встала и подошла посмотреть на фотографию. Это действительно была ее мама. Она стояла у фотографии и плакала. Она не могла поверить, что такое возможно.

Это была фотография улыбающейся седой матери, а внизу было написано: «Я все еще люблю тебя... вернись домой!»

Уже наступила ночь, но она была так тронута посланием, что отправилась домой пешком. Она добралась туда к раннему утру. Ей было страшно, и она шла робко, не зная точно, что будет делать, когда придет. Она постучала, и дверь распахнулась. Она испугалась, что кто-то мог вскрыть ее и ворваться в дом. Взволнованная, она вбежала в спальню и увидела, что мама еще спит. Девушка разбудила маму и сказала:

– Это я! Это я! Я дома!

Мама не могла поверить своим глазам. Она утерла слезы, и они стиснули друг друга в объятиях.

Дочь сказала:

– Я так волновалась за тебя! Дверь была открыта, и я подумала, что в дом влезли грабители!

Мама нежно ответила:

– Нет, милая. С того дня, как ты ушла, я никогда не запирала эту дверь.

Роберт Стрэнд

Мама на один день

Я – мама троих прекрасных детей, и у меня накопилось множество необыкновенных воспоминаний. Но для меня одно из самых сильных материнских переживаний на самом деле связано с чужим ребенком. Я всегда буду с нежностью вспоминать этот момент.

Майкла направили в наш лагерь прошлым летом из приюта для мальчиков, где он тогда жил. Майклу было двенадцать лет, и на его долю выпало много невзгод. Его мама умерла, и отец привез его в США из страны, охваченной войной. Он сделал это, чтобы подарить мальчику «хорошую жизнь». К сожалению, ребенок остался под опекой тети, которая унижала его морально и физически. Майкл был стойким маленьким мальчиком, никому не доверявшим и считавшим, что его нельзя полюбить.

Я поблагодарила Бога за любовь, которая может возникнуть между мамой и сыном, даже всего лишь на один день.

Он проводил время в компании других мальчишек, таких же хмурых, ожесточенных и черствых. Эта «банда» терроризировала вожатых, но мы упорно продолжали любить их, несмотря ни на что. Мы решили, что они ведут себя вызывающе из-за того, что их очень сильно обидели.

Где-то на пятую ночь нашей недельной смены мы повели детей на ночную вылазку с ночевкой в палатке под звездным небом. Когда Майкл узнал об этом мероприятии, он сказал, что это глупо, и заявил, что не пойдет. Мы не стали с ним спорить и продолжили заниматься вечерними делами.

Когда в небе взошла сияющая луна, и вечер почти склонился к ночи, дети начали укладывать свои спальные мешки в большую стопку у озера.

Я увидела, что Майкл ходит один, повесив нос. Он увидел меня и быстро подошел. Я решила не реагировать на его понурый вид и сказала:

– Ну что, Майкл, давай возьмем твой спальник и найдем тебе и твоим друзьям хорошее местечко.

– У меня нет спальника, – тихо пробормотал он.

– Ну, это не проблема, – воскликнула я. – Мы просто уложим сумки в ряд и дадим тебе несколько пледов.

Майкл был стойким маленьким мальчиком, никому

не доверявшим и с читавшим, что его нельзя полюбить.

Решив, что дилемма решена, я собралась уходить. Но Майкл потянул меня за футболку и оттащил подальше от толпы детей.

– Энн, мне надо тебе кое-что сказать.

Я увидела, как этот не по годам взрослый и суровый мальчишка сгорает со стыда.

Он еле слышно прошептал:

– Понимаешь, у меня проблема. Я... я... Я мочусь в постель каждую ночь.

Хорошо, что Майкл шептал мне на ухо и не заметил моего пораженного вида. Я даже не подозревала, что именно поэтому он может вести себя так враждебно. Я поблагодарила его за то, что он поделился со мной своей бедой, и сказала, что понимаю, почему он переживает из-за ночевки. Мы договорились, что он поспит в своем домике, незаметно ускользнув от отряда.

Я ушла в лагерь вместе с ним и по дороге к его домику спросила, не страшно ли ему спать одному. Он убедил меня, что в его жизни бывали вещи и пострашнее. Застилая его постель свежим бельем, мы обсудили, как тяжело ему дались эти двенадцать лет, и он сказал, что хочет, чтобы в будущем у него все было по-другому. Я ответила, что ему хватит сил сделать свою жизнь намного лучше. Впервые за всю неделю он не притворялся и выглядел ранимым и милым.

Майкл запрыгнул под одеяло, и я предложила укутать его.

– Что такое «укутать»? – с интересом спросил он.

Со слезами на глазах я укрыла его, подоткнула одеяло ему под подбородок и поцеловала в лоб.

– Спокойной ночи, Майкл. Я думаю, что ты классный! – пробормотала я.

– Спокойной ночи и, э-э-э, спасибо за то, что побыли мне типа мамой, ладно? – серьезно ответил он.

– Не за что, милый, – сказала я, обняв его.

Когда я уходила, по моим щекам катились слезы. Я поблагодарила Бога за любовь, которая может возникнуть между мамой и сыном, даже всего лишь на один день.

Энн Джордан

Папина дочка

Я приехала в гости к родителям со своим месячным сыном. Я ночевала в своей старой детской комнате и в первую ночь услышала, как мой отец встал и вышел в коридор. Мама сказала ему:

– Холодно. Проверь, укрыт ли ребенок.

Я притворилась спящей, чтобы посмотреть, что сделает новоиспеченный дед. Войдя в комнату, он даже не подошел к кровати моего малыша. Зато проверил, укрыта ли я как следует одеялом. И тогда я поняла, что всегда буду папиной дочкой.

Прислала Бренда Коллинс Блюм

«Ридерс Дайджест»

Глава 2. Мамины наставления

*Господь не может
быть повсюду, поэтому
он создал матерей.*

Арабская пословица

Читать в одиночестве

Мне было тринадцать лет. Год назад моя семья переехала в Южную Калифорнию из Северной Флориды. А у меня начался тяжелый подростковый период. Я бесился, бунтовал и почти не слушал, что говорят родители, особенно если это касалось меня. Как и многие другие подростки, я отвергал все, что не соответствовало моей картине мира. Я был «гением, не нуждающимся в назидании» и избегал любого открытого проявления любви. Я даже приходил в ярость, если слышал слово «любовь».

Я уверен, что любовь – бесконечная, терпеливая, безусловная любовь – меняет жизнь.

Однажды вечером особенно трудного дня я ворвался в свою комнату, захлопнул дверь и бросился на постель. Лежа в тишине, я сунул руки под подушку. Там лежал какой-то конверт. Я вытащил его наружу и увидел слова: «Читать в одиночестве».

Я действительно был один; никто не узнал бы, прочитаю я это письмо или нет. И я открыл его. Там говорилось: «Майк, я знаю, что жить сейчас трудно. Я знаю, что ты сердиться и мы, наверное, делаем что-то не так. А еще я знаю, что безумно люблю тебя, и ты не изменишь этого никакими словами или поступками. Если захочешь поговорить, приходи ко мне. А если не придешь – ничего страшного. Просто знай, где бы ты ни был и что бы ни делал, я всегда буду любить тебя и гордиться тем, что ты – мой сын. Я с тобой, и я люблю тебя – так будет всегда. Твоя мама».

Это было первое из нескольких писем, которые нужно было «читать в одиночестве». Мы никогда не обсуждали их, пока я не вырос.

Сегодня я путешествую по миру, помогая людям. Однажды я вел семинар в Сарасоте, штат Флорида, и после занятия ко мне подошла одна женщина. Она печалилась, что ей никак не удастся наладить отношения с сыном. Мы пошли на пляж, и я рассказал ей о неугасимой любви моей матери, а еще о ее секретных письмах. Несколько недель спустя она прислала мне открытку с рассказом о том, что написала сыну письмо и оставила под его подушкой.

В тот вечер перед сном я сам засунул руки под подушку и вспомнил, какое облегчение чувствовал, обнаруживая каждое из маминых писем. В эпицентре моего ураганного отрочества те письма успокаивали и

напоминали о том, что меня можно любить, несмотря ни на что. Перед сном я поблагодарил Бога за то, что моя мама знала, в чем нуждается ее агрессивный подросток. Теперь, когда в моей жизни начинается темная полоса, я уверен: у меня под рукой всегда будет напоминание о том, что любовь – бесконечная, терпеливая, безусловная любовь – меняет жизнь.

Майк Стейвер

А моя мама сказала...

Любовь матери – это энергия, которая позволяет обычному человеку делать невозможное.

Мэрион С. Гарретти

Выпустившись из Вест-Пойнта и получив звание офицера армии США, я несколько недель провел на ферме нашей семьи в Мистике, Коннектикут. Однажды за ужином я рассказал родителям о своем желании следующей зимой пойти в школу рейнджеров.

Армия отправляет на этот изнурительный курс только своих лучших солдат. Курсанты там получают питание всего раз в день, спят ночью по два-три часа и ходят в патрули на тридцать километров с рюкзаками, полными личной и отрядной экипировки. Они учатся выживать за линией врага и проводить рейды, устраивать засады и организовывать разведывательные миссии. В среднем только один из трех курсантов способен окончить этот курс.

Меня удивила реакция мамы на мой рассказ. Вместо того чтобы поддержать меня, она заупрямилась. Она стала выяснять, какова вероятность того, что я получу травму. Она попросила меня объяснить, зачем мне это нужно. Мама знала, что в прошлом некоторые курсанты погибали во время обучения.

Я сказал, что мне так захотелось. Для моей офицерской карьеры необязательно проходить подготовку в школе рейнджеров. Но я хотел испытать свои силы. Мама тихо слушала меня. Она больше не задавала вопросов. Я понял, что она чувствует. Или только подумал, что понял.

Вскоре после этого разговора я покинул родительский дом и отправился на базовый курс офицеров инженерных войск (БКОИВ) в Форт-Леонард-Вуд, штат Миссури. После этого курса я должен был отправиться в строительный батальон в Германии. На второй неделе курса я посетил ориентировку школы рейнджеров. Там дежурный офицер поделился с нами неутешительными новостями. Поступление в школу оказалось непосильной задачей: из шестидесяти лейтенантов, собравшихся в комнате, только шесть получают место в школе. Следующие три месяца мы будем

соревноваться по пяти направлениям: физической подготовке, наземной навигации, вязанию узлов, плаванию и академической подготовке. Шестеро солдат, показавших лучшие результаты, отправятся в школу рейнджеров.

Я был «гением, не нуждающимся в назидании» и избегал любого открытого проявления любви.

В тот вечер я позвонил родителям.

– У меня почти нет шансов попасть в школу рейнджеров, – сказал я и объяснил, сколько человек претендуют на место.

Я был уверен, что маме станет легче от моих слов. Но я ошибался. Мама решила, что мне грозит нечто более опасное, чем школа рейнджеров. Я мог лишиться своей мечты. И мама инстинктивно попыталась вернуть мне ее.

– Ты справишься, – сказала она. – Ты так сильно хотел пойти в школу рейнджеров, и я знаю, ты туда попадешь. У тебя все получится. И ты сможешь ее успешно окончить.

Мамины слова развеяли мои сомнения и наполнили меня силой и решимостью.

Следующие три месяца шестьдесят «будущих рейнджеров» ревностно соревновались. Каждую неделю я рассказывал родителям о своих результатах. Мама упорно поддерживала меня. Ее не пугало, что мои шансы невелики. Она продолжала говорить, что у меня все получится.

В конце октября автобус приехал забирать нас из учебной части. Я немного задержался и сел в него последним. Когда я поднимался по ступенькам, кто-то из конца автобуса прокричал:

– Эй, Уиттл, слышал новости?

Я остановился. На меня глазела толпа вторых лейтенантов. Каким-то образом я понял, что новости плохие. И что речь идет о школе рейнджеров.

– Что такое? – спросил я.

– Командир сказал, что в школу рейнджеров не пойдут те, кто едет в строительный батальон.

Я был раздавлен. Столько трудов, и все насмарку.

Я мог лишиться своей мечты. И мама инстинктивно попыталась вернуть мне ее.

Но я не повесил нос, а окинул взглядом автобус, где теперь царила полная тишина. Все смотрели на меня и ждали моей реакции. И я сразу

вспомнил мамины слова. Ухмыльнувшись, я сказал то, что пришло мне на ум:

– Ну, видимо, командир еще не говорил с *моей мамой*, потому что *она точно* знает, что я поеду в школу *рейнджеров*.

Весь автобус разразился смехом.

О моем внезапном комментарии быстро узнал весь факультет, и слава о нем дошла до персонала. Через неделю командир отменил свое решение. Видимо, он не захотел связываться с *моей мамой*.

Дежурный офицер объявил результаты соревнования. Я занял шестое место. *Моя мама* была права. 30 ноября 1990 года я поступил в школу рейнджеров Армии США и окончил ее 19 марта 1991-го.

Роберт Ф. Уиттл-младший

Инспекция

Во время инспекции в скаутском лагере директор обнаружил зонтик, аккуратно завернутый в спальный мешок одного из младших скаутов. Зонтик не числился в обязательном перечне вещей, поэтому директор попросил мальчика объясниться.

– Сэр, – ответил юноша, устало вздохнув, – у вас когда-нибудь была мама?

Автор неизвестен

Прислал Гленн ван Экерен

Какого цвета объятие?

*Одно касание
стоит десяти тысяч
слов.*

Гарольд Блумфилд

Когда моей младшей дочери Бернадетт было десять лет, я страшно за нее переживала. Последние четыре года были тяжелыми для нашей семьи. Бернадетт обожала бабушку и дедушку, и они тоже души в ней не чаяли. Но они быстро покинули этот мир, один за другим.

Всем нелегко пережить безжалостную череду таких потерь, особенно ребенку. Бернадетт была чувствительной и любящей девочкой, и поэтому ей было особенно трудно. К десяти годам она погрузилась в состояние, которое я могу назвать только депрессией. Почти целый год мы едва ли видели улыбку на ее лице. Бернадетт словно не жила, а просто существовала. В ней будто бы потухло ее внутреннее сияние.

Я не знала, что делать. Бернадетт понимала, что я переживаю за нее, и от этого ей становилось еще хуже. Однажды, после того, как она ушла в школу, я уселась в кресло и задумалась. В нашей семье всегда было принято обниматься. В детстве мои родители, бабушки, дедушки, дяди и тети по любому поводу тискали нас, детишек, в объятиях. И даже когда я стала самостоятельной, в трудную минуту я представляла, как уютно сижу на коленках у папы и крепко его обнимаю.

– Ох, папочка, – шептала я своему ушедшему отцу, – как же мне помочь Бернадетт?

Когда меня осенило, я чуть не расхохоталась. Недавно я читала о лечебном эффекте объятий. Может быть, такая «терапия» поможет моей дочери?

Не придумав ничего другого, я решила обнимать ее как можно чаще, стараясь, чтобы она не заподозрила, что я делаю это нарочно.

За несколько следующих недель Бернадетт понемногу становилась все веселее и расслабленнее. Она стала чаще улыбаться – искренне, не только губами, но и глазами. Она проявляла все больше энтузиазма в учебе и играх. За несколько месяцев частые теплые объятия победили ее тоску.

Некоторые семьи оставляют будущим поколениям

богатство или славу. Но я помню, как отец обнимал меня, и чувствую, что, если смогу передать будущим поколениям этот простой акт любви, наша семья будет поистине избранной.

Я никогда не рассказывала Бернадетт о своем замысле. Но она и сама поняла, как важно обнимать друг друга. Если ей было беспокойно или грустно на душе, она просила обнять ее. Или замечая, что мне не по себе, она говорила:

– Похоже, тебя надо обнять.

Оказывается, даже такая мелочь может стать полезной привычкой!

Прошли годы. Мы привыкли успокаиваться в объятиях друг друга, и я не думала, что из-за этого могут возникнуть проблемы. Но когда дочка поступила в колледж, мы поняли, что скоро нашим объятиям придет конец – до колледжа, который она выбрала, было 1700 миль.

За неделю до отъезда Бернадетт мы праздновали мой день рождения. А еще за неделю до этого она с восторгом сказала мне, что придумала идеальный подарок. Она с загадочным видом ходила по магазинам и периодически что-то ваяла за закрытыми дверьми своей комнаты.

В назначенный день она вручила мне красиво упакованный сверток, надеясь, что он не покажется мне глупым, – так она сказала с легким волнением в голосе.

Я открыла конверт с письмом к подарку и обнаружила там копию истории, которую она попросила зачитать вслух. «Обнимающий судья» печатался в самом первом «Курином бульоне для души». Бернадетт слушала, как я читаю о Ли Шапиро, бывшем судье, который обнимал всех, кто в этом нуждался, – обиженного водителя автобуса, расстроенную контролершу парковочных автоматов. Взамен на объятия он дарил незнакомцам наклейки в виде сердечек. Однажды его воля подверглась суровому испытанию, когда друзья привезли его в дом инвалидов, где множество людей отчаянно нуждались в объятиях. В конце того тяжелого дня он встретил одного незадачливого человека, который мог лишь сидеть и пускать слюни. И когда судья заставил себя обнять этого одинокого человека, пациент улыбнулся впервые за двадцать три года. История заканчивалась словами: «Как же просто дарить добро другим людям».

Тронутая до глубины души, я распаковала свой подарок. По моим щекам полились слезы. В упаковке лежал высокий прозрачный контейнер, украшенный сверкающей надписью «Объятия». Он был набит крошечными подушечками в форме сердец, которые моя дочь сшила своими руками.

Бернадетт сейчас далеко, но каждый раз, когда я гляжу на тот контейнер с сердечками, мне кажется, что она снова меня обнимает.

Некоторые семьи оставляют будущим поколениям богатство или славу. Но я помню, как отец обнимал меня, и чувствую, что, если смогу передать будущим поколениям этот простой акт любви, наша семья будет поистине избранной.

Лоретта Холл

Чесночные истории

Вспоминая маму, я представляю, как она готовит на кухне очередное действенное снадобье. Она не умела ни читать, ни писать, но ее голова хранила тысячелетнюю мудрость ее народа. Она считала, что детские болезни – это козни ангела смерти *Малах-Гамавета*, который пытается добраться до нас, маленьких детишек. И она неустанно боролась со злом. Ангелу смерти ни за что было не выстоять перед моей мамой и ее зельями. Но вот беда – все ее снадобья пахли чесноком!

– На, пополощи горло и проглоти.

– Но ма, – вопил я, – тут чеснок и всякая муть. У меня будет пахнуть изо рта.

– Ну и что? Зато горло пройдет. Полощи. Малах-Гамавет тоже ненавидит этот запах.

Конечно, на следующий день симптомов любой болезни как ни бывало. Компрессы из толченого чеснока помогали от высокой температуры. Припарки с чесноком, гвоздикой и перцем – от насморка или зубной боли. Некоторые семьи пахли душистым мылом, но не мы. Мы всегда пахли, как наваристый суп.

К каждой дозе своих домашних антибиотиков мама прибавляла тайный заговор для отвода дурного глаза, а мы прислушивались к загадочным звукам ее голоса и пытались отгадать, что же они означают. Может быть, мама и была чересчур суеверна, но в нашей округе многие семьи были такими – отличался только национальный колорит. В рубашки моего приятеля Риччи были вшиты чайные пакетики, набитые итальянским травяным «лекарством», – ну и запах шел от них! А мой друг-грек по имени Стив обкладывал все тело мешочками с табаком. Он звал их «амулетами на удачу».

Задолго до того как современная медицина стала творить чудеса, все семьи в нашем «большом котле» стряпали свои собственные лекарства. Представьте себе, какие ароматы витали в классной комнате, куда набились тридцать пять детишек? Боже мой, ну и запах! Наша учительница мисс Харрисон лезла от него на стенку. Мы часто видели в ее глазах слезы – уж не знаю, что ее доводило – запах или наше поведение.

– Передайте матерям, чтобы они перестали натирать вас чесноком, – кричала она, изящно прикрывая нос кружевным платочком. – Я не выношу этого запаха! Ясно вам?

Очевидно, этническая группа мисс Харрисон не полагалась на средства народной медицины. Мы не чуяли ничего особенного.

Но вот началась эпидемия полиомиелита, и моя мама лицом к лицу столкнулась со своим врагом Малах-Гамаветом. Тогда даже я не смог выносить запах ее нового секретного оружия. Она выдала каждому из нас по три льняных мешочка, набитых чесноком, камфарой и бог знает чем еще. Их полагалось носить на шее. В тот раз мисс Харрисон и ее пахучие ученики заключили перемирие, и окна в классе были распахнуты настежь. И конечно же, мама разбила врага в пух и прах; никого из нас не постигла опасная болезнь.

Только однажды мамина артиллерия подвела. Мой брат Гарри заболел дифтерией, и тогда чесночная панацея не сработала. Поэтому ей пришлось вытащить из рукава другой трюк. Гарри начал задыхаться, и вдруг мама громогласно велела нам молиться за жизнь Дэвида.

– Ма, кто такой Дэвид? – спросили мы.

– Вон он, в постели.

– Нет, ма, это Гарри.

Мы подумали, что она выжила из ума.

Она схватила нас и громко сказала:

– *Это Дэвид, поняли?* – Затем, понизив голос, она пояснила: – Мы обманем Малах-Гамавета. Он подумает, что перед ним Дэвид, и оставит нашего Гарри в покое. Когда я велю, кричите как можно громче.

Мы внимательно слушали, как она взывает ко злу, к ангелу смерти.

– Малах-Гамавет, – сказала она, – внемли. Ты пришел не к тому мальчику. Это Дэвид лежит в постели. В нашем доме нет Гарри. Уходи! Оставь Дэвида в покое! Ты обознался!

Некоторые семьи пахли душистым мылом, но не мы. Мы всегда пахли, как наваристый суп.

Затем она махнула нам, и мы хором закричали:

– Малах-Гамавет, это правда! Это правда! У нас нет брата Гарри! Это наш брат Дэвид! *Это Дэвид, Малах-Гамавет!*

Мы молились за жизнь нашего брата, а мама вещала на смеси идиша и всех остальных языков, которые смогла припомнить. Вновь и вновь она повторяла свои вирши. Всю ночь мы, три напуганных маленьких души, не спали, убеждая ангела смерти, что он совершил ошибку.

Дэвид выжил. Все верно – я сказал Дэвид. С того дня имя Гарри навсегда исчезло из нашей маленькой вселенной. Суеверие, скажете вы? А

зачем рисковать понапрасну?

Шли годы, мы выросли, покинули наши комнаты и получили образование. Мама почти перестала готовить снадобья. Но когда мне было сорок семь, у меня случился инфаркт. Какое же облегчение было написано на лице медсестры, когда мама наконец-то покинула мою больничную палату.

– Ну и запах! Это что, чеснок? – спросила сестра.

Разумеется, я ничего не почувал. Но под моей подушкой, конечно, оказались три льняных мешочка на веревочке, набитых чесноком, камфарой и бог знает чем еще.

Майк Липсток

Зубная фея

Родители всегда стремятся воспитать в детях правильные черты характера, которые помогут им достичь успеха в жизни. Когда у нашей шестилетней дочки Миган, старшей из пяти детей, выпал первый зуб, мы нашли под крохотным зубиком записку:

Дарагая Зубная Фия. Пжалуста аставь мне сваю валшебную палачку. Я памогу. Я тож хачу быть зубной фией.

Цалую Миган

Я поняла, что моя дочка – прирожденный лидер, и решила преподать ей ценный урок. «Зубная Фия» оставила малышке Миган следующее послание:

Дорогая Миган,

Я много работала, чтобы стать хорошей Зубной Феей, и я люблю свою работу. Тебе пока рано начинать работать, поэтому я не могу отдать тебе свою палочку. Но ты можешь начать кое-что делать уже сейчас, чтобы подготовиться к работе:

- 1) Всегда старайся все делать как можно лучше.*
- 2) Относись ко всем людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе.*
- 3) Будь добра и помогай другим.*
- 4) Всегда внимательно слушай, когда с тобой говорят.*

Однажды, когда ты станешь старше и будешь готова работать, я приглашу тебя на собеседование.

Удачи, Миган!

Зубная Фея

Ответ Зубной Феи привел Миган в восторг. Она серьезно отнеслась к ее посланию и тщательно следовала полученным наставлениям, с возрастом стараясь все сильнее. Ее характер, сила и лидерские навыки

росли и крепили вместе с ней.

Окончив колледж с отличием, Миган заняла непростой управленческий пост. Она преуспела в работе и к двадцати семи годам возглавила компанию.

Однажды мы с Миган обсуждали ее успехи. Она рассказала мне, как президент компании однажды спросил, что помогло ей достичь таких высот.

– Что ты ему сказала? – спросила я.

Она ответила:

– Родители, учитель и друзья. И конечно, Зубная Фея!

Сью Мустакас

Любовные послания

С тех пор как мои дети отправились в первый класс, я каждому из них паковала с собой обед. В каждый пакет я вкладывала записку. Я писала на салфетке, что благодарна им, напоминала о каком-то долгожданном событии или пыталась подбодрить перед контрольной или спортивными соревнованиями.

В начальной школе дети любили эти записочки – даже обсуждали их, вернувшись с уроков. А когда я снова начала преподавать, они стали подкладывать свои записки в мой пакет с обедом. Но потом девочки подросли и стали стесняться, а мой старший сын Марк заявил, что он уже взрослый и ему больше не нужны мои ежедневные послания. Я же ответила сыну, что пишу их не только для него, но и для себя. Он может не читать их, но я все равно буду их писать до того самого дня, когда он окончит школу.

Через шесть лет после школьного выпускного Марк позвонил и попросился домой на пару месяцев. Он продуктивно провел эти годы: с отличием окончил колледж в братстве Фи-Бета-Каппа, прошел два курса интернатуры конгресса в Вашингтоне, выиграл стипендию Джесси Марвина Унру в законодательных органах штата Калифорния и, наконец, стал помощником по вопросам законодательства в Сакраменто. Но все это время он жил вдали от дома, лишь изредка приезжая навестить нас в отпуске. Когда его младшая сестра уехала в колледж, я с особым восторгом стала ждать его возвращения домой.

Через несколько недель Марк приехал домой, чтобы отдохнуть, собраться с мыслями и писать. А потом он снова пошел работать – его назначили агитатором предвыборной кампании. Поскольку я все еще паковала обеды его младшему брату, я сделала обед и для Марка. Представьте мое удивление, когда взрослый сын двадцати четырех лет от роду позвонил мне, жалуясь на свой обед.

– Что я тебе сделал? Ты больше не считаешь меня своим сыном? Ты что, разлюбила меня, мама? – такими вопросами он осыпал меня, пока я со смехом спрашивала, что случилось.

– Моя записка, мам, – ответил он. – Где моя записка?

В этом году мой младший сын пойдет в выпускной класс. Он тоже успел объявить, что уже слишком взрослый для записок. Но, как и его старший брат, и сестра до него, он будет получать эти записки до

выпускного дня – и всякий раз, когда после этого я буду готовить ему обед.

Антуанетт Куритц

Спасен ремнем

Как матери, мне очень повезло. У меня милый, умный, симпатичный сын, который всегда меня радует. Перед шестнадцатым днем рождения Алана мы много волновались, предвкушая один из ритуалов перехода во взрослую жизнь: получение водительских прав.

Примерно за месяц до его дня рождения прошло собрание, посвященное безопасному вождению, где говорили, что в машине всегда нужно пристегиваться ремнем безопасности. Одна из спикеров, Кэти Хезлеп, в прошлом году потеряла сына в ужасной автокатастрофе. Когда ее попросили выступить, она поначалу отказывалась. Кэти мучительно переживала смерть сына. Она чувствовала себя беспомощной и подавленной.

Моя семья – везунчики. Нам удалось сохранить самое ценное – нас самих.

Школа уговорила ее произнести речь перед учениками. Кэти рассказала о том, как тяжело ей пришлось после потери сына. В иные дни она не находила в себе сил даже для того, чтобы встать с постели. Кэти говорила от чистого сердца, и мой сын так же близко к сердцу воспринял ее слова. Я помню, как Алан пришел домой, и мы обсудили ту автокатастрофу. Мы отметили интересные параллели: Кэти тоже была матерью-одиночкой (как я), и Райан был ее единственным ребенком (как мой Алан).

Что ж, наконец наступил великий день. Бесконечно мудрый штат Флорида наградил моего «ребенка» правом ездить на пороховой бочке! Тогда я подумала: страшнее всего на свете смотреть, как твой единственный ребенок *один* уезжает на твоей машине. Но я ошиблась.

Прошла всего неделя, как Алан получил права, когда у нас дома раздался звонок, принесший мне худший кошмар любого родителя. Полиция сказала, что мой сын ехал по извилистой дороге, потерял управление и по неопытности не смог выйти из заноса. Он не свалился в озеро и не сбил дорожный знак на пути, но зато с разгона влетел в осветительный столб. Слава богу, скорость была не очень большой. Если бы удар был сильнее, его с двумя пассажирами могло бы убить током.

Когда меня привезли на место аварии и я увидела разбитую машину, мне стало по-настоящему дурно. Я не могла поверить, что трое детей живыми выбрались оттуда. Я подумала: *Наверное, у моего сына есть ангел-*

хранитель. Я оказалась права.

Приехав в больницу, я стала расспрашивать Алана об аварии. Он рассказал, что никто из ребят вначале не был пристегнут. Но искренний и выразительный рассказ Кэти Хезлеп о ее потере так впечатлил Алана, что он заставил всех пристегнуть ремни. Поэтому все они спаслись.

Моя семья – везунчики. Нам удалось сохранить самое ценное – нас самих. Я бесконечно уважаю и люблю Кэти Хезлеп. Она не звезда, а обычный человек; она – мать, которая, несмотря на свою невосполнимую потерю, набралась храбрости и спасла своим рассказом три жизни.

Рэнди Голдсмит

Праздник неудачи

*Неудача – это
отсрочка, но не
проигрыш.*

*Это объезд, а не
тупик.*

Уильям Артур Уорд

Когда мне нужна помощь в воспитании детей, я вспоминаю свою маму и бабушку. Эти женщины зародили семена мудрости в моей душе, как в потайном саду, который цветет даже в самые лютые морозы.

В один особенно мрачный день я пришла домой и обнаружила повторный счет за газ с «не слишком вежливой» запиской от домовладельца. А все трое моих детей встречали меня, пребывая чуть ли не в нокауте.

Моя бабушка Тауз всегда говорила: «Мы учимся на ошибках, а не на успехах. Беды точат камень. Чем больше их было, тем лучше он катится».

Одиннадцатилетний Томми страдал из-за неудачной стрижки.

– Учитель отнял мою кепку и сказал, что воспитанные юноши не носят головной убор в помещении.

Его весь день дразнили лысым и скинхедом, – рассказал он мне, закрывая голову обеими руками.

Лиза в своем втором классе вышла в финал конкурса по орфографии, а потом сделала ошибку в слове *переволноваться*. Я оценила иронию.

Первоклассницу Дженни отругали за нервное хихиканье за партой и осмеяли за запинку при чтении предложения.

– Ну что ж, детишки, у нас с вами Праздник неудачи. Давайте это отметим!

От неожиданности они забыли о своих горестях и уставились на меня.

– Моя бабушка Тауз всегда говорила: «Мы учимся на ошибках, а не на успехах. Беды точат камень. Чем больше их было, тем лучше он катится». Пойдем в Макдоналдс отмечать наш первый Праздник неудачи.

Мы еще много раз устраивали вечеринки в честь Праздника неудачи,

потому что научились не убиваться из-за промашек, а искать в них веселые стороны. Надеюсь, в душе моих детей я смогла зародить семена мудрости, которые получила от женщин из предыдущих поколений, и однажды эти семена прорастут и в их собственных садах.

Джудит Тауз-Робертс

Полночный гость

Яросла в маленькой деревушке во времена, когда телефон был диковинкой, а пользоваться автомобилем было непрактично, потому что он не мог преодолеть грязные сельские дороги. В те дни еще не знали слова «депрессия», пойти было некуда, а соседи могли положиться лишь друг на друга. Я помню одну ночь, которая изменила многое в нашей жизни.

На оконные стекла давила темень, и октябрьская буря, ветер и дождь неистово бушевали снаружи. Наш каркасный домишко в сельской глубинке Арканзаса наполнял грохот. Казалось, что от бури потускнел даже свет керосиновой лампы на столе в гостиной.

Я была беспокойной девятилетней девочкой, и конечно же, мне казалось, что дом с минуты на минуту сдует с места. Папы не было дома – он искал работу на севере, – и я чувствовала себя ужасно уязвимой. Но тут мама тихо и мирно уселась чинить одежду, чтобы «проходить в ней еще одну зиму».

– Mamочка, тебе нужна новая одежда, – сказала я, чтобы завязать разговор. В такую ночь мне нужно было услышать спокойный голос другого человека.

Она обняла меня:

– Тебе одежда нужнее, ведь ты ходишь в школу.

– Но у тебя нет даже зимнего пальто.

– Господь обещал удовлетворить наши нужды. Он сдержит обещание, только не по нашему требованию, а когда придет время. Все будет хорошо.

Я завидовала ее упрямой, непоколебимой вере. Особенно в такие ночи. Штормовой порыв взвыл в дымоходе и раскидал угли в очаге.

– Можно нам сегодня запереть двери? – спросила я.

Мама улыбнулась, взяла в руки черную каминную лопатку и расправила золу на тлеющих углях.

– Эдит, от этой бури нельзя спрятаться. И ты знаешь, что мы не запираемся, как и наши соседи. Особенно в такие ночи, когда кому-то может понадобиться крыша над головой.

Она взяла со стола лампу и пошла в свою комнату. Я отправилась за ней, путаясь под ногами.

Я помню одну ночь, которая изменила многое в нашей жизни.

Уложив меня в постель, она еще не успела снять свой безумный лоскутный халат, как внезапный порыв ветра хлопнул входной дверью, принес запах дождя и с грохотом раскидал вещи в гостиной.

– По-моему, это был не только ветер с громом.

Мама схватила лампу и снова пошла в гостиную. Я боялась идти с ней. Но еще сильнее я боялась остаться одна.

Вначале мы увидели только разбросанное содержимое маминой корзинки для рукоделия. Потом наши глаза заметили грязные следы на голом сосновом полу, тянувшиеся от двери до кожаного кресла у камина.

Скрючившись, в кресле сидел растрепанный и промокший до нитки мужчина, коренастый, одетый в темный, заляпанный грязью костюм. У него изо рта гадко пахло. В левой руке он все еще держал помятую банку.

– Мама, это мистер Холл!

Мама лишь кивнула, выкапывая угли из золы в камине и стряхивая разлетевшуюся золу. Она отнесла угли в дровяную печь на кухне и накрыла их большой охапкой сосновой растопки, которую мы собрали с утра.

– Я сварю кофе. А ты разведи огонь, – велела она, – чтобы наш гость согрелся и обсох.

– Но мама, он же пьяный!

– Да, и он, должно быть, так напился, что принял наш дом за свой.

– Но до его дома идти четверть мили.

– Юная леди, мистер Холл не пьяница. Я не знаю, что с ним сегодня стряслось. Но он – хороший человек.

Я знала, что мистер Холл по понедельникам на попутке добирался до своей швейной лавки в Литтл-Рок, где подолгу трудился всю неделю. Днем по субботам он устало тащился домой, опираясь на свою трость.

Будто прочитав мои мысли, мама шепнула:

– Наверное, ему иногда бывает очень одиноко.

Я стояла в дверях кухни, когда меня потрясла случайная мысль.

– Ой, мама, а что же скажут люди, когда узнают, что мистер Холл напился?

– Люди об этом не должны узнать. Поняла?

– Да, мама.

Шторм бушевал, а мама принесла мистеру Холлу кружку дымящегося черного кофе. Она приподняла его голову, уговаривая выпить все содержимое по глоточку за раз. Когда кружка почти опустела, он смог приоткрыть глаза и узнать нас.

– Миз Ан-вуд.

– Да, мистер Холл. Все будет хорошо.

Гость – это любой человек, который пришел к нам с миром.

Когда мама отнесла кружку обратно на кухню, мистер Холл оперся на трость, сложил лоскутное покрывало на кресло и нетвердой походкой вышел навстречу затихающему шторму. Мы глядели, как он неуверенно идет к нашим воротам, а остатки молний подсвечивают ему дорогу.

– Похоже, дальше наш гость сможет справиться сам.

– Мама, а почему ты зовешь его гостем? – спросила я. – Он же просто сосед. Мы его не приглашали к себе домой.

– Гость – это любой человек, который пришел к нам с миром. Ты помнишь, кого зовут соседом в притче о добром самаритянине?

– Человека, который помог незнакомцу.

– Видишь, а раз мистер Холл стал нашим гостем, пускай и случайно, мы смогли стать его соседями.

Несколько недель спустя мы пришли домой из церкви и обнаружили на столе коричневый бумажный пакет с подписью: «Для миссис Андервуд».

– Наверное, это те выкройки, которые миссис Чайлз пообещала отложить мне. У ее дочери размер как у тебя. Можешь открыть, если хочешь, – сказала мама и ушла переодеваться.

Я потянулась к шуршащему пакету.

– Мама, нет! – крикнула я. – Это пальто для тебя, очень красивое!

Мама вернулась, чтобы посмотреть на наряд, который я держала в руках. Она с осторожностью продела в рукава вначале правую, потом левую руку. Тогда я еще не знала, что такое добрососедские отношения. Я знала только, что, когда мама примерила то зимнее пальто, оно село на нее как влитое.

Эдит Дин

Глава 3. Мамина храбрость

Глубокой зимой я наконец-то узнал, что во мне было неуязвимое лето.

Альбер Камю

Мой сын Райан

*Как мать, я
забочусь, о чем могу, а
невозможное доверяю
Господу.*

Рут Белл Грэм

Прошло семь лет с тех пор, как умер мой сын, Райан Уайт. У Райана была гемофилия, он принимал препарат крови, повышающий ее свертываемость, и заразился ВИЧ. Когда это произошло, о СПИДе еще ничего толком не знали. Ему поставили этот диагноз в тринадцать лет. Врачи сказали, что, если нам повезет, он проживет еще шесть месяцев.

Райан прожил шесть лет, и все узнали его как «парня, который стал олицетворением СПИДа и рассказал всей стране об этой болезни». Так о моем сыне высказался президент Клинтон, повторно подписывая «Чрезвычайный закон о помощи больным ВИЧ/СПИДом имени Райана Уайта». Этот закон обеспечивает сотни тысяч людей с ВИЧ, живущих в Америке, медицинскими услугами, лекарствами, уходом на дому и амбулаторным лечением. Я уверена, Райан был бы счастлив, знай он, что его жизнь и смерть смогли помочь стольким людям.

Известие о смертельной болезни Райана совершенно раздавило меня. Я одна воспитывала двоих детей. Они были смыслом моей жизни – и теперь мой сын, мой первенец, должен был умереть. Я сомневалась, что смогу это пережить. И вдобавок к этому кошмару нам пришлось бороться с безразличием, страхом и ненавистью, которые окружали СПИД в те времена. Райан хотел снова ходить в школу, но его не пускали обратно. Родители боялись, что их дети заразятся ВИЧ, находясь с Райаном в одном классе. Мы боролись за то, чтобы ему разрешили учиться, и победили, но враждебное отношение и давление общественности пагубно сказались на нашей семье. Мы решили переехать в другой город.

В новой школе Райана все было совершенно по-другому. Студенты очень сердечно приняли его у себя: они рассказывали в школе о СПИДе и помогали ученикам побороть страх перед этой болезнью. Райан посвятил свою жизнь просвещению людей. Он рассказывал о СПИДе всему миру – на телевидении, в журналах, газетах. Это помогло нашей семье принять свою участь и частично облегчило боль.

Мы научились жить со СПИДом. Эта болезнь страшна тем, что приносит одну сильную инфекцию за другой. Я боялась, что каждое покашливание, каждое повышение температуры могло быть последним. Со СПИДом никогда не знаешь, насколько серьезен тот или иной симптом. Пациент постоянно болеет, не успев оправиться от предыдущей болезни.

Райан почти всегда был в хорошем настроении. Даже лежа в больнице, он старался улыбаться мне, когда я входила в двери. И все же иногда он расстраивался и начинал дуться – если не мог из-за болезни или учебы пойти на концерт, или встретиться с интересными людьми, или поехать в необычное место. Тогда я могла отругать его. Он сразу раскаивался и извинялся передо мной. Он писал мне записки и посылал открытки.

Если больной человек никогда не раздражается, значит, он святой. Если вы заботитесь о больном человеке, вам ни в коем случае нельзя близко к сердцу принимать его вспышки ярости, потому что на самом деле за него говорит болезнь или лекарство. Злые слова исходят не из его искреннего и любящего сердца.

Однажды Райан просто схватил меня за руку и начал помахивать ей.

– Райан, ты обычно делаешь милые вещи, когда тебе что-то нужно. Чего ты хочешь?

– Нет, я ничего не хочу. Разве сыну нельзя подержать маму за руку?

– Ну хватит, Райан...

– Нет, мама, правда. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала. За то, что ты всегда была рядом.

Никто и никогда не сможет отнять у меня эти слова. Никто не сможет отнять у меня то, что я почувствовала в тот день как мать.

Я помню, как кто-то однажды спросил меня:

– Как же ты живешь, Джинни, зная, что твой сын скоро умрет?

Я ответила:

– Мы не думаем о смерти. У нас нет на это времени. Если дать этим мыслям волю, они сожрут тебя. Нужно продолжать жить, вкладывая смысл в каждый день и час.

Каждый сорняк, что я выдираю, – это кусочек скорби, который я отталкиваю от себя.

Наконец настало то роковое время, когда тело Райана сдалось. Пока Райан был подключен к аппарату жизнеобеспечения, я разговаривала с ним. Наверное, он ничего не слышал, но мы включали ему музыку. Он ничего не

видел, но мы, вставая на шаткие стулья, развешивали плакаты и флажки на стенах поверх экранов, проводов и пищащих мониторов. Мы не хотели бросать его одного.

Стоя там и глядя на тощее, маленькое тело Райана, я знала, что ничего уже не изменить. Перед тем как потерять сознание, мой сын сказал мне:

– Мама, если ты думаешь, что у меня еще есть шанс, не упускай его.

И мы не упускали. Мы делали все, что было в наших силах, до самой последней секунды.

Я наклонилась к нему поближе и прошептала:

– Все хорошо, сынок. Можешь идти.

Потом он умер. Его оживили на пару минут. Он умер бы снова в ту же минуту; я прекрасно это знала. Я знала, что шансов больше нет. Но как же тяжело признавать поражение... это было невыразимое горе для меня и моей семьи.

– Если хочешь, можешь попросить врачей перестать, – сказала моя близкая подруга. – Это тебе решать, Джинни.

Я поговорила с моими родителями и с Андреа – сестрой Райана. Потом я сказала врачам:

– Хватит.

Доктор Марти Клайман с самого начала заботился о Райане. Он помог ему прожить почти шесть лет, когда другие врачи предрекали смерть через шесть месяцев. Он вышел и объявил, что мой мальчик умер во сне, не мучаясь.

Искорка потухла.

Нужно продолжать жить, вкладывая смысл в каждый день и час.

Теперь, семь лет спустя, эта искорка понемногу разгорается снова. Мне кажется, что в моем разуме наконец-то забрезжил рассвет. Я всего жду с нетерпением. Мне нравится быть замужем. Мой новый муж Рой вернул радость в мою жизнь. Моя дочь Андреа выросла сильным, умным, прекрасным человеком. Я с нетерпением жду всего, что жизнь приготовила для нас, – приключений, путешествий, внуков. Кажется, на горизонте уже виднеется конец эпидемии СПИДа. Каждый день люди, чья жизнь когда-то казалась законченной, выздоравливают. Скоро появится лекарство. Оно уже почти здесь. Я чувствую, что доживу до этого момента. Что может быть лучше радостного предвкушения?

Сад лечит меня. Там я работаю на лоне природы среди цветов и

сочных фруктов и пробуждаю свой дух, когда день еще молод, все выглядит свежим и мокрым и листья покрыты капельками росы. Мне кажется, что каждый сорняк, что я выдираю, – это кусочек скорби, который я отталкиваю от себя. Это слезы, которые я выполола, чтобы всходы радости нашли путь наружу.

В цветах я вижу лица друзей, которых потеряла: я вижу лицо моего сына. Они прекрасны ранним утром, когда открываются, как улыбки, и светятся новой надеждой.

Спасибо, Господи, за новый день.

Джинни Уайт

Мама, все хорошо?

Я сидела, погрузившись в раздумья над важным отчетом, когда зазвонил телефон. *Ну почему именно сейчас?* – подумала я с раздражением, и тут няня моего двухлетнего сына сообщила, что ему плохо.

– Джордан сам не свой, – сказала она. – Температуры нет, но он очень вялый.

По дороге домой я успела успокоиться и задуматься о Джордане. Я вспомнила, как удивилась, узнав, что беременна. В детстве я была уверена, что никогда не захочу детей. Но тогда я не была влюблена в отца-одиночку с двумя маленькими дочками.

За пять лет в браке мне понравилось быть мачехой. Эта роль подходила мне, и во многом это была заслуга моих новых дочерей. Помню, как я переживала, что нужно будет рассказать им о будущем малыше. Девочки тогда только-только привыкли к новой жизни. Вспомнив их ответ, я расхохоталась. Сестренки отвели меня в туалет, подальше от отца, и задали единственный вопрос, который их беспокоил:

– Это что же, вы с папой занимались сексом?

Спустя семь месяцев и двадцать два часа тяжелых родов мы наконец-то увидели Джордана. Мы никак не ждали, что мальчик по фамилии Перез окажется огненно-рыжим. У нас родился прекрасный здоровый сынок с темными, почти черными глазами.

– Он – часть всех нас, – сказала Вэл, наша старшая дочь, с любовью глядя на маленького братика. – Он нас объединяет.

Я вынырнула из грез, подъехала к дому и помчалась внутрь. Джордан спал, взмокнув от пота и с трудом дыша. Я схватила его в охапку, усадила в автомобильное креслице и отправилась к доктору.

Я все время поглядывала то на дорогу, то на Джордана. Няня была права: он был сам не свой. Теперь он проснулся и глядел на меня печальными усталыми глазами.

До доктора оставалось несколько кварталов, когда я снова обернулась к нему. Губки Джордана дрожали, вначале медленно, затем все быстрее и быстрее. Я с ужасом смотрела, как на его губах выступает пена. Все его тело бесконтрольно затряслось, а глаза закатились. Припадок прекратился так же внезапно, как начался, и Джордан обмяк на сиденье.

Мой маленький двухлетний сын почти сутки боролся за свою жизнь, но теперь переживал за *меня*.

В панике я проскочила два красных светофора и ворвалась на парковку. Когда я доставала Джордана из машины, он безвольно висел у меня на руках. Его безжизненные глаза глядели в никуда. Тут я поняла, что он не дышит.

– С ним случилось что-то ужасное! – взывала я, вбегая в здание.

Доктор, услышавший мои крики, встретил меня в приемной и забрал Джордана из моих рук. Он пощупал пульс у него на шее и попросил медсестру вызвать парамедиков, а сам начал делать искусственное дыхание. Другая медсестра не дала мне пройти, и мне оставалось лишь слушать, как моего сына пытаются вернуть к жизни.

– Ну давай, малыш, – умолял кто-то. – Вернись к нам.

– Пульса нет! – выкрикнул другой голос.

Я не могла поверить в то, что происходит. Я была ужасно растеряна и очень боялась потерять моего сыночка. Я хотела быть с Джорданом. Хотела взять его за руку, поцеловать в щечку и сказать ему, что все будет хорошо. Я паниковала.

К приходу парамедиков Джордан все еще не дышал. Они работали с ним несколько минут, а затем спешно увезли на каталке.

– Мы подключили его к аппарату искусственного дыхания, – объяснил парамедик, отводя меня в отделение скорой помощи. – Ваш сын сейчас не может дышать сам, поэтому аппарат будет делать это за него.

Муж встретил меня в больничном зале ожидания. Когда он осел на пол и зарыдал, уткнувшись мне в колени, я поняла, что никогда раньше не видела его плачущим. Вошла медсестра и мягко спросила, не желаем ли мы позвонить нашему пастору.

– Нет! – воскликнул мой муж. – Он поправится!

Через час нас наконец-то пустили к Джордану. Мой неукротимый малыш казался совсем маленьким и хрупким, лежа в окружении бесчисленных трубок. Его продолжало трясти – припадок начался снова, сразу после того, как его вернули к жизни.

Врач скорой помощи был очень расстроен.

– Мы знаем только, что Джордан очень болен, – сказал он. – Мы дали ему максимальную дозу фенobarбитала, но припадки все равно продолжаются.

Прошел еще час. Джордана стабилизировали и перевели в педиатрическое отделение. Он все еще был на аппарате искусственной вентиляции легких, но припадок наконец-то прошел.

Компьютерная томограмма не показала ничего необычного. Анализ спинномозговой жидкости был нормальным. Объяснения тяжелому

припадку Джордана по-прежнему не могли найти, и никак нельзя было узнать, не повредило ли его мозгу кислородное голодание.

Нам с мужем разрешили остаться с Джорданом в реанимации. Я держала сына за ручку, целовала его в щеку и говорила, что все будет хорошо. Поздно вечером, когда наш пастор и родственники молились в зале ожидания, Джордан выкашлял трубку из горла и впервые задышал сам со времени первого припадка.

Я хотела быть с Джорданом. Хотела взять его за руку, поцеловать в щеку и сказать ему, что все будет хорошо. Я паниковала.

На следующее утро, когда Джордан наконец-то открыл глаза, мы с мужем не знали, чего ждать. Его мозг мог пострадать, но мы были готовы справиться с любой бедой. Мы не смогли бы вынести только его смерти.

Джордан под действием лекарств с трудом фокусировал взгляд. Я знала, что, если он нас узнает, все будет хорошо. Сын медленно посмотрел на нас с мужем. Когда он потянулся к нам и прошептал: «Мама, папа», я не сдержалась и разрыдалась.

Увидев мои слезы, Джордан спросил слабым голосом:

– Мама, все хорошо?

Я поразила его заботе. Мой маленький двухлетний сын почти сутки боролся за свою жизнь, но теперь переживал за *меня*.

– Ну конечно, мой милый, – ответила я, нежно глядя его по щеке. – У меня все очень хорошо.

С тех пор прошло шесть месяцев, и Джордан полностью выздоровел. Я перестала ночевать на полу его спальни. Мы так и не узнали, что вызвало тот припадок. Может быть, это был вирус или резкий перепад температуры тела. Из-за этой неопределенности Джордану предстоит принимать лекарство от припадков как минимум два года.

Прошлым вечером я смотрела, как Джордан играет в футбол с сестрами и папой на заднем дворе, и, как это часто бывает, думала о том, что мы чуть его не потеряли. Мяч прилетел ко мне, и Джордан прибежал за ним. Забирая мяч, Джордан увидел слезы у меня на глазах. Он положил ручку мне на колено и спросил:

– Мама, все хорошо?

– Ну конечно, мой милый, – ответила я, улыбнулась и крепко обняла его. – У меня все очень хорошо.

Кристина Перез

Свергая горы

В Андах жили два враждующих племени, одно в низине, а второе – высоко в горах. Однажды горцы напали на жителей долины и в качестве трофея забрали с собой в горы маленького ребенка одной из семей.

Жители низин не умели забираться в горы. Они не знали горных троп, не знали, где искать горцев и как выследить их на круче.

И все равно они снарядили своих лучших бойцов в горы, чтобы те вернули ребенка домой.

Мужчины пробовали один способ скалолазания за другим. Они испытывали одну тропу за другой. Но за несколько дней тяжелых усилий смогли вскарабкаться лишь на пару сотен футов.

Решив вернуться, они увидели, как к ним идет мать ребенка. Они поняли, что она спускается с горы, на которую им не удалось взобраться.

А затем они увидели, что на спине она несет ребенка. *Как такое возможно?*

Один из мужчин поприветствовал ее и сказал:

– Мы, сильнейшие мужчины деревни, не смогли забраться на эту гору. Как же тебе это удалось?

Он пожала плечами и ответила:

– Просто это был не ваш ребенок.

Джим Стовалл

Bits & Pieces

Сердца в разных концах мира

Грохоча под палящим солнцем, наш поезд приближался к городу Нагпур на юге Индии. Рядом со мной в этот День благодарения сидел муж с двумя нашими приемными индийскими сыновьями. Мы ехали в Нагпур на встречу с маленькой девочкой, которую хотели удочерить, чтобы дополнить нашу семью. К сожалению, из-за долгой процедуры усыновления нам нельзя было тут же забрать дочку домой, в Соединенные Штаты. Но мы хотя бы несколько часов могли побыть вместе.

Три года назад я уже приезжала в Индию из Мэриленда. Тогда я обустроила нам новый дом в Хайдарабаде недалеко от сиротского приюта, где в то время жили мои сыновья. Теперь я снова остановилась в Хайдарабаде, и мой муж ненадолго приехал из Мэриленда: его компания поддержала наше желание удочерить маленькую девочку. Неизвестно было, сколько я пробуду в Индии. Это решал неспешный индийский суд по вопросам усыновления – система, которая была неподвластна нашему контролю. И все же мы сможем в этот жаркий день хоть недолго побыть одной семьей.

Вскоре после обеда велорикша привез нас к переполненному приюту, где сотня детишек жаждала, чтобы их забрали домой. Вид их лиц разбивал мне сердце. Но я знала, что об этих детях искренне заботились воспитатели, и их скромные условия жизни выглядели нормальными.

Мы ерзали на стульях от нетерпения, дожидаясь, когда же приведут нашу маленькую нежную девочку. Я тут же узнала ребенка, за которого молилась каждый день почти год. Гита, наша дочка! Мы радостно обняли и поцеловали ее, создав в тот момент узы, которые свяжут нас на всю жизнь.

Гита ни слова не знала по-английски, но это было не важно. Она была нашей дочкой, и наконец наша семья стала полной. Мы съели мороженое и почитали книжки с картинками, а затем расстались с улыбкой и слезами на глазах, зная, что через месяц сможем быть вместе навсегда.

В толпе жаждущих лиц я увидела лишь одно – сияющее личико, и услышала: «Мама!»

Мой муж вернулся на работу в Штаты, а я обосновалась с сыновьями в Хайдарабаде, почти в трехстах милях от приюта в Нагпуре, нервно ожидая уведомления о готовности документов Гиты. Я часто лежала ночью без сна, представляя, как держу ее на руках и защищаю от невзгод в переполненном

приюте. Она была такой нежной, такой доверчивой.

Наконец мне сообщили, что нужно срочно ехать в Нагпур, чтобы забрать дочку под свою опеку. Не теряя времени, я решила лететь самолетом, чтобы сыновьям не пришлось ночевать одним. Но случилась беда: индуистский храм в Айодхья на севере Индии разбомбили мусульмане. Мы были в тысячах миль от того места, но в Хайдарабаде жило очень много мусульман. Все авиарейсы отменили из-за угрозы теракта, и в городе объявили комендантский час.

Я решила ехать в Нагпур на поезде, договорившись оставить сыновей у друзей. Но наш водитель, преданный мусульманин, отговорил меня.

– Мэм, вы не выживете!

Он объяснил, что одинокая американка будет легкой мишенью для чужой агрессии. Близкие друзья-индуисты дали мне тот же совет, заставив отказаться от этого плана.

Затем мне пришла в голову идея поехать в Нагпур на машине. Все-таки мой водитель был мусульманином, и я ему доверяла. Он даже помогал нам пополнять запасы еды во время комендантского часа, когда мы с детьми не могли выйти из дома. Но он вновь отговорил меня.

– Мэм, – сказал он, – я один. Что я сделаю против банды грабителей? Оставайтесь дома, в безопасности!

Я вспомнила, что отвечаю и за тех детей, что уже были со мной, и сдалась перед суровой реальностью. Оставалось только ждать.

Гита ни слова не знала по-английски, но это было не важно. Она была нашей дочкой, и наконец наша семья стала полной.

Дни превращались в недели, а недели в месяцы. Я каждый день молилась за мою маленькую дочку в приюте. *Что она подумала? Знает ли она, почему я не приехала?* Мои сыновья все сильнее нервничали и становились неуправляемыми. Я отчаянно нуждалась в поддержке, но мой муж и друзья были в десяти тысячах миль от меня. Мои испытания становились все суровее, и я поняла, что с ними придется справляться самой, своими силами. *Сохраняй спокойствие. Старайся вести себя как обычно. Господи, дай же мне сил пройти через все это!*

Постепенно напряжение между индуистами и мусульманами улеглось, комендантский час отменили, и жизнь в городе пошла своим чередом. Был уже март. С того солнечного Дня благодарения, когда мы познакомились с Гитой, прошло четыре месяца. Мой муж снова приехал навестить нас, и

мне казалось, что я выдержала очень суровую проверку. Наконец я смогла глубоко вздохнуть и почувствовать, как с моего сердца свалился камень – теперь его заполняла Гита.

О чудо – самолеты вновь летают в Нагпур! Мы помчались быстрее молнии и уже через несколько часов сжимали в руках заветные билеты на завтрашний рейс.

Велорикша вез нас до приюта, как в замедленной съемке. Я еле держала себя в руках. И вот настал миг, которого мы все так ждали. В толпе жаждущих лиц я увидела лишь одно – сияющее личико, и услышала: «Мама!»

Это было ее первое английское слово. Когда она произносила его, в ее огромных глазах могла уместиться вся Вселенная, а любви в ее голосе хватило бы мне на всю жизнь.

Амшева Миллер

Настоящее зрение

Моя подруга Мишель слепая, но вы бы ни за что этого не заметили. Так здорово она пользуется остальными чувствами, включая «шестое» – интуицию.

Мишель воспитывает своих детей почти так же, как и все остальные, только она никогда не разменивается на мелочи. Ее шестилетней дочке Саре и девятилетнему сыну Аарону расслабленный настрой их мамы идет только на пользу. Однажды Мишель сказала мне, что ей, наверное, не понравилось бы, как одеваются ее дети. Видите ли, она просит мужа и друзей выбрать для них одежду. Но раз ни друзья, ни папа не понимают, что нравится детям, Сара и Аарон часто сами решают, что надеть. Однако Мишель с ними не спорит. Для нее главное – чтобы одежда была чистой и по погоде. И она уверена, что в шесть и девять лет ее дети сами могут понять, жарко им или холодно.

Еще Мишель редко препирается со своими детьми из-за порядка в доме. Дело не в том, что Мишель не видит беспорядка. Если она наступит на кучу неприбранных игрушек, она поймет, что пора делать уборку. Но дети Мишель научились убирать вещи за собой, потому что мама из-за этого не просто рассердится, а может пораниться. И действительно, Мишель так стремительно перемещается по дому, что гости иногда не понимают, что ее глаза не видят.

Я поняла это в первый раз, когда моя шестилетняя Кайла пошла к ним в гости. Вернувшись домой, она без умолку рассказывала о том, как прошел ее день. Они пекли печенье, играли в игры и занимались творчеством. Особенно ей понравилось рисовать пальцами.

– Мама, представляешь? – сказала Кайла, сияя. – Сегодня я научилась смешивать цвета! Из синего с красным получается фиолетовый, а из желтого с синим – зеленый! Так круто! И Мишель рисовала вместе с нами. Она сказала, что ей нравится, как краска хлюпает между пальцев.

Я слушала, как мой ребенок рассыпается в восторгах, и думала о том, что никогда не давала ей краски для рисования пальцами. Мне не хотелось разводить грязь. В результате мой ребенок узнал о смешивании цветов от моей слепой подруги. Осознав всю иронию, я присела и задумалась о наших отношениях с дочкой.

А Кайла продолжала:

– Мишель сказала, что моя картина выражает радость, гордость и

успех!

Кайла не знала, что краски такие приятные на ощупь, пока Мишель, не глядя на бумагу, не научила ее рисовать.

Тогда я поняла: Кайла не знает, что Мишель слепая. Я просто никогда не упоминала об этом.

Когда я объяснила это дочке, она на мгновение затихла. Вначале она не поверила мне.

– Но мама, Мишель точно поняла, что я нарисовала! – настаивала Кайла.

И я знала, что моя дочь права, ведь Мишель слушала, как Кайла описывает свою работу. А еще Мишель слышала, как Кайла гордится своим рисунком, как удивляется, что цвета можно смешивать, как восхищается текстурой краски.

Мы немного посидели в тишине. Потом Кайла медленно сказала:

– Знаешь, мама, Мишель на самом деле не видела мою картинку. Она просто смотрела моими глазами.

Я никогда не слышала, чтобы кто-то называл Мишель инвалидом. Она им и не является. У Мишель есть особое зрение, которым могли бы пользоваться все мамы.

Марша Аронс

Раннее утро – это дар

Я как сейчас помню вечер накануне того, как все началось. Я сидела за обеденным столом и произносила тост за мою дочь и ее жениха.

Меня окружали семья и друзья, на их улыбающихся лицах плясали отсветы свечей. Мой муж Стив наклонился и поцеловал меня.

Это были последние радостные часы. Потом пришел страх. В ту ночь моя жизнь навсегда изменилась.

Меня уже несколько дней беспокоил дискомфорт в спине. Когда я проснулась среди ночи от ощущения, что кто-то встал мне на грудь, пришло осознание, что сердце меня подвело.

– Отвези меня в больницу, – задыхаясь, сказала я Стиву.

– Все будет хорошо, – снова и снова повторял он.

Ему так страшно, всхлипнула я. Боже мой, а мне-то как.

В больничной приемной я со слезами на глазах вспомнила другую больницу и себя – десятилетнюю девочку, – стоящую у койки отца, с которым случился первый инфаркт.

Мама умерла много лет назад, рожая мою сестру, и у меня не было никого дороже папы. Когда мне было двенадцать, он перенес еще один сердечный приступ – на работе. Я так и не успела попрощаться с ним, и мое горе казалось бесконечным. Теперь в больницу попала я. *Пожалуйста, молила я, не дай мне умереть, не попрощавшись с моими детьми. Джеффри всего тринадцать... Джейсону пятнадцать – он становится чудесным юношей, – а Триша выходит замуж! Я нужна ей сейчас.*

Стив отправился за детьми, а меня увезли делать ангиограмму, чтобы определить расположение тромба.

– Заблокированы три из четырех крупных артерий, – сказали врачи.

– Но мне всего тридцать девять, – рыдала я.

Доктор объяснил, что больное сердце досталось мне в наследство от отца.

– Требуется шунтирование, – сказал он. – Но ваше сердце в таком состоянии, что любая процедура может...

...убить меня, затряслась я от страха. Но я боялась не смерти. Я боялась причинить моим любимым ту боль, которую испытала в детстве.

Господь уже дал мне больше, чем я просила. И я у знала, как драгоценен может быть каждый момент.

– Я могу не выжить, – сказала я детям, рыдая вместе с ними.

В дни перед операцией Стив навещал меня как можно чаще, стараясь улыбаться. Но я видела страх в его глазах.

Мы со Стивом были женаты всего год.

– Мы так ждали друг друга. Нам еще столько всего нужно сделать, – прошептал он.

Я закивала.

Триша говорила о цветах, которые закажет на свадьбу. Я улыбалась. Джеффри и Джейсон рассказывали о школе.

«Когда ты вернешься домой», – говорили они. Они храбрились. Но нам всем было очень страшно.

Утром перед операцией я смотрела из окна, как солнце встает над озером. По глади воды скользил парусник. Чтобы успокоиться, я попыталась представить, что мирно плыву на нем. Но чем ближе была операция, тем сильнее я ощущала ужас. Целуя Стива и детей в мокрые от слез щеки, я яростно хотела жить.

Господи, молила я перед анестезией, позволь мне увидеть, как вырастут мои дети, и я не потрачу ни минуты впустую...

Когда я очнулась, операция уже закончилась. Я держала Стива за руку и глядела на детей. *Как нежно его прикосновение, как прекрасны их улыбки. И теперь у меня есть все время на свете, чтобы наслаждаться ими,* думала я.

Но через два дня доктор объяснил мне, что мои артерии могут снова забиться. И сердце может не выдержать еще одной операции.

– Операция выторговала вам лет шесть, – сказал он. – Мне очень жаль.

Я боялась не смерти. Я боялась причинить моим любимым ту боль, которую испытала в детстве.

Шесть лет – это же мгновение ока! У меня перехватило дыхание.

Потом я вспомнила: о шести годах я и молилась. Моему младшему ребенку будет восемнадцать – он станет взрослым. Я проведу больше времени со Стивом. Да, Господь сдержал свою часть обещания. Теперь, поклялась я, пора сдержать свою – и не потратить зря ни минуты.

И я наслаждалась жизнью – пока смотрела, как моя дочь идет к алтарю, пока утешала своих мальчиков, которых бросали девчонки, пока проводила выходные в объятиях Стива, пока пекла торты на дни рождения.

Каждая минута, от утреннего приветствия почтальону до укачивания внуков перед сном, была наполнена особой магией.

Затем, когда приблизилась отметка в шесть лет, появилась боль.

– Мы больше ничего не можем сделать, – сказали врачи, и меня вновь сковал знакомый страх.

Однажды Джеффри положил голову мне на грудь и заплакал. В другой день Триша слезно сказала:

– Мама, ты нужна мне. Моим детям нужна бабушка!

– Я пробуду с вами, сколько смогу, – успокаивала я каждого из них.

С чего я взяла, что теперь моя семья сможет попрощаться со мной? Шесть лет, десять... двадцать! Неужели когда-то этого будет достаточно?

Борись за жизнь, Бев! – кричала я мысленно. И я начала читать книги о диетах и позитивном мышлении. *Я буду жить!* – поклялась я.

Может быть, это Господь сделал мне подарок. Может быть, дело в моей силе воли. Но прошло два года, и я чувствую себя лучше, чем когда-то могла даже надеяться.

Я продолжаю наслаждаться каждым новым мгновением. И, обнимая Стива по ночам, я благодарю за каждую простую, чудесную, даже нервирующую вещь, которая произошла со мной в этот день.

Я знаю, что однажды наступит день, когда солнце взойдет без меня. И я рыдаю от мысли, что не увижу поклон моей внучки в финале ее первой школьной пьесы или первый бейсбольный матч ее младшего братика. Но Господь уже дал мне больше, чем я просила. И я узнала, как драгоценен может быть каждый момент.

Бев Шорт

Рассказано Деборе Бевб

Отрывок из Woman's World Magazine

Любовь без границ

*Это и есть
храбрость...
решительно принимать
все, что пошлют тебе
небеса.*

Еврипид

Я обожаю смотреть, как мой сын Эндрю играет в парке у нашего дома в Балтиморе. Эндрю не такой быстрый и общительный, как его ровесники, но он такой же милый и прекрасный, как они. И я знаю, что он может подарить этому миру не меньше их.

Но когда-то я сомневалась, что вообще готова быть матерью – не то что матерью Эндрю. Когда я забеременела, мне было семнадцать лет. Мы с Джимом, моей школьной любовью, поженились сразу после выпускного. И мы оба хотели детей, но не так скоро. Однако мы полюбили этого ребенка с того момента, как я узнала, что беременна.

Мой живот рос, мы представляли, как будем болеть за нашего ребенка во время бейсбольных матчей и как он подбросит в воздух академическую шапочку на своем выпускном. Как и большинство родителей, мы мечтали, что наш сын будет самым умным, самым сильным, самым красивым парнем во всей округе.

На восьмом месяце у меня началось кровотечение, и Джим примчал меня в больницу.

Врачи остановили преждевременные роды, но ультразвук показал, что мой ребенок слишком мал.

– Возможно, это синдром Дауна, – мягко сказали мне.

Мы с Джимом плакали и молились:

– Господи, сделай нашего ребенка нормальным.

Анализы показали, что у нашего ребенка не только синдром Дауна, но и кишечная непроходимость, поэтому ему понадобится срочная операция. Даже если он переживет непростые роды, он может умереть на операционном столе.

Я знаю, что любовь и храбрость помогают осуществить практически все на свете.

Я лежала на больничной койке, обнимая свой живот. Врачи так описали синдром Дауна, будто этот ребенок никогда не будет играть в бейсбол, не пойдет в обычную школу, не заведет свою собственную семью. Он всегда будет непохожим на других, медленным, неспособным на все, о чем мы для него мечтали.

Быть матерью – уже большое испытание. Для меня это была самая важная работа в мире, и я отчаянно хотела сделать все правильно. Еще не зная, что у моего ребенка проблемы, я боялась, что не смогу быть достаточно любящей, понимающей и требовательной.

Теперь моя тревога превратилась в панику. *Я не знаю, справлюсь ли!* – мучилась я. Но потом доктор спросил:

– Дженнифер, хочешь, чтобы мы сделали все возможное, чтобы спасти твоего ребенка?

Мгновение я смотрела на него не отрываясь. *«Сделали все?..»* – звучали его слова в моей голове. *О чем это он?* – думала я. И вдруг во мне разгорелась такая яростная любовь, какой я раньше никогда не чувствовала.

Конечно, я хочу, чтобы для моего ребенка сделали все возможное!

Я подумала так, и меня огромной волной захлестнуло желание защитить его. Это же мой ребенок – как я могла хотеть чего-то еще?

– Я оставлю ребенка, – со слезами на глазах сказала я доктору. – И буду любить его, несмотря ни на что.

В ту ночь врачи вызвали у меня роды. Когда малыша Эндрю положили мне на руки, я осыпала его поцелуями. Он выглядел как ангелочек, и мое сердце сжалось, когда доктора унесли его на операцию. *Держись, малыш, думала я, мама тебя любит.*

Операция Эндрю прошла успешно, и когда мы привезли его домой, меня переполняла радость. Но меня раздражали жалостливые взгляды моих друзей и коллег, которые они бросали на маленького Эндрю.

В этом нет ничего ужасного! – думала я. Но мне тоже было жалко Эндрю.

– Ему столько не осилить, – плакала я. – Это просто несправедливо.

Быть матерью – уже большое испытание. Для меня это была самая важная работа в мире, и я отчаянно хотела сделать все правильно.

Отчаянно нуждаясь в помощи, я связалась с группой поддержки людей с синдромом Дауна, о которой узнала в больнице. Слушая, как другие родители говорят о своих надеждах, я поняла, что не одинока. И поняла,

что Эндрю, вероятно, сможет работать, иметь друзей и жить самостоятельно. И самое главное – он будет счастлив. О чем еще может просить мать?

Когда Эндрю сделал первые шаги и сказал свое первое слово «пап», я не переживала о том, как сильно он отстаёт от других. Вместо этого я ликовала и делала все, чтобы он смог добиться еще большего.

Я записала его на курсы развития речи и физиотерапию, а дома мы делали специальные упражнения для развития моторики. Когда у него получалось самостоятельно поест или кинуть мяч, мы оба хлопали в ладоши и смеялись.

Эндрю сейчас пять лет, и он не перестает меня удивлять. Он ходит в школу и дружит с ребятами, и я не переживаю, что его будут дразнить. Он – всеобщий любимец.

Иногда мое сердце все равно разрывается от боли, когда я думаю о том, чего он никогда не сможет сделать. Но потом я вспоминаю о тех прекрасных вещах, которые он уже сделал, и обо всем, что он сделает, когда придет время. И я знаю, что любовь и храбрость помогают осуществить практически все на свете.

Дженнифер Хилл

Рассказано Чету Дембеку

Отрывок из Woman's World Magazine

Борьба матери за особого ребенка

Ни один язык не может выразить силу, и красоту, и героизм материнской любви.

Эдвин Х. Чапин

Фрэнк и Ли поженились в 1948 году после службы в католической церкви. Он был студентом семинарии, а она – послушницей. Когда они завели семью, Ли решила, что хочет шестерых детей. Первый ребенок родился в 1951-м, а остальные – в следующие одиннадцать лет. Но когда родился пятый, которого звали Том, Ли стала опасаться, что не сможет позаботиться еще об одном ребенке.

В шесть месяцев Том все еще не мог есть с ложечки и самостоятельно держать голову. Ли ощущала, что ее сын развивается слишком медленно. Поэтому она отвела его к педиатру, который велел ей не устраивать паники на пустом месте.

– Многим детям трудно есть с ложки, – сказал он ей. – Это нормально.

– У меня уже четверо детей. Думаю, я знаю, что нормально, а что – нет, – невозмутимо ответила она. – С ним что-то не так.

Ли отнесла ребенка к другому доктору, который велел подождать годик и посмотреть, не «перерастет» ли он это состояние. Она стала ждать – и наблюдать.

За следующий год Том научился самостоятельно держать головку, но во многом ему стало только хуже. Он часто отказывался есть. Или ел одну только тыкву, пока его кожа не приобретала оранжевый оттенок. Но сильнее всего маму пугали его вспышки гнева. Он нападал на старших детей, когда они смотрели телевизор, или бил Ли с заднего сиденья машины, когда она была за рулем. Ли знала, что маленькие дети бывают вспыльчивы, но ярость Тома пугала ее.

Когда Тому было полтора года, Ли снова стала обходить специалистов. На этот раз никто не сказал ей, что с Томом все нормально. Один врач диагностировал ФКУ (фенилкетонурию) – метаболическое заболевание, которое вызывает задержку в развитии. Другой сказал, что это не ФКУ, а родовая травма, которая вызвала гипоксию мозга. Через год хождения по врачам Ли выяснила, что Том никогда не сможет жить обычной жизнью и

подлежит переводу в психиатрическую больницу.

Лучшее оружие в борьбе за ребенка – это сильная вера и огромная любовь.

Ли пришла в ужас. Как отправить трехлетнего ребенка туда, где он уже никогда не станет нормальным? Ли и Фрэнк посетили клинику, которую рекомендовали им доктора. Все дети там были серьезно больны, многие не могли даже общаться с окружающими. Ли решила, что хоть у Тома и есть проблемы, но там ему не место.

Затем проходящая нянька рассказала Ли о больнице в Энн Арбор, где могут помочь Тому. Тамошние психиатры сообщили, что мальчик умственно отсталый и никогда не сможет окончить школу. Социальный работник в больнице предположила, что Фрэнку и Ли, как образованным людям, будет сложно с таким ограниченным ребенком.

– Он сможет разве что копать канавы, – сказала она.

– И что? – ответила Ли. – Послушайте-ка. Мне все равно, чем он станет зарабатывать на жизнь. Я люблю всех своих детей. И люблю их не за ум. Если Тому не стать гением, я не буду любить его меньше.

Но Том не оправдал ожидания специалистов. Нехотя доктора разрешили ему ходить в обычную школу. И хотя временами ему было непросто, он не только доучился до конца, но даже провел два года в колледже. Выяснилось, что его умственное расстройство было эмоциональным, и его смогли вылечить.

Я рад, что Ли не отказалась от ребенка, которому так нелегко дались первые годы жизни, – ведь этим ребенком был я сам. Сегодня я принимаю лекарства, чтобы держать эмоции под контролем. И когда я думаю о своем детстве, я благодарю Бога за то, что у меня была упрямая мать, не слушавшая мрачных прогнозов докторов. Моя мама любила меня и слушала, что подсказывает ей сердце. А оно говорило ей, что лучшее оружие в борьбе за ребенка – это сильная вера и огромная любовь.

Том Маллиган

Добро пожаловать в Голландию

Меня часто просят рассказать о воспитании ребенка-инвалида. Ведь людям, не имевшим такого необычного опыта, тяжело представить, каково это.

Когда вы готовитесь родить ребенка, это похоже на планирование великолепного путешествия, например в Италию. Вы покупаете множество путеводителей и строите потрясающие планы. Колизей. «Давид» Микеланджело. Гондолы Венеции. Вы учите несколько полезных фраз на итальянском. Все это очень увлекательно.

Через месяцы нетерпеливого ожидания наконец наступает долгожданный день отъезда. Вы собираете чемоданы и отправляетесь в путь. Через несколько часов самолет приземляется. Стюардесса говорит вам:

– Добро пожаловать в Голландию.

– В Голландию?! – переспрашиваете вы. – Как в Голландию?! Я собиралась в Италию! Я должна быть в Италии. Я всю жизнь мечтала об Италии.

Но маршрут самолета изменился. Он приземлился в Голландии, и теперь вам придется остаться здесь.

Поймите, вас привезли не в ужасное, мерзкое, грязное место, полное крыс и насекомых, снедаемое голодом и болезнями. Просто вы собирались не сюда.

Поэтому вам приходится покупать новые путеводители. И учить новый язык. И знакомиться с новыми людьми, которых иначе вы не встретили бы.

Это просто *другое* место. Здесь все медленнее, чем в Италии, не так ярко, как в Италии. Но, пробыв здесь некоторое время и переведя дух, вы оглядываетесь... и замечаете, что в Голландии есть ветряные мельницы... и в Голландии есть тюльпаны. В Голландии есть даже Рембрандт.

Но все, кого вы знаете, постоянно летают в Италию... И все хвастаются, как хорошо провели там время. И всю свою оставшуюся жизнь вы будете говорить:

– Да, мы должны были туда полететь. Мы все планировали именно так.

И боль от этого никогда, никогда, никогда, никогда не пройдет... потому что потеря мечты – это очень, очень серьезно.

Но... если вы все время будете оплакивать Италию, то вам, возможно, никогда не удастся насладиться необыкновенными, прекрасными вещами... которые есть в Голландии.

Эмили Перл Кингсли

Глава 4. О материнстве

Любовь матери подобна кругу, у нее нет ни начала, ни конца. Она все продолжается и продолжается, постоянно нарастая, касаясь всех, кто с ней взаимодействует.

Укутывая их, как утренний туман, согревая их, как дневное солнце, и укрывая их, как одеяло из вечерних звезд. Любовь матери подобна кругу, у нее нет ни начала, ни конца.

Арт Урбан

«Мама» – главное слово

*Мама – это имя
Бога на устах и в
сердцах маленьких
детей.*

*Уильям Мейкнис
Теккерей*

– Мама, – звенит девчачий голос в суматошном «Уол-Марте».

Я оборачиваюсь. То же делают несколько других женщин. Не важно, что я в магазине одна, что мои дочери, которые намного старше владелицы этого беспомощного голоска, спокойно сидят на уроках. Когда я слышу зов «мама», я готова бежать на выручку, как по команде.

Конечно, ее первое слово было «папа», но мы-то, женщины, знаем, что ее ротик просто не смог правильно выговорить округлое и чудесное слово «мама». В эти четыре буквы вложено так много смысла. Слово «мама» – международное, как эсперанто: это азбука Морзе для передачи сообщений и пожеланий.

– Мама, мама.

Этот голос – как инверсионный след в моем беспокойном сне. Наверное, она уронила бутылочку, ее одеяльце соскользнуло. Я бреду в ее комнату, неся успокаивающий сосуд с молоком. Я укрываю ее шелковистым одеялом, склоняюсь над кроваткой, целую ее и шепчу слова любви. Я возвращаюсь в постель, не открывая глаз. Мне не нужен свет: я слишком хорошо знаю дорогу.

– Мама!

Этот голос вонзается в меня, даже если я уже уехала из лучшего в городе детского сада, где все воспитатели – доктора наук, щеголяющие дипломами о доброте, комнаты раскрашены в яркие цвета, дети разные, а классы – маленькие, и образовательный процесс развивает, но не утомляет. Но мое нутро плачет, когда я выхожу из этого кадиллака заботы, как будто я бросила ее одну в вонючей хибаре.

Моя машина взбрыкивает на дороге, желая вернуться и спасти ребенка из тюрьмы. Из офиса я звоню в детский сад, ожидая услышать на фоне дочкины пронзительные крики.

– Джессика перестала плакать, как только вы ушли, – убеждает меня

воспитательница.

Слово «мама» в словаре объясняется как «родитель женского пола». Но мои дети вкладывают в него гораздо больше смысла. Саре четыре года, и она плачет:

– Мыыы-аааааам!

Я знаю, что она неправильно застегнула рубашку, не справилась с молнией.

Семилетняя Джессика нетерпеливо и обиженно вскрикивает:

– Ма-хам.

Она не может найти парный носок, и ей почему-то кажется, что в этом виновата я.

Тон Джессики меняется с возрастом. Она учится произносить это слово мило, нараспев: не поглажу ли я ей желтое платице? Уже опаздывая в школу, тринадцатилетняя Сара резко бросает это слово голосом Сары Бернар:

– Мам!

Это расшифровывается как: «Мне срочно нужна новая одежда, поверить не могу, что хожу в этих обносках».

Теперь Джессика сама едет на машине в школу. И все же она «мамкает», если не может найти чистую вещь. «Мама» теперь означает: «Можно мне, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, взять твою шелковую блузку?»

– Мама?

Джессика выросла и редко стала приходить ко мне в комнату по утрам. И все же в ее голосе я слышу нотки уязвимости.

– Помочь тебе напечатать доклад? – спрашиваю я, живо выбираясь из постели ей на помощь, как делала всегда.

Она кивает, сжимая в руках стопку книг по истории. И вдруг начинает рыдать:

– Мне разонравился Джон. – Ее слова трудно разобрать среди всхлипов. – Он сердится на меня, и я не знаю почему, и он со мной не разговаривает, и...

Я обнимаю ее, веду на кухню. Я завариваю чай, вручаю ей коробку салфеток и жду, что она все мне расскажет. Мне хочется защитить своих детей от бед, которые несут в себе отношения. И в то же время я знаю, что она становится сильнее, изучая мальчишек, которые приходят в ее жизнь.

– Мама, что мне делать?

Слово «мама» – международное, как эсперанто: это

азбука Морзе для передачи сообщений и пожеланий.

Это слово пронзает мое сердце, как стрела. Я хотела бы, чтобы проблема была проще: отыскать носок, погладить юбку, одолжить блузку и снова стать ее кумиром.

Меня утомляет уйма работы и недостаток времени. Я чувствую психологическое истощение из-за того, что несу ответственность за себя и моих дочерей. Я устала быть взрослой. Я разговариваю с друзьями, и они понимают меня. Я делюсь с братом, и он ищет решение моих проблем.

Тогда я набираю знакомый номер. Я звонила туда из колледжа, из моего трейлера в Алабаме, из дуплекса в Германии, из множества домов и квартир на Среднем Западе.

– Алло, – говорит голос, неуверенный, надтреснутый, многое повидавший голос.

– Мама? – говорю я.

– Милая, у тебя все хорошо? – спрашивает моя мама.

Почему-то именно это мне нужно было услышать.

Дебора Шаус

Материнство – это викторина?

Мне часто казалось, что материнство похоже на викторину с вопросами для эрудитов. Большую часть времени мы путаемся в простых задачках, ощупью перемещаясь среди мелочей семейной жизни, никогда до конца не понимая, выигрываем мы или нет.

Я придумала свою собственную игру для мам. Правила просты – в начале у вас есть десять фишек, которые можно приумножить или потерять по ходу игры.

Готовы? Что ж, поехали...

Первый квадрат. Вы ждете первенца. Если вы смотрите на свою стремительно расплывающуюся талию и говорите: «Когда ребенок родится, я снова буду носить размер XS», вычтите у себя две фишки – за то, что принимаете желаемое за действительное.

Второй квадрат. Прошло два года, второй ребенок уже на подходе. Для того чтобы избежать соперничества между детьми, вы тщательно готовитесь к этому событию, уделяете первенцу много времени, дарите ему пупса, которого он сам может кормить, мыть и обнимать. Когда нового ребенка приносят домой, старший брат спокоен. Но одну фишку вы все равно теряете – собака ревнует.

Третий квадрат. Ваш старший сын только что заявил за обеденным столом, что завтра он будет играть дуб на детском утреннике и ему срочно нужен костюм. Если вы собираетесь мастерить оригинальный и новаторский наряд до трех часов ночи, вычтите три фишки за то, что высоко задираете планку. Однако если вы сунули ребенка в коричневый бумажный пакет с дырками для головы и рук и приклеили на скотч зеленые листья спереди и сзади, получите пять фишек. Вы только что дали нам всем перевести дух.

Четвертый квадрат. Детей теперь трое, и все они ходят в школу. Вы обнаружили, что «мама» – это такой личный водитель. По будням вы отвозите младшую на урок музыки, затем едете с мальчишками на бейсбол. Потом обратно за дочкой, затем развозите членов бейсбольной команды по их домам. Обедаете на лету, потому что кому-то нужно на репетицию хора к семи часам вечера. Теперь пора спать, и вы обнаруживаете у себя лишнего ребенка. Но вы не паникуете... это случается не в первый раз, и вскоре позвонит другая мама, не досчитавшаяся ребенка. Возьмите пять фишек за стойкость.

Пятый квадрат. Ангелочки, которых вы много лет с любовью укладывали в кровати, теперь обращаются с вами так, будто вы растеряли все мозги. Они вас стыдятся. Случилось вот что: вы стали мамой подростков – странных существ, которые считают, что в них три метра росту, а шкура у них пуленепробиваемая. Если переживете этот период, сохранив рассудок, получите восемь фишек за героизм на передовой. Пока этого не случилось, помните, что в ваших руках есть универсальное оружие – ключи от машины!

Шестой квадрат. Вы понимаете, что ваш старший ребенок приехал из колледжа, когда видите кучу грязного белья посреди коридора. Если вы собираете одежду, чтобы рассортировать ее, постирать и высушить, как в старые добрые времена... сдайте три фишки – как вам не стыдно! Если вместо этого вы возьмете его за руку и покажете место, где всю его жизнь стояла стиральная машина, получите пять фишек. Самым важным вещам в колледже не научат.

Седьмой квадрат. Дети каким-то чудом выросли в ответственных взрослых. Вы случайно подслушиваете, как ваш теперь взрослый сын рассказывает своему первенцу на ночь те же сказки, что вы так давно рассказывали ему, и по вашим щекам тихо струятся слезы. Не отчаивайтесь – это драгоценный жизненный опыт, ради которого и затевалась вся игра.

* * *

Поздравляем. Вы дошли до финиша, и теперь пришла пора подсчитывать очки. Игра, в которую вы играли, называется «Материнство», и если у вас шарики не заехали за ролики – вы победили!

Жаклин Ли Линдстром

Введение в живопись

Я пошла на курс основ живописи общественного колледжа Мотлоу в штате Теннесси, когда мне было тридцать четыре и у меня было трое детей. Как-то раз наш преподаватель заявил, что проект, который мы делали на первом занятии, нужно будет включить в портфолио, необходимое для сдачи экзамена.

– Можно мне сделать другой проект? – спросила я с тревогой. – У меня старого больше нет.

Преподаватель спросил, что я с ним сделала. Немного смущаясь, я ответила:

– Моя мама повесила его себе на холодильник.

Автор неизвестен

Прислала Яна Баррен

Письмо матери сыну-первокласснику

Дорогой Джордж,

Когда мы с твоим старшим братом и маленькой собачкой вели тебя сегодня в школу, ты даже не представлял, что я чувствовала. Накануне ты был в таком восторге, что десять раз сложил и снова вынул фломастеры и безопасные ножницы из своего рюкзака.

Я буду скучать по неспешным утренним часам, когда мы махали твоему брату и сестре, уходившим в школу. Я устраивалась пить кофе и читать газету, а тебе отдавала комиксы, которые ты раскрашивал под «Улицу Сезам».

Ты – мой младший, и я уже кое-что знала к твоему появлению. Я знала, что бесконечные дни младенчества пролетят в мгновение ока. Не успела я моргнуть, как твой брат с сестрой ушли в школу так же стремительно, как и ты этим утром.

Мне повезло – я могла выбрать, работать мне или нет. К твоему появлению на свет меня перестала привлекать карьерная лестница и двойной доход. Мне было гораздо важнее топтать по лужам с тобой в ярких красных сапожках и «еще разок» перечитывать твою любимую книжку «Как лягушка с жабой подружились».

Ты не ходил в подготовительную школу, а я была совсем не Марией Монтессори. Надеюсь, это не помешает тебе достичь жизненного успеха. Ты выучил цифры, помогая мне пересчитывать банки из-под газировки, которые мы сдавали в магазин (обычно тебе удавалось уломать меня купить угощение на вырученные деньги).

Я не придерживалась метода Палмера, но ты научился писать свое имя мелом на тротуаре, большими буквами – ведь так выглядит солиднее. И ты понимаешь тонкости родного языка. Буквально на днях ты спросил, почему я зову тебя «милый», когда мы читаем сказки, и «дружок», когда ты помогаешь мне по дому. Кажется, ты остался доволен, когда я объяснила тебе разницу между ласковым и приятельским обращением.

Даже улыбаясь, ты почувствуешь теплую слезу на своей щеке...

Нужно признать, что теперь я по-другому вижу свои дни, пока ты в школе. Я думаю, что буду разбирать фотоальбомы и писать роман, который давно задумала. Когда лето подходило к концу и вы с братом и сестрой все

чаще ссорились, я очень ждала этого дня.

А сегодня утром я отвела тебя по крутому холму к твоему классу, где на одной стене нарисован президент, а на другой – олененок Бемби. Ты нашел крючок для пальто со своим именем и подарил мне свое коронное, яростное, слишком крепкое объятие. В этот раз ты охотнее отпустил меня, чем я – тебя.

Может быть, однажды и ты поведешь в школу первоклассника с твоими широко посаженными глазами и внезапными улыбками. Когда ты повернешься у дверей, чтобы помахать на прощание, он будет слишком увлечен беседой с новым другом, чтобы тебя заметить. Даже улыбаясь, ты почувствуешь теплую слезу на своей щеке...

И тогда ты меня поймешь.

С любовью, мама

Ребекка Кристиан

Рассказ мамы спортсмена

Стояла прохладная майская суббота. Я могла бы быть дома, выметать паутину из углов гостиной или читать хороший детектив, уютно устроившись на диване. Но вместо этого я сижу на холодной железной скамейке бейсбольного парка в Киркланде, Вашингтон. Ледяной ветер задувает под мою плотную зимнюю куртку. Я дышу себе на руки, жалея, что не захватила шерстяные варежки.

– Миссис Бодмер?

Это подошел тренер моего сына. Мэтью обожает его. Сын даже перестал пить газировку, чтобы поразить его своей прекрасной физической формой.

– Сегодня я поставлю вашего сына правым полевым игроком. Он очень старался в этом году и заслужил это.

– Спасибо, – говорю я, чувствуя гордость за сына, который все свои силы посвятил этому человеку и команде. Я знаю, как страстно он этого хотел. И я рада, что его труды вознаградутся.

Внезапно я начинаю переживать, потому что на поле выскакивает бейсбольная команда в белой форме в тонкую полосу. Я высматриваю номер сына. Но его среди них нет. Вместо него на правое поле бежит Эдди, самый неопытный игрок в команде. Я не верю своим глазам. Как так вышло?

Я хочу вскочить и спросить тренера, в чем дело, но я знаю: Мэтью был бы против. Я запомнила, как должна вести себя мама – нельзя разговаривать с тренером, если он не заговорил с тобой первым.

Мой сын стоит у сетки рядом со скамейкой запасных и кричит, подбадривая товарищей по команде. Я пытаюсь понять по его лицу, что он чувствует, но он, как и большинство мужчин, умело прячет эмоции. Это разбивает мне сердце: он так старался и так часто разочаровывался. Я не понимаю, что мальчишки находят в такой жизни.

– Молодец, Эдди! – кричит папа правого игрока, гордый тем, что его сын делает первую подачу.

И тут я понимаю, для чего сижу на трибуне. Где еще я смогу увидеть, как мой сын становится мужчиной?

Я видела, как этот человек с отвращением уходил с матчей, когда его сын упускал мяч или плохо подавал. Но сейчас он гордится своим сыном, а

мой сидит на скамейке запасных.

К четвертому иннингу мои пальцы сводит от холода, ноги немеют, но мне наплевать. Мэтью выходит на поле. Он с важным видом берет шлем и биты. Я хватаюсь за металлическое сиденье. Он делает пару взмахов для разогрева. Питчер выглядит чересчур взрослым. Я задаюсь вопросом, проверяет ли кто-то свидетельства о рождении игроков.

Первый промах.

– Отличный замах! – кричу я.

Следующая подача – сын бьет по мячу.

– Зоркий глаз! Зоркий глаз!

Второй промах. Я молюсь. Я скрещиваю пальцы. Питчер замахивается. Я задерживаю дыхание. Третий промах. Мой сын, понурившись, медленно возвращается на скамейку. Я всем сердцем желаю помочь ему. Но я знаю, что это невозможно.

Я сижу здесь уже восемь лет. За это время я выпила галлоны ужасного кофе, съела тонну зеленых хот-догов и соленого попкорна. Я вытерпела холод и жару, ветер и дождь.

Некоторые люди не понимают, зачем человеку в здравом уме идти на такое. Я не пытаюсь заставить детей реализовать мои несбывшиеся спортивные мечты. И я не пытаюсь получить эмоциональную разрядку. Да, это случается. Я видела, как двое моих сыновей забивают выигрышные голы, приносят очки команде по бейсболу и обманным маневром вырывают победу у баскетбольной команды соперника. Я видела, как они совершают потрясающие перехваты в американском футболе. Но чаще я вижу, как они страдают.

Вместе с ними я ждала звонка о зачислении в команду. Но никто так и не позвонил. Я видела, как на них кричит тренер. Я смотрела, как они матч за матчем сидят на скамейке запасных. Я сидела в травмпунктах, пока им вправляли кости и просвечивали распухшие лодыжки. Я наблюдала за ними годами и не понимала зачем.

Игра завершается. Я вытягиваю ноги и пытаюсь втоптать немного тепла обратно в околевшие ступни. Тренер собирает команду. Они скандируют победный лозунг, а потом разбредаются к своим родителям. Я замечаю широкую улыбку папы Эдди, который хлопает сына по спине. Мэтью хочет гамбургер. Пока я жду его, тренер подходит ко мне. Я не могу заставить себя посмотреть на него.

– Миссис Бодмер, я хочу, чтобы вы знали, что у вас растет прекрасный сын.

Я жду, что он объяснит, зачем разбил моему сыну сердце.

– Когда я разрешил Мэтью открыть игру, он поблагодарил меня и отказался. Он сказал, чтобы я выпустил Эдди вперед, потому что для него это важнее.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на сына. И тут я понимаю, для чего сижу на трибуне. Где еще я смогу увидеть, как мой сын становится мужчиной?

Джуди Бодмер

Больше никаких поцелуев с полным ртом каши

Молодая мама пишет мне: «Я знаю, что вы уже описывали синдром покинутого гнезда – то одиночество родителей, чьи дети выросли и оставили дом своего детства. Сейчас я по уши в стирке и грязных ботинках. У малыша режутся зубы, старшие мальчишки то и дело дерутся. Муж только что позвонил и велел садиться ужинать без него, и я нарушила диету. Прошу, расскажите еще раз об одиночестве».

Конечно. Однажды вы воскликнете: «Пора бы вам уже повзрослеть и научиться себя вести!» И все станет так, как вы сказали. Или прокричите: «Идите на улицу и найдите себе занятие... и не хлопайте дверью!» И они не станут.

Вы приведете в порядок мальчишескую спальню: выбросите наклейки для бамперов, разгладите постель, расставьте игрушки на полках. Приберете вешалки в шкаф. Животных рассадите по клеткам. И скажете вслух:

– Вот бы так было всегда.

И все так и будет.

Вы приготовите идеальный ужин с салатом, из которого никто не вытащит все самое вкусное, и торт, на глазури которого нет следов ни от чьих пальцев.

– Вот такой едой хочется накормить кучу народа.

И съедите все одна.

Вы скажете:

– Не мешайте мне говорить по телефону. Не надо плясать вокруг меня. Не крушите вещи. А ну цыц! Слышите?

И все так и будет.

Больше не придется стелить на стол клеенку, чтобы его не заляпали спагетти. Больше не придется укрывать диван покрывалом, чтобы на него не сели мокрой попой. Больше не придется загораживать лестницу в подвал. Больше не придется доставать прищепки для белья из-под кровати. Больше не придется спотыкаться о шатры, которые занимают всю комнату.

Больше никакого песка на простынях и мультиков про морячка Попя в ванной. Больше никаких заплаток на коленках, резинок для волос, тесных ботинок или спутанных шнурков.

Только представьте. Ваша помада сохраняет острый кончик. Вам не надо нанимать няньку на Новый год. Можно наводить порядок всего раз в

неделю. Есть неотбитый стейк. Чистить зубы без ребенка на коленях.

Никаких родительских собраний. Никакого развоза детей по школам. Никаких вопящих радио. Никакого мытья головы в одиннадцать вечера. У вас даже будет свой собственный рулон скотча.

Только представьте себе, каково это. Больше никаких рождественских подарков, наспех сделанных из зубочисток и клея-пасты. Больше никаких поцелуев с полным ртом каши. Больше никакой зубной феи. Никакого смеха в темноте. Никаких ссадин, которые нужно лечить, никакой ответственности.

Только голос кричит:

– Ну когда же ты вырастешь?

И тишина отвечает:

– Я уже вырос.

Эмма Бомбек

*Печатается с разрешения © Newsday,
Inc., 1969.*

Признаки продвинутой мамы

Может быть, ты поняла, что у тебя болит голова на рок-концертах. Или предложила мелко порезать еду взрослым людям. Или заканчиваешь спор словами: «Потому что я мама и я так сказала».

Это значит, что ты вышла на новый уровень материнства. Все тревожные признаки налицо. Ты стала продвинутой мамой, если:

Пересчитываешь, поровну ли посыпок на каждом кексе.

Хочешь отомстить чужому ребенку, который сломал любимую машинку твоего сына и заставил его плакать.

У тебя хватает времени только на то, чтобы побрить одну ногу.

Ты хотя бы раз в день говоришь: «Я так больше не могу». Но ты не променяла бы эту жизнь ни на что на свете.

Ты прячешься в туалете, чтобы побыть в одиночестве.

Твоего ребенка тошнит, и ты успеваешь все поймать на лету.

Чужого ребенка тошнит на празднике, но это не портит тебе аппетит.

Ты хочешь, чтобы краски для рисования пальцами были запрещены законом.

Ты научилась складывать большое количество блинчиков и яиц на тарелку так, чтобы никто к ним не прикоснулся.

Твой ребенок настаивает, чтобы ты почитала ему вслух «Как-то раз на горшке» на центральном вокзале Нью-Йорка, и ты соглашаешься.

Ты придерживаешься высоких моральных принципов в отношении игрушечного оружия; твой ребенок выгрызает себе пистолетик из хлеба.

Ты надеешься, что кетчуп – это овощ, потому что других овощей твой ребенок не ест.

Ты вышла на новый уровень материнства. Все тревожные признаки налицо

Ты убеждаешь ребенка, что «Детский мир» – это музей, а не магазин игрушек.

Тебе плохо от одной мысли о том, что твой сын однажды заведет себе подружку.

Еще хуже становится от мысли о его жене.

Ты нарезаешь мужу бутерброды причудливых форм.
Ты проматываешь сцену, где охотник убивает маму Бемби.
Ты записываешься в три океанариума, потому что твой сын любит акул.

Ты сходишь с ума, когда ребенок целый месяц не хочет, чтобы ты оставляла его в школе, а потом сходишь с ума от того, что он прогуливает ее без зазрения совести.

Ты не можешь избавиться от детских вещичек – ведь это почти приговор.

Ты слышишь, как говоришь словами своей матери: «Надень что-нибудь похуже».

Ты больше не критикуешь маму за то, как она тебя растила. Ты больше не спишь.

Ты оттираешь лицо ребенка собственной слюной.

Ты читаешь, что средний пятилетний ребенок задает 437 вопросов в день, и гордишься тем, что твой ребенок «выше среднего».

Ты нанимаешь няню, потому что вы сто лет никуда не ходили с мужем, а потом весь вечер проверяешь, как дела у детей.

Ты хотя бы раз в день говоришь: «Я так больше не могу».

Но ты не променяла бы эту жизнь ни на что на свете.

Лиан Купферберг Картер

Навсегда и во что бы то ни стало!

*Нет дружбы или
любви, подобной той,
которую мать
испытывает к ребенку.*

Генри Уорд Бичер

Наша дочь Ариана превратилась из младенца в малыша с синяками и исцарапанными коленками. Если она ранилась, я протягивала к ней руки и говорила:

– Иди ко мне.

Она забиралась ко мне на колени, мы обнимались, и я говорила:

– Ты моя дочка?

Заливаясь слезами, она кивала головой в знак согласия.

Тогда я говорила:

– Моя сладкая-пресладкая девочка Ариана?

Она снова кивала, на этот раз с улыбкой.

И я заканчивала словами:

– И я всегда буду тебя любить, во что бы то ни стало!

С хихиканьем она обнимала меня и бежала навстречу новым приключениям.

Теперь Ариане четыре с половиной года. Я снова зову ее к себе, когда она царапает коленки или обижается, а еще по утрам и вечерам.

Несколько недель назад у меня был «плохой день». Я устала и злилась. Меня утомили хлопоты о четырехлетней девочке, двух подростках-двойняшках и домашнем бизнесе. Каждый звонок телефона или стук в дверь приносил новый ворох дел, которыми нужно было заняться немедленно! К обеду я дошла до ручки и ушла в свою комнату, чтобы как следует поплакать.

Вскоре Ариана пришла и сказала:

– Иди ко мне.

Она устроилась рядом со мной, положила ручки на мои мокрые щеки и спросила:

– Ты моя мамочка?

В слезах я кивнула ей.

– Моя сладкая-пресладкая мамочка?

Я снова кивнула и улыбнулась.

– И я буду любить тебя всегда и во что бы то ни стало!

Мы похихикали, обнялись, и я помчалась навстречу новым испытаниям.

Джанет Лисефски

Тихий герой

День матери посвящен всему, что делают и чем являются мамы. Но в то воскресенье в 1996 году мне было немного грустно. Я была матерью-одиночкой и часто переживала из-за своих неудач: как же много вечеров я просиживала над учебниками, чтобы получить диплом колледжа; как же мало могла купить на свою зарплату официантки.

Зато у меня были чудо, а не детки! Моя дочка Мария готовилась получить диплом учителя начальной школы, а «малютка» Дэнни приехал домой погостить, отучившись первый год в колледже Уэст-Честера в Пенсильвании. Они никогда не жаловались – были для этого слишком воспитанными, но я мечтала сделать для них намного больше, чем могла. Оставалось надеяться, что они понимают это.

Отправившись на кухню готовить завтрак, я обнаружила в вазе дюжину алых роз! И когда Дэнни успел прокрасться вниз, чтобы оставить их там? Но нежную красоту цветов затмила открытка, подписанная стремительным почерком восемнадцатилетнего мужчины. Вот что в ней было написано:

Она взяла отгул на работе, чтобы отвести на стадион мальчика, который мечтал увидеть своего героя во плоти. Только на то, чтобы добраться туда, ушло три с половиной часа, а ведь им нужно было приехать заранее, потому что мальчик хотел посмотреть, как его кумир разогревается перед матчем. На деньги, которые достались ей непростым трудом, она купила ужасно дорогую футболку с его героем, летящим за мячом. После матча они, конечно, хотели получить автограф, поэтому просидели на стадионе до часу ночи, хотя на следующий день ей нужно было рано вставать. Я долго не понимал этого, но теперь-то знаю, кто мой настоящий герой.

И вдруг День матери стал для меня счастливым.

Дэнни Маккормик и Лиза Маккормик

Младенец: инструкция по применению

Мой сын вначале был младенцем и уже дожил до трех лет, никого не зарубив топором (насколько мы знаем). Кроме того, я много часов наблюдал за детьми в других машинах, пока стоял на светофорах. Поэтому я считаю себя достаточно подкованным в вопросе воспитания маленьких детей. Вот мои советы.

Как доставить новорожденного домой

Нет момента невероятнее, чем тот, когда пара покидает больницу характерной поступью молодых родителей, безумно боящихся уронить ребенка головой вниз. Ну наконец-то! Вас теперь трое, и вы предоставлены сами себе!

Вы будете независимы в радиусе приблизительно восьми футов от больничных дверей, а затем вас атакуют сердобольные бабушки. Конституцией бабушкам присвоено право остановить на улице любого молодого человека с ребенком и дать ему совет. Они всегда произносят его таким тоном, что становится ясно – с их точки зрения, ваш ребенок вряд ли доживет до конца дня под опекой такого невежды, как вы. Получив совет случайной бабушки, желательно поблагодарить ее за заботу и сказать, что вы сами будете принимать решения о том, как растить своего ребенка. Если у вас ничего не выйдет, попробуйте отогнать бабушек палкой. Иначе они последуют за вами к дому и будут слоняться у вас под окнами.

Базовый цикл смены настроений младенца

Как только дети примиряются с тем, что родились на свет, они впадают в этот цикл.

Первое настроение: сейчас заплачет.

Второе настроение: Плачет.

Третье настроение: Только что перестал плакать.

Задача – поддерживать ребенка в третьем настроении как можно дольше. Вот традиционный способ. Когда ребенок начинает плакать, вам нужно ходить туда-сюда и в унисон повторять следующие слова:

– Может быть, он голодный? Не может этого быть. Он только что поел. Может быть, ему надо срыгнуть? Нет, дело не в этом. Может быть, ему нужно сменить подгузник? Нет, он сухой. Как думаешь, может быть, он

голодный?

Продолжайте, пока ребенку это не надоест и он не уснет.

Когда нужно кормить младенца

Днем кормите ребенка ровно перед тем, как у вас зазвонит телефон. Ночью – сразу после того, как уснете. После каждого кормления мягко хлопайте ребенка по спинке, пока он не срыгнет вам на плечо.

Что такое колики

Колики – это когда ваш малыш все время плачет, а окружающие рассказывают вам, что у их детей колики не проходили семьдесят один месяц кряду. Если у вашего ребенка колики, отвезите его к педиатру, который скажет:

– Беспокоиться не о чем.

И ему действительно не о чем беспокоиться, ведь у его ребенка нет колик и он живет за много миль от вас.

Развитие ребенка в первые шесть месяцев

Первые шесть месяцев ваш ребенок будет развиваться с невероятной скоростью. Он научится улыбаться, поднимать головку, сидеть, играть на виолончели и ремонтировать автоматическую коробку передач.

Ха-ха. Шучу. Хочется подколоть молодых родителей, которые, как ястребы, следят за тем, чтобы у их ребенка все соответствовало Основным Этапам Развития Младенцев, хотя на самом деле первые шесть месяцев он в основном просто лежит и какает.

Дисциплина новорожденных

В 1950-е и 60-е родители разрешали детям все, и это привело к росту малолетней преступности, Уотергейтскому скандалу, видеоиграм, протестам в Калифорнии и т. д. Поэтому мы, эксперты, считаем, что нужно учить ребенка дисциплине сразу после рождения. В течение дня периодически подходите к ребенку строевым шагом и строго говорите:

– Юная леди, я даже слышать не желаю ни о каких ночевках у друзей!

Это может показаться вам пустой тратой времени, но ученые выяснили, что дети уже в трехдневном возрасте понимают по тону голоса

взрослого, что им нельзя ночевать у друзей.

Няни

Нет лучшей няни, чем бабушка вашего ребенка. С ними можно надолго оставлять детей; именно поэтому большинство дедушек и бабушек сбегают во Флориду.

Если под рукой нет бабушки, придется нанять подростка. Вам не нужен современный подросток, который все время зависает у игровых автоматов. Нет, вам нужна старомодная ответственная девушка, которая ведет здоровый образ жизни и хочет стать монахиней. И даже тогда не стоит рисковать попусту. Когда в первый раз позовете ее присмотреть за ребенком, вообще не уходите из дома. Сделайте вид, что уехали на машине. Затем можно прокрасться обратно в дом и засесть в подвале, прислушиваясь, не случилось ли беды. Впоследствии, когда убедитесь в надежности няни, можете спокойно есть в подвале бутерброды и даже тихонько слушать радио. Это же ваше свободное время, которое можно провести в свое удовольствие!

Первый прикорм

Использование слова «прикорм» достаточно условно. Так называют те маленькие баночки в магазинах, на которых нарисован улыбающийся малыш и написано что-то вроде «Сливы с тушеным луком». Дети этого терпеть не могут. Да и кто бы смог?

Пища впитывается в кровоток детей прямо с кожи лица. Таким образом, удобнее всего кормить ребенка, размазывая еду ему по подбородку.

К сожалению, многие неопытные родители настойчиво пытаются класть еду ребенку в рот. Им кажется логичным ложками вкладывать туда, скажем, свеклу. Однако фактически свекла в таком случае движется по Детскому Кругу Возврата Еды, который присущ всем человеческим особям вплоть до восемнадцати месяцев от роду. Закончив «кормить» ребенка, родители снимают с него слюнявчик и наводят везде порядок. Тут же после этого ребенок начинает яростно выплевывать свеклу изо рта, как маленький свекольный вулкан. Он будет делать это до тех пор, пока его лицо не покроется свеклой и он не сможет спокойно впитать ее через кожу.

Хождение

Большинство детей учатся ходить где-то к одному году, хотя никто так и не понял зачем, ведь следующие двенадцать месяцев они будут ковылять в случайном направлении, пока не споткнутся о молекулы пыли и не упадут на попу. Их падение нельзя предотвратить. Они падают так быстро, что невооруженный взрослый глаз вообще этого не видит. Вот почему подгузники делают такими толстыми.

В этой фазе развития ребенка вы должны всюду следовать за ним, вытянув руки в Позе Родителя, которую популяризовал Борис Карлофф в замечательном фильме о воспитании детей «Мумия». Когда ребенок упадет, старайтесь немедленно его поднять, ведь чем дольше он остается на земле, тем больше вероятность того, что он отыщет что-то ужасное и положит это в рот.

Колыбельные

Не пойте ребенку песню «Баю-баюшки-баю», потому что она какая-то странная. Что это еще за волчок, кусающий за бочок? Мне кажется, что песня «Засыпай» гораздо лучше:

Засыпай,

Засыпай,

Поскорее засыпай.

И не просыпайся хотя бы до половины седьмого утра.

Дэйв Барри

Когда ребенок идет в колледж

Когда плод
считается зрелым?
Когда он покидает
ветку.

Андре Жид

Мне казалось, мы едем в детский садик, как это нас занесло в студенческий городок? Разве это не то одеяльце, что я смастерила для нее? Почему я кладу его на эту странную кровать? Что мы здесь делаем? Она в таком восторге, а я – я притворяюсь, что у меня на сердце не лежит тяжелый камень. Как пролетели восемнадцать лет?

Что теперь поделать. Кровать заправлена, чемоданы распакованы, она уже развешивает на стенах плакаты и фотографии. Мне пора уходить? Я целую ее на прощание, улыбаюсь и желаю ей хорошо провести время – но пусть не забывает об учебе. Затем я выхожу в золотую осень, открываю машину, сажусь за руль и плачу.

Я отработала мамой восемнадцать лет. И в то утро меня внезапно сняли с должности.

Домой ехать долго и одиноко. Я вхожу в дом. Здесь так спокойно, будто жильцы ушли навсегда. Ее комната такая опрятная, тихая и – Боже мой – такая пустая! Не могу поверить, ковер ничем не завален! Ее кровать аккуратно заправлена, под покрывалом не видать ни бугорка от забытых носков. Шторы расправлены, а шкаф почти пуст. Но... что это? Под кроватью все еще валяется мусор!

Так вот куда подевались чашки и хрустальный стакан – они стоят на комодке в окружении фотографий ее старых приятелей. А в углу лежит ее любимая блузка. Она ее забыла.

Я слышу тарахтенье школьного автобуса, и мое сердце замирает, потому что на мгновение мне кажется, что она приехала домой. А затем я вспоминаю с горьким вздохом: школьный автобус здесь больше не останавливается. Водитель заворачивает за угол, переключает передачу и едет мимо, а я гляжу на пустую дорожку. Нет больше школьницы, вечеринок с друзьями, кучи хлама, беспорядка в ванной. Лишь чистота,

скука, тишина.

Я отработала мамой восемнадцать лет. И в то утро меня внезапно сняли с должности. Что теперь делать? Кого растить? Я хочу, чтобы она была независимой, и я понимаю, что у меня свой путь, но почему никто не сказал, как тяжело мне будет в момент разлуки?

Ведь еще вчера она сидела у меня на коленях, а солнце сверкало в ее детских кудряшках. Потом она сделала шаг, и тогда самыми большими ее катастрофами были ободранные коленки и шатающиеся зубы. Теперь она пошла по новой дорожке, где ее ждут несчастья покрупнее – разбитое сердце, несбыточная мечта. И мне больше не исцелить ее боль поцелуем, пластыри и печенье с шоколадной крошкой уже не помогут. Я хочу спасти ее от слез и боли – но не могу. Она должна научиться всему сама, выплакать свои собственные слезы и разобраться со своей собственной сердечной болью.

Я думала, что подготовилась к этому моменту, что все спланировала заранее. Я возобновила карьеру, занялась проектами, заполнила ежедневник делами. Я не собиралась сидеть и горевать в опустевшем гнездышке. Только не я – я гораздо умнее. Я же «современная» женщина: умная, трудолюбивая, уверенная в себе. Так почему же я сжимаю в руках старую дочкину куклу и плачу?

Потом я вспоминаю. Другую осень, другое место. Юная я уезжала в колледж в погоне за мечтой, холодный воздух сверкал от предвкушения. Папа махал мне на прощанье, согнувшись от горя. Ох, папочка, наконец-то я тебя поняла!

Закончилась часть жизни, ребенок вырос и больше не нуждается в тебе, он оставил пустое место в твоём сердце и распорядке твоих дней.

Я надеюсь ожить и потянуться к новой мечте, наслаждаться свободным временем, обожать постоянный порядок и чистые ванны. Но сейчас, на мгновение, в этот золотой осенний день я присяду здесь, в спальне юной девушки, буду сжимать в руках ее старую и любимую куклу, выплакивать свои слезы и предаваться воспоминаниям.

Филлис Волкенс

Мамина помощница

Приехав в Даллас, я узнала, что материнство – не только доля матерей. Я только что стала вести новости в прайм-тайм в филиале Эн-Би-Си Даллас – Форт-Ворт. В юности я получила титул Мисс Америки и знала, что люди думают о королевах красоты. Поэтому я стремилась работать вдвое усерднее, чтобы показать себя с лучшей стороны. Мне это было не в тягость – я любила работу, но семью я любила не меньше. Нагрузка на работе, новый дом, четверо детей и тexasская жара вконец изнурили меня.

Тяжелее всего оказалось найти няню для трехлетнего Тайлера. В Оклахома-сити с ним три года сидела чудесная семья, в которой к нему относились как к приемному члену клана. Для того чтобы спокойно жить в Далласе, мне нужны были такие же идеальные люди. Но проверка одних яслей за другими превращалась в ночной кошмар, а работа требовала постоянного внимания, и у меня закончились идеи.

Стоило мне решить, что я попала в безвыходное положение, как моя подруга Кармен пришла мне на выручку. У нее была тетка в Сан-Антонио, которая хотела переехать в Даллас. Я как раз надеялась на личную рекомендацию и с нетерпением ждала встречи. Так что я тут же пригласила Мэри к нам и, пока дожидалась ее, успела размечтаться об идеальной няне.

Женщина, которая возникла у меня на пороге, совершенно не соответствовала образу, который сложился у меня в голове. Она была невысокого роста и довольно пожилая. На ней была рваная, плохо подобранная одежда, кое-где прихваченная булавками. Она ужасно стеснялась, говорила на ломаном английском и почти всегда молчала, даже если я задавала ей вопросы. А когда она улыбнулась, по ее зубам стало ясно, что она прожила трудную жизнь в нищете. Как же я ее найму? Как мне давать ей поручения и доверить принятие решений? Хочу ли я заботиться еще и о ней?

Но Тайлер в одну секунду решил эти проблемы, развеяв все мои невысказанные сомнения. Он взял ее за руку, провел в дом и несколько следующих часов радостно щебетал, а Мэри слушала и улыбалась. Они устроились вместе в маленьком кресле и смотрели телевизор, а потом рисовали, сидя на полу. Она все время повторяла, что Тайлер «очень умный», но я видела, что они одинаково учатся друг у друга.

Слава Богу, что материнство дано не только матерям.

Мы купили Мэри хорошую одежду, но она убрала ее поглубже в шкаф «для особых случаев». Однако Тайлер не обращал внимания на необычный вид Мэри. А она гордилась своим другом. Каждый день без устали она шла к его школе, садилась на скамеечку в коридоре и смотрела на детей. Когда звенел последний звонок, Тайлер находил ее, и они вместе шли домой. Когда в первый раз пошел сильный дождь, я решила прислать за Тайлером машину, но он даже слушать меня не стал. Он хотел идти домой пешком с Мэри, чтобы поплескаться с ней в лужах. Даже в дождь, ветер и снег Мэри и Тайлер ходили домой вместе, наслаждаясь такой любовью и дружбой, о которой большинство людей могут только мечтать.

Об их близких отношениях хорошо говорит один случай, когда они вместе ходили к офтальмологу. Мэри сильно робела в общественных местах, и она очень волновалась из-за поездки в большую глазную больницу. Но я настояла на проверке зрения, и мы отправились туда все вместе. В большом смотровом кресле Мэри казалась совсем маленькой и хрупкой, и Тайлер, наверное, почувствовал ее беспокойство. Я увидела, что он подвинулся к ней поближе, когда в кабинете погас свет. Пока доктор переключал буквы на стене, Мэри неуверенным шепотом читала верхнюю строчку и запинаясь, когда шрифт становился все меньше. Уголком глаза я уловила какое-то движение. Тайлер ухитрился прокрасться прямо к ее креслу. Он наклонился через подлокотник с широкой улыбкой на лице – и подсказывал ей правильные ответы!

Слава Богу, что материнство дано не только матерям. Слава Богу, что есть в мире мужчины и женщины, способные сопереживать, воспитывать и любить других людей. Как прекрасно, когда у детей есть *несколько* преданных взрослых – воспитателей, вожатых, бейсбольных тренеров, учителей, медсестер, соседей, тетя и дядя. Слава Богу, что есть такие люди, как Мэри, – это ангелы, которых Он послал к нам.

Джейн Джейро

Мачеха

Мы с Эриком мирно развелись несколько лет тому назад и остались хорошими друзьями. Мы договорились, как воспитывать и как проводить время с нашим сыном Чарли, и он с удовольствием бывал дома у нас обоих. Он казался спокойным и счастливым ребенком.

Так что перед первой встречей с невестой Эрика, которая должна была стать мачехой моего сына, я, как ни крути, немного нервничала. Я не сомневалась, что Бонни повлияет на моего ребенка. Но в тот момент я еще не понимала, какое влияние она окажет на меня саму.

Когда мы встретились впервые, я поразились тому, насколько мы с ней разные. Она была наряжена на выход, а я по привычке оделась небрежно. Она была привлекательной, невозмутимой и уверенной в себе, а я взъерошенной и нервной и болтала без умолку. Я с подозрением изучала ее манеры и интонации, пытаюсь представить ее будущей мачехой моего ребенка. «Что она сделает с моим драгоценным малышом?» – без конца думала я.

До того я часто воображала, на ком однажды женится мой бывший. Я представляла себе злобную каргу, безумную мегеру, от которой мой сын в ужасе удерет со всех ног. И за утешением он побежит, конечно, ко мне, его маме, мудрой и терпеливой, какими бывают только настоящие мамы.

Другая фантазия пугала меня гораздо сильнее. В ней я представляла, что мачеха станет для сына каменной стеной, мостиком над бурным потоком, убежищем от занудной мамы, которая никогда его не понимает. Или еще хуже – она будет его лучшей подружкой, и он будет звонить мне со словами: «Мама, я сегодня не приду ночевать. Бонни заказала нам шикарный номер в гостинице, чтобы мы посмотрели чемпионат “Буллз”».

К сожалению, именно последний вариант воплотился в жизнь. Вторая мама моего сына будет идеальной, а мне остается лишь ждать и наблюдать.

Со временем я успокоилась и стала вести себя естественнее при Бонни. А она потихоньку начала доверяться мне. Мы вошли в режим и стали по очереди возить ребенка по делам, ходить на школьные собрания и футбольные матчи.

Однажды вечером после собрания мы с мужем пригласили Эрика и Бонни к нам домой на кофе. Чарли, который любил, когда мы все собирались вместе, был счастлив. В тот вечер все наши претензии растаяли, а напряжение улетучилось. Мы с Бонни сумели поговорить

начистоту. Мы стали друг другу не бывшими и сводными, а просто друзьями.

Через несколько месяцев мы снова собрались вчетвером, чтобы обсудить оценки Чарли. Обычно Бонни для таких случаев готовила графики, списки, сводки данных и справочную литературу, как будто выступала с презентацией перед советом директоров. Но в тот раз она открылась мне и поделилась своими тревогами. Бонни сказала, что ее беспокоит переходный возраст Чарли. Она не понимала, много или мало требует от него. Может, она слишком строга с ним или, наоборот, слишком сильно его балует?

Я всем сердцем разделяла ее переживания. Те же самые мысли и мне не давали спать по ночам. Бонни думала, чувствовала и вела себя совсем как мама – ведь именно ею она и стала.

Так что вторая мама Чарли оказалась не злой ведьмой, которая хочет обидеть моего сына, и не феей-крестной, которая планирует отнять его у меня. Это женщина, которая любит моего мальчика. Она беспокоится, борется за него и защищает его от бед.

Вначале я испытывала ужас перед появлением Бонни, а теперь благодарна за то, что она есть в нашей с Чарли жизни. Мне нравится ее жизненная позиция, ее идеи, – и даже ее графики. Я зря боялась поделиться с кем-то своим ребенком, как любимой игрушкой. Может, я была первой, кто полюбил его, но это не значит, что я буду и последней. Теперь о нем заботится еще один человек. И за это я с радостью делю с ней титул мамы.

Дженнифер Грэм

Я лучше буду

Я лучше буду мамой,
Чем кем-нибудь другим,
Растить детей ораву,
Быть лучшим другом им.
Я лучше буду нянчить
Румяного малютку,
Чем при дворе у короля
Плясать под чью-то дудку.
Я лучше буду деток
Укладывать в кровать,
Чем в золотой короне
На троне горевать.
Я мировую славу
И мудрость вековую
Отдам за счастье деток
И радость их живую.

Мередит Грей

Глава 5. Стать матерью

*Каждый
рожденный ребенок –
это мысль Бога, всегда
новая и сияющая
возможность.*

Кейт Дуглас Уиггин

Радуйся, мир

Живот занял, но я не обратила на это внимания. На носу Рождество, дел невпроворот, а ребенок должен родиться только в феврале. Наверное, что-то не то съела, – подумала я.

Это был 1973 год. Мы с моим мужем Биллом праздновали наше первое Рождество в штате Мэн в нескольких милях от базы, где он служил военным летчиком. Наши родители были далеко, но я решила соблюсти традиции обеих наших семей: начинить гуся каштанами, как делает его мама, и испечь йоркширский пудинг, как моя; нарядить елку в канун Рождества, как делала его семья, и посетить полуночную мессу, как это было принято у нас.

Чего я не предусмотрела в тот день, так это погоды. Снег валил без перерыва огромными пушистыми хлопьями, усыпавшими все вокруг в холодной тишине. От нашего дома до базы было всего десять миль, но Билл добирался домой почти час сквозь густой туман. Мы решили не ходить на мессу, а посидеть дома у камина.

Дома пахло печеным гусем и еловой смолой. Мы слушали рождественские гимны на магнитофоне и веселый треск дров в камине.

Вечер был прекрасный, как на картинке. Меня беспокоили только две вещи: боль в животе и буран за окном.

Около семи часов мы с Биллом легко поужинали – я в основном пила лекарство от несварения. Потом мы начали украшать елку ярко-красными и золотистыми шариками, которые я купила накануне. Я потянулась, чтобы украсить верхушку звездочкой, и тут мою спину пронзила такая резкая боль, что я закричала.

Билл помчался ко мне и помог дойти до ванной. У меня отошли воды, и роды начались.

– Но еще очень рано! – с недоверием пробормотала я, пока мой муж лихорадочно пытался засечь время между схватками. Они будто переходили одна в другую, безо всякой схемы.

– Надо бы поехать в больницу, пока еще можно, – сказал Билл, намекая на погоду.

– Может быть, это ложная тревога? – ахнула я, оправляясь от очередного приступа боли.

– Мы все равно поедem, – сказал он.

Билл помог мне надеть пальто и отнес меня к машине. К тому времени

снег превратился в ледяной дождь. Я постелила в машину старые полотенца, муж укутал меня теплым шерстяным пледом и сел за руль. Двигатель гудел, но колеса несколько минут буксовали по гладкому льду.

Наконец машина сдвинулась с места, и мы отправились в путь. Билл включил радио, чтобы успокоиться. Машину заполнил бодрый знакомый мотив хорала «Радуйся, мир», словно незримый хор пел для нас в темноте, но даже эти звуки не помогли мне справиться с болью и побороть растущий страх.

До ближайшего городка было шесть миль. Оттуда до госпиталя военной базы было еще четыре мили, – и погода предала нас. Машина с трудом пробиралась сквозь туман и гололед вниз по холму. Мы двигались по двухполосной дороге, не видя ничего на фут впереди.

– Я не заехал на встречную полосу? – спросил Билл, выключая радио. Он наклонился вперед и взгляделся в темноту: – Господи, я ничего не вижу!

Потом-то я поняла, что он обратился прямо к Господу, как в молитве. Ни позади, ни спереди мы не видели никаких машин, но вдруг, откуда ни возьмись, нас обогнал старый «универсал». Однако он не поехал дальше, а притормозил, освещая нам путь с холма. Мы поехали за ним – другого выбора у нас не было.

«Универсал» медленно увел нас с дороги на парковку церкви на окраине ближайшего города. Сквозь туман я различила припаркованные машины и размытый золотистый прямоугольник церковной двери. Мы проехали за «универсалом» через парковку и остановились у дома приходского священника. «Универсал» поехал дальше.

Я верю – Господь был с нами в ту ночь, когда
родилась наша дочка Джой.

Билл выскочил из машины, чтобы позвать на помощь. Священники уже готовились к полуночной мессе в церкви, но матушка была на месте, и она точно знала, что нужно делать. Она вызвала скорую помощь, помогла Биллу уложить меня на заднее сиденье и уселась рядом со мной. Через пять минут под звуки «Радуйся, мир», раздававшиеся в церкви, наша маленькая дочка родилась на свет. К приезду скорой помощи ей было уже десять минут от роду, и она оказалась прекрасной крохой. Ее лысая головка выглядывала из свитера священника, в который мы ее укутали.

Строгая матушка настояла на том, чтобы поехать на скорой до больницы вместе со мной, а Билл последовал за нами на нашей машине.

– Папочка может и сам разок приготовить себе завтрак, – сказала

матушка, подмигнув мне.

Она улыбнулась маленькому свертку у меня на руках.

– Назови ее Кэрол, – предложила она. – Или Ноэль, или Глория^[1].

– Думаю, мы назовем ее Джой^[2], – сказала я, думая о песне, сопровождавшей меня в ту бурную ночь. – И я хочу дать ей второе имя Дороти, в честь моей мамы.

Матушка одобрила мой выбор.

– Дороти означает «дар Божий», – сказала она.

Только через несколько часов, рождественским утром, я вспомнила, что нужно спросить ее о водителе, который помог нам спуститься с холма. Мы не успели поблагодарить его – он исчез, сотворив доброе дело.

– Интересно, кто это был, – сказала я матушке, описав приметный старый «универсал», надеясь, что она опознает автомобиль одного из прихожан.

Через пять минут под звуки «Радуйся, мир», раздававшиеся в церкви, наша маленькая дочка родилась на свет.

Но она такого не видела, как и все горожане, у которых мы потом спрашивали. Однако водитель явно хорошо знал дорогу.

Много лет спустя наши друзья предположили, что в ту ночь нас посетил ангел. Наверное, так и было. Есть на свете необъяснимые вещи. Кем бы ни был наш загадочный проводник, человеком или божественной сущностью, я верю – Господь был с нами в ту ночь, когда родилась наша дочка Джой.

У. Ширли Нунис

Неописуемый дар

В уютной простоте первых дней после рождения ребенка мы снова видим магический замкнутый круг, то волшебство ощущений, когда два человека живут лишь друг для друга.

Энн Морроу Линдберг

Она выскальзывает в наш мир, и мне кажется, что ее положили мне на руки сами небеса. Она явилась к нам прямо от Бога. Это неописуемый дар. Я гляжу на нее и вижу, что воздух вокруг нее наполнен умиротворением и чистотой. Сквозь слезы радости я шепчу ей на ухо:

– Мы рады, что ты здесь. Мы так долго ждали встречи с тобой.

Она открывает глаза, и я преображаюсь – этот момент неподвластен времени и наполнен бесконечностью самой жизни. В ее глазах я вижу полное узнавание, безусловную любовь и абсолютное доверие. Я – мама. В эту минуту я чувствую и знаю всем сердцем, как должна растить ее.

Она спит на кровати между мной и папой. Мы пересчитываем пальчики на ее ручках и ножках и восхищаемся ее крохотным совершенством. Мы ищем, чем она похожа на нас, а в чем – абсолютно неповторима. Нам нечего сказать, но наши сердца и умы полны мыслей – мы надеемся и мечтаем о том, кем она станет, как преобразит этот мир. Мы глядим на нее и, ощущая ее любовь и красоту, чувствуем, что гнет мира покидает наши плечи. Мы начинаем видеть самое важное и истинное в жизни – как будто нас посетил великий мудрец. Нам даже сложно закрыть глаза, чтобы поспать.

Дни и годы идут, и мы восхищаемся тем, как она преображается. Первая улыбка, первое слово, первый шаг – все идет по плану, но в свое время и по-особенному. Она снова учит нас играть; останавливать бег и смотреть на мир, как в первый раз. Вновь открывать для себя то, что мы когда-то видели и знали. Мы понимаем, что она помнит, чувствует и видит то, что мы уже не способны заметить, а может быть, никогда и не могли.

Она явилась к нам прямо от Бога. Это неопиcуемый дар.

Время пролетит. Однажды она станет взрослой девушкой, готовой выпорхнуть в мир и подарить ему то, зачем явилась. Нам будет мучительно тяжело расставаться с ней, но мы знаем, что нельзя оставить ее себе. Она пришла, чтобы научить нас, подарить нам радость, сделать нас цельными и воссоединить нас с Богом.

Джанет Лисефски

Чутье

Моя первая беременность подходила к концу, и я была прикована к постели. После того как у меня едва не случился выкидыш, мы решили не рисковать. Целые дни напролет я болтала со своей малышкой и наслаждалась ее движениями. Она приветствовала меня каждое утро в девять, как по часам, а потом двигалась, танцевала, искала удобное местечко для отдыха, а потом двигалась снова.

За две недели до предполагаемой даты рождения Анжелики я проснулась и ничего не почувствовала. В одной из моих книжек для беременных было написано, что такое возможно, поэтому я попыталась расслабиться. Но закончилась передача Фила Донахью, в десять утра на экране появилась Опра, а малышка все не двигалась, и я не на шутку встревожилась. Поэтому я позвонила доктору.

Что же заставило меня позвонить? Это чутье, шестое чувство, которым матери ощущают своих детей.

– Не волнуйся, – сказал он мне. – Такое постоянно происходит. Беспокоиться нужно, только если она не двигалась восемь часов.

То же самое было написано в книге.

И вот тогда сработала мое «чутье». Мне было плевать на мнение экспертов – я знала, что случилось неладное. Я сказала доктору, что еду к нему, чтобы проверить сердцебиение дочки. Я слушалась своего инстинкта, и мне было все равно, что меня сочтут истеричкой.

Муж приехал с работы в клинику, где медсестра уже подключала меня к монитору. Сердечко моего ребенка билось ровно, но слабо. В 11:30 ультразвук показал, что двигается только ее сердце!

Меня примчали в больницу в состоянии шока, доктор велел делать экстренное кесарево сечение. Неужели мой ребенок умрет? Медсестра провела нас мимо регистратуры.

– Для вас уже все готово!

Я как будто попала в сцену из сериала «Скорая помощь». Муж еще не успел припарковаться, как меня увезли на каталке в операционную с капельницей, подключенной к руке.

Во время операции я изо всех сил сжимала руки мужа – хоть бы Анжелика выжила! Когда ее вытащили, она была вся синяя. Доктор шлепнул ее раз, два, снова. *Господи, пожалуйста, не забирай ее.* А потом

она закричала, и это был самый прекрасный звук на свете. Сквозь слезы мы поцеловали дочку и поприветствовали ее в нашем мире. Пуповина обвилась вокруг нее, и если бы я не позвонила вовремя, мы бы ее потеряли.

Что же заставило меня позвонить? Это чутье, шестое чувство, которым матери ощущают своих детей. Я бесконечно благодарна небесам за то, что мой материнский инстинкт включился еще до того, как я официально стала матерью, подсказав мне, что нужно сделать для спасения моего ребенка.

А что же моя Анжелика? Сейчас она – здоровая и не по годам развитая десятилетняя девочка. Угадайте, какая у нее любимая история.

– Мамочка, а Расскажи еще раз, как я родилась.

Эми Хиллиард-Джонс

Она похожа на нас

За три месяца до появления первенца я начала собирать детские вещички. Часть этих вещей принадлежала мне – их сохранила моя мама. Другая часть досталась от моего папы – их сберегла бабушка. А некоторые вещи мама и бабушка связали заранее, дожидаясь этого великого события.

У меня было несколько платиц, одно из них папино – длинное, хлопковое, белое, – оно было самое красивое и изящное. А еще были две распашонки, ботиночки и крохотные шапочки, которые мы вначале примерили на кулак моего мужа.

Я не большая рукодельница, но мне было важно самой сделать подушки, лоскутные одеяльца и бордюры для колыбельки, в которой будет спать мой ребенок. Я видела свои детские фотографии в длинной белой ночной рубашке, и мне казалось, что младенцу будет правильно именно так начинать свою жизнь. Поэтому я смастерила одну ночную рубашку, украшенную белым узором из дырочек, атласными ленточками и бантиками. Это была первая вещь, которую я сделала своими руками, – и вышло прекрасно.

Затем я пошла за покупками. Подгузники, бутылочки, погремушки, соски, пеленки и коляска, детское автомобильное сиденье, правильно подобранные прорезыватели для зубов. Нужно много вещей, чтобы воспитывать современного ребенка так, как положено.

Мягкие новые вещи были разложены в бледно-желтой комнате, которая скоро станет детской. Там уже пахивало детской присыпкой. Пока мы ждали, я сама играла с этими вещами.

Долго ждать не пришлось. Она родилась в назначенный день, тем же способом, которым на свет появился великий Цезарь. Ее личико было красным от того, что она двадцать один час силилась попасть в наш мир, зато у нее была прекрасная правильная лысая головка, которая выглядела великолепно. Восемь фунтов и полторы унции, девятнадцать с половиной дюймов, 12:53 пополудни 5 января 1980 года.

Зачем младенцу все эти подробности? Потому что все в них удивительно и важно, вот почему.

Когда ее положили мне в руки, я принялась разглядывать ее личико, а она открыла глазки, посмотрела мне в глаза и улыбнулась. Знаю, говорят, что младенцы не улыбаются. На это заявление я отвечаю: «Ха!» А ей я сказала: «Привет».

Еще во время сборов мы с мужем долго выбирали имена из длинного списка. Мы решили, что девочку назовем Кэтрин, а мальчика – Бенджамин. А второе имя ребенку достанется от моего папы: Линдси. И конечно, фамилия – Феррис.

Кэтрин Линдси Феррис.

Когда я по телефону объявила родителям о ее рождении и назвала им ее имя, папа попросил повторить его снова. Это очень обрадовало меня как новоиспеченную мать – ведь в тот момент мой образованный и красноречивый отец лишился дара речи.

Когда пришло время привезти малышку домой, мы нарядили ее в папино изящное платьице, маленькую симпатичную шапочку и пару кружевных ботиночек, которые оказались ей велики.

Когда первые друзья, с которыми мы поговорили, спросили, как она выглядит, я выпалила:

– Она похожа на нас!

Я даже не задумывалась об этом до того момента. Но через десять месяцев это заметил еще один человек – судья, который разрешил нам удочерить ее.

Джуди Феррис

Мама

Я стала мамой не так, как все. Я могла забеременеть, но мы с мужем решили вначале усыновить ребенка-инвалида, желающего попасть в семью.

Мы знали, что на нас станут косо смотреть и донимать грубыми вопросами, но все же чувствовали, что это правильный путь. Я еще рожу ребенка, и это будет невероятный и особенный опыт. Я знаю это, потому что однажды вечером уже стала мамой.

Мы решили усыновить двух братьев – пятилетнего Джесси и четырехлетнего Марио. Нам показали фотографии этих мальчиков, сделанные в день, когда их нашли. Они выглядели такими истощенными и больными, что мы перестали сомневаться в нашем решении. Мы приняли их всей душой еще до нашей первой встречи. Но готовы ли они принять нас в свою жизнь?

Кто-то купает ребенка в ванне или кормит его, а я сидела, скрестив ноги, на полу чужого дома, безуспешно пытаюсь соединить два кусочка пластика, чтобы построить подводную лодку из «Лего» с одним из моих новых сыновей.

Я не могла отвести взгляда от лиц моих мальчиков. Руки Марио так и летали над катером, который он строил, поглядывая на меня, чтобы убедиться, что я все еще не ушла. Он был прекрасен – длинные ресницы трепетали на его щеках, огромные карие глаза пристально изучали игрушку, зажатую в руке. Я не могла поверить, что ему четыре года – он был таким крохотным, больше похожим на двухлетнего ребенка, а от воспоминания о фотографии, которую я видела раньше, мое сердце сжималось. Теперь он стал пухленьким – и резво передвигал своими крепкими ножками, бегая за игрушками, которые ему хотелось показать нам. Он был таким счастливым, таким доверчивым.

Джесси, напротив, казался намного старше своих пяти лет. Его день рождения был только через несколько месяцев, но его поведение больше соответствовало восьми– или девятилетнему. Он был очень серьезным и страшно переживал о благополучии и поведении своего брата. Несколько раз за вечер он поправлял Марио и заботливо крутился вокруг него, чтобы убедиться, что незнакомые новые родители не навредят братику, которого он защищал и растил всю свою еще недолгую жизнь.

Я поняла, что он подарил мне возможность стать мамой. И возможно, я смогу дать ему шанс побыть

ребенком.

Неужели однажды он позволит нам взять всю ответственность на себя и станет вести себя как ребенок – не снова, а в первый раз в жизни? Я надеялась, что Джесси еще может довериться взрослым и впустить их в свое юное сердце. Неужели я взвалила на себя непосильную ношу?

– Мама, передай мне детальку, – услышала я тоненький голос.

Потом этот голос прозвучал вновь, уже громче:

– Мама, передай детальку, пожалуйста.

Опекунши Джесси как раз не было в комнате. Я повернулась, чтобы сказать ему об этом, но осеклась, когда поняла, что он смотрит на меня.

Мама?..

– Ты... ты это мне, Джесси? – тихонько спросила я.

Он кивнул головой и показал мне за плечо:

– Мне нужна вон та деталь, на столе.

Я потянулась за спину, взяла с кофейного столика синий кусочек пластмассы и передала ему. Джесси улыбнулся.

– Спасибо, – вежливо сказал он, ставя фрагмент конструктора на место.

– А можно я тебя обниму? Ты не против? – Мне было немного страшно просить его об этом.

Джесси засомневался, потом посмотрел на меня. Я видела, что он усердно раздумывает. Неужели он доверится мне?

Потом Джесси кивнул.

– Ладно, – сказал он, откладывая лодку в сторонку.

Я потянулась к нему, он подошел и уселся ко мне на колени. Я обвила его руками и крепко прижала к себе. В ответ он тоже обхватил мою шею и обнял меня.

И тут я поняла, что он подарил мне возможность стать мамой. И возможно, я смогу дать ему шанс побыть ребенком.

Барбара Л. Уорнер

Я не хочу нового ребенка

– Яне хочу нового ребенка.

Вот что ответил мой старший сын Брайан, когда я объявила, что у нас с его папой будет третий ребенок. Он страшно ревновал, когда родился его брат Дэмиен. Но теперь трехлетний Брайан был недоволен новым малышом, и ни логика, ни убеждения, ни уговоры не могли его сломить.

Я озадаченно спросила его:

– Почему же ты не хочешь нового ребенка?

Он посмотрел на меня глазами, полными слез, и сказал:

– Потому что хочу оставить себе Дэмиена.

Розмари Лори

Не в нашей власти

Вобед раздался звонок в дверь, и я ответила онемевшим голосом. Более неподходящего времени для мастера по ремонту нельзя было и представить. Я находилась на пятом месяце беременности и была на грани срыва, томясь в ожидании телефонного звонка. На самом деле, поломка системы сигнализации была крайне некстати в данный момент. Дело было не только в зашкаливающих эмоциях, но и в очередном чеке за ремонт.

Наше материальное положение было шатким. Меня терзал утренний токсикоз с момента подъема с постели, и состояние так ухудшилось, что пришлось бросить работу. Мы еще даже не подсчитывали, во что нам это выльется. И все-таки, несмотря на трудности, мы пребывали в радостном волнении и не жаловались. На протяжении полутора лет мы пытались завести ребенка и даже прошли тестирование на фертильность, но без определенных результатов. Однако в следующем месяце раздался долгожданный телефонный звонок. Я была беременна!

Первый триместр прошел благополучно, за исключением утреннего токсикоза, лишившего меня сил, однако я знала, что это состояние временное.

Я с нетерпением ждала каждого визита к доктору, желая узнавать все больше и больше о нашем малыше. И когда мне, помимо обычных анализов, предложили сдать кровь на врожденную спинномозговую грыжу у эмбриона, я без промедления согласилась.

Доктор немедленно позвонил мне, когда пришли результаты. Профессиональным, но обеспокоенным голосом он сообщил, что количественные показатели пробы настолько низки, что выходят за пределы нормы. Вместо спинномозговой грыжи результат анализа крови предполагал синдром Дауна.

Мне незамедлительно назначили амниоцентез. Мы с моим мужем Робом пребывали в жутком состоянии, таким же жутким был и тот день. Я также прошла ультразвуковое исследование, и в первый раз мы увидели движение нашего малыша. Все это вдруг показалось мне таким реальным. Мы собирались стать родителями, и этот маленький человечек был мальчиком! Ведь не могло быть у него чего-то плохого?

В действительности нам сказали, что результатов придется ждать две недели. И это последний срок для безопасного прерывания беременности. Но никакие диагнозы не могли нас заставить принять такое решение.

Ожидание продолжилось, и эти две недели показались бесконечными. Я старалась отвлечься, думать о других делах, но слова «за пределами нормы» вновь и вновь всплывали у меня в голове. И в это время наша встроенная система сигнализации вышла из строя. Вот уж о чем мы и подумать не могли. Роб каждый день уходил на работу, а я чувствовала себя одинокой и беспомощной.

Наконец настал день предполагаемого ответа. Мне никогда не забыть, насколько сильно я нервничала, находясь весь день дома в одиночестве в ожидании телефонного звонка. Но звонка все не было. Вскоре я не выдержала и позвонила сама, но медсестра сказала, что результатов до сих пор нет.

Утро перешло в обед. Когда позвонили в дверь, я была уже практически не в себе. На автопилоте я впустила мастера по ремонту, показала ему сигнализацию и быстро удалилась.

Переполненная эмоциями, я ловила себя на мысли: «Это действительно очень дорого для нас!» или «Неужели нельзя было выбрать еще худшего момента?». Не спасала и вера в «Благословенное время Божье».

Примерно через два часа позвонила медсестра. Начало разговора напомнило мне неудачную шутку: есть новость хорошая и плохая.

Хорошей новостью было то, что у нашего сына не выявили синдрома Дауна. Плохой – у него было две хромосомы, соединенные друг с другом. Медсестра объяснила, что если у нас с Робом есть такая же патология, то с ребенком все должно быть в порядке. Если у нас этого нет, значит, чего-то не хватает в генетической карте ребенка.

– Чего-то не хватает? – Я старалась не закричать. – Например, чего? Что это значит?

– Простите, миссис Хорнинг, но мы не можем объяснить, что не так с ним, пока он не родится. На данный момент лучшее, что вы с мужем можете сделать, – это немедленно сдать кровь на анализ.

– Немедленно? И мы сразу все узнаем?

– Мы можем сделать анализ сегодня. Результаты будут готовы через пять дней.

Пять дней?

В этот самый момент все рухнуло. У меня началась истерика. Я так не рыдала за все свои тридцать четыре года. Мне словно дали под дых, и я разевала рот, силясь вдохнуть.

В истерике я позвонила Робу на работу.

– Коллин, милая, послушай меня. Прошу тебя, иди к соседям. Прошу

тебя, Коллин. Я приеду, как только смогу. Прошу тебя, не оставайся одна.

Но его неистовые призывы не действовали, и паника взяла надо мной верх. Я швырнула телефон в колыбель.

Пытаясь отдышаться после телефонного разговора, я осознала, что мастер по ремонту до сих пор работает в гостиной. Я не могла поверить, что он все это слышал. Расстроившись еще сильнее, я решила извиниться. Я вышла, сдерживая рыдания.

Мастер стоял в дверном проеме, словно ожидая меня. Не успела я открыть рот, как он подвел меня к стулу.

– Присядьте, – велел он. – Просто присядьте и восстановите дыхание.

Эти особые указания и мягкий тон застали меня врасплох. Присев и начав дышать, я стала успокаиваться.

Незнакомец устроился напротив меня. Тихим голосом он стал рассказывать, как они с женой потеряли своего первенца. Ребенок родился мертвым, так как они не знали о том, что у его жены во время беременности развился диабет. Им было невыносимо тяжело, но в результате они отпустили ситуацию, признав, что это было не в их власти.

Мастер внимательно посмотрел на меня:

– Я понимаю, как вам больно сейчас. Но вы не в силах ничего изменить. Остается лишь верить. И вы должны понять: все, что происходит с вашим ребенком, вы не можете контролировать. Чем сильнее вы попытаетесь взять все под контроль, тем больнее будет удар.

Он взял меня за руку и сказал, что их второй ребенок родился без осложнений, они с женой получили благословение – маленькую здоровую девочку.

Этот человек до сих пор думал о своем первом ребенке, маленьком мальчике, но, какой бы ни была причина, малышу не суждено было жить. Главное, – просил меня незнакомец, – верить, что все будет хорошо.

Затем так же тихо, как рассказывал свою историю, он встал и пошел к входной двери. А там обернулся и сообщил, что закончил работу и сигнализация отремонтирована.

Этот человек помог мне, как никто другой, – и что я могла ответить ему? Единственное, что мне удалось выдать из себя, было кроткое «спасибо».

Потом я вспомнила, что не заплатила ему.

Мастер улыбнулся и сказал, что я ему ничего не должна. Все, о чем он просил, – это сохранять веру в лучшее.

Как оказалось, момент был идеальным.

Коллин Деррик Хорнинг

Примечание редактора: Ребенок Коллин и Роба родился спустя четыре месяца. Он весил 9 фунтов, 2,5 унции и был здоров.

Бесценное сокровище

Пять лет я ждала этого дня. Пять лет терпения, купания чужих детей и многозначительных вопросов друзей: «Ты еще не беременна?»

Я мечтала о собственном ребенке, и наконец это произошло. Его могли привезти в любую секунду. Мы с мужем с замиранием сердца ждали этого момента. Скоро он будет здесь, скоро! Нам сказали, что это мальчик. Наш собственный сын. Какая радость!

Несколько лет назад, еще до нашего долгого, мучительного пути к ребенку, я выбрала имя для мальчика. По не совсем понятной причине мы никак не могли определиться с именем для девочки, но что касается мальчика – все было быстро, без колебаний и сомнений. Нашего сына мы назвали бы Натан Эндрю, что означает «Дар Божий» на иврите. Я и не подозревала о значении имени, когда в первый раз произнесла его вслух на своем языке. Мне просто нравилось, как оно звучит – прекрасная, мужественная нота для моих ушей. Я выбрала имя для сына еще задолго до того, как он был зачат, когда он был лишь заветным сердцу желанием. Узнав о значении имени, я обрадовалась вдвойне. Насколько же оно подходит для такого ценного подарка от Бога.

И теперь мы ждали, когда привезут Натана Эндрю. Мучительные месяцы и годы ожидания скоро станут смутными воспоминаниями.

Автомобиль подъехал и припарковался напротив нашего дома. Мы прикинули к окну, жадно наблюдая, как открывается дверца и выходит женщина с сумкой-переноской, обернутой в одеяло. Она шла по дорожке, а я, затаив дыхание, провожала взглядом сверток в ее руке. Скоро малыш окажется у меня в руках. Да, Господь Бог дал ответ на наши молитвы.

Неожиданно все стало происходить как в замедленной съемке, и вопросы, подобно молнии, вспыхнули у меня в голове. Что с той девушкой, которая его родила? Что с тем парнем, который был его отцом? Чем они были заняты в этот день?

Всего лишь один порыв страсти вызвал череду событий, приведших к рождению этого невинного малыша. Невозможно представить, какие душераздирающие сцены разыгрывались в домах этих тинэйджеров спустя несколько месяцев после того порыва.

Я выбрала имя для сына еще задолго до того, как он был зачат, когда он был лишь заветным сердцу желанием.

Она могла бы сделать аборт. Несомненно, это было бы гораздо легче, чем терпеть весь тот стыд, что выпал на долю незамужней шестнадцатилетней матери. Гораздо легче, чем наблюдать, как упругая молодая кожа растягивается на огромном животе, внутренние ткани рвутся, оставляя шрамы на всю жизнь. Гораздо легче, чем переносить боль при рождении ребенка, когда сама еще, по сути, ребенок. Гораздо легче, чем вынашивать его девять месяцев, чувствуя толчки, движения, биение сердца, и поцеловать на прощание, перед тем как его заберут.

Я думала об этой молодой девушке, младше меня на десять лет. Она жила где-то в городе, восстанавливалась после рождения ребенка, который больше ей не принадлежал. Наверняка гормоны у нее зашкаливали, слезы не высыхали на глазах, а руки были пусты.

После девяти месяцев ожидания она подарила жизнь маленькому мальчику. После пяти лет ожидания мы забирали этого мальчика и дарили ему жизнь, которую он заслуживал. Мы будем любить его и физически, эмоционально и духовно дадим ему все, что этой девчонке было бы не под силу.

Со слезами на глазах я молча поблагодарила незнакомку за ребенка, ставшего моим. На свой страх и риск она выносила и вскормила его в своем теле, перенесла боль при родах и теперь будет носить шрамы до конца своих дней. И после она отдала его мне.

Сейчас я была его мамой, и останусь ею на всю жизнь. Я потянула одеяло с ручки переноски и пристально посмотрела на лицо моего сына. На меня уставились огромные серые глаза с густыми черными ресницами. Я коснулась крошечных, идеальных по форме пальчиков на руках и ногах. Он был красивым!

Со словами благодарности, переполняющими сердце, я прошептала: «Спасибо тебе!» – не только Богу за ответ на наши молитвы и дар ребенка, но и той девушке, с которой никогда не встречусь. Подарок девушки стал бесценным сокровищем. Спасибо тебе!

Сандра Джулиан Баркер

Избранная

*Ни клочка моей плоти,
Ни кусочка моей кости,
Каким-то чудом, но ты
мой –
Заполни этим разум
свой.
Не вырос ты под этим
сердцем,
Но ты в нем.*

Автор неизвестен

Это моя самая любимая история на все времена. «Мы годами ухаживали за детьми, но спустя время им приходилось возвращаться к своим родителям. И тогда мы захотели собственного ребенка, которого оставим у себя навсегда».

Маленькой я обычно сидела у мамы на коленях, когда она начинала рассказывать эту историю, но, повзрослев, стала садиться напротив, чтобы видеть ее лицо. В фотоальбоме были фотографии и других детей: чернокожих, смуглых, белых – они выглядели грустными, хмурились и обнимали собаку. На самых последних страницах прямо в камеру улыбалась упитанная счастливая девочка, и это была я.

Мама продолжала историю: «Стоял пробирающий до костей ноябрь 1947 года. На самом деле это была самая холодная зима за последние сто лет.

Поезд уже стоял на станции, когда мы в него зашли, выдыхая огромные облака пара. Мы не ездили никуда годами из-за войны и, оказавшись в вагоне, едва могли усидеть на месте, так велик был наш восторг. Мы даже не обращали внимания на холод. Все выглядело таким красивым. Казалось, что вся страна заморожена. Кругом было белымбело».

На этом моменте мама всегда останавливалась и улыбалась, а я представляла заснеженную сказочную страну, деревья, скованные льдом, капающие сосульки на крышах, яркий орнамент из снежинок на окнах поезда.

«Наконец мы приехали и сели на автобус, везущий к большому дому.

Хозяйка ждала нас и напоила чаем, чтобы мы отогрелись. Потом она повела нас по дому. Там были десятки и десятки детей! Комнаты, заполненные ими! Мальчики и девочки со светлыми и темными волосами. Были голубоглазые и кареглазые, как ты. Мы долго осматривались – так много было детей, так много очень милых. Твой папа и я просто не знали, как нам выбрать».

«Мы выбрали тебя» – должно быть, самые сладкие слова на любом языке.

Если я сидела у нее на коленях, она крепко обнимала меня и затем, потянувшись губами, целовала в лоб. Если я сидела напротив, у нее был далекий взгляд, наполненный воспоминаниями. Я с нетерпением ждала продолжения и ерзала, как червяк.

«Вдруг, – продолжила она, – мы зашли в новую комнату и там во второй кровати увидели тебя. Ты стала всхлипывать, как будто ждала нас всю свою жизнь, и мы сразу поняли, что ты была той единственной, которую мы так хотели и ждали. Ты со своей смуглой кожей и густыми черными волосами была самой красивой малышкой в этом доме. Нам сказали, что тебя зовут Сьюзан и тебе четыре месяца.

– Это она, – спросила хозяйка, и мы сказали:

– Да, определенно, она.

Мы запеленали тебя и вернулись на станцию.

В поезде люди подходили к нам.

– О, какая чудесная малышка. Она ваша? – спрашивали нас, и мы отвечали:

– Да, мы ее только что выбрали.

– Что же, – говорили нам, – вы выбрали лучшую. Сразу видно, стоит только бросить взгляд».

В этот момент я уютно усаживалась, поджимая пальцы на ногах, чувствуя себя особенной. Порой я испытывала жалость к детям из обычных семей. На протяжении многих лет, садясь в поезд, я думала, что перешептывающиеся в купе пары едут куда-то, чтобы взять себе ребенка.

«Мы выбрали тебя» – должно быть, самые сладкие слова на любом языке.

Сью Уэст

Глава 6. Особенности моменты

*Дети ваши пусть вас
помнят,
И сердца их пусть
заполнят
Не игрушки-
развлечения,
А особые мгновения.*

Элейн Хардт

День, когда мы запускали воздушных змеев

– Лески! – кричал мой брат, врываясь на кухню. – Нам нужно больше лески.

Была суббота. И, как всегда, все были заняты – заповедь «шесть дней работай и делай всякие дела твои» в то время воспринимали очень серьезно. Во дворе отец и мистер Патрик из соседнего дома занимались делами.

В обоих же домах мать и миссис Патрик были заняты чисткой вещей. Из-за сильнейшего ветра этот мартовский день как никогда подходил для «вытряхивания» платяных шкафов. И вот, на заднем дворе шерстяные вещи уже развевались на веревках.

Мальчики как-то ухитрились убежать на задний двор со своими воздушными змеями. И сейчас, опасаясь, что его заставят выбивать ковры, брат, на свой страх и риск, примчался за леской. На самом деле, сегодня не было предела высоты, на которую могли подняться воздушные змеи.

Моя мама окинула взглядом гостиную: вся мебель была в таком беспорядке, что требовались гигантские усилия, чтобы все убрать. Теперь ее взгляд был направлен в сторону окна:

– Давайте, девчонки! Давайте отнесем леску мальчикам и всего на минутку посмотрим, как они пускают воздушных змеев.

По пути мы встретили миссис Патрик. Она виновато смеялась и шла в окружении девочек.

Не было столь идеального дня для пускания воздушных змеев. Господь Бог не даст такого второго дня за столетие. Мы прикрепили новые веревки к змеям, и они все поднимались и поднимались в небо. Мы едва могли различить крошечные точки оранжевого цвета. Время от времени мы медленно спускали их вниз до земли, прижимали и снова с радостью запускали вверх. Как же здорово было бегать с ними, направо, налево, и видеть, как наши еле заметные движения на земле минутами позже отражаются в танце воздушных змеев в небе! Мы написали желания на обрывках бумаги и обмотали их леской. Медленно они поднимались до самих змеев. Желания непременно исполнятся.

Даже наши отцы бросили мотыги и топоры и присоединились к нам. Потом настал черед наших мам, смеющихся как школьницы. Их высокие прически сбились от ветра, и волосы опустились до щек. Их льняные передники обвивались вокруг ног. Вовлечение в наши забавы принесло

настоящее наслаждение. Взрослые действительно играли с нами! В какой-то момент я взглянула на мать и подумала, что она, на самом деле, очень симпатичная. И ей при этом больше сорока!

Мы не заметили, как пролетели часы в тот день на вершине холма. Не было времени, только золотой бриз. Родители забыли о своих заботах и чувстве собственного достоинства. Дети забыли о драках и шалостях. *Возможно, так все происходит в царстве Рая*, подумала я в замешательстве.

Уже давно стемнело. Опьяненные солнцем и воздухом, мы сонно ковыляли к нашим домам. Кажется, у нас был какой-то ужин. Кажется, мы сделали уборку. По крайней мере, в воскресенье дом выглядел достаточно опрятно.

Станным было то, что мы больше никогда не вспоминали об этом дне. Мне было неловко. Уверена, никто, кроме меня, не находился под таким глубоким впечатлением. Я спрятала эти воспоминания в самом укромном уголке своего разума, там, где мы храним «то, чего не может быть, но это есть».

Годы шли, и вот я суежилась на кухне своей городской квартиры, пытаюсь навести порядок, в то время как моя трехлетняя дочь настойчиво выражала желание «сходить в парк и посмотреть на уток».

– Я не могу пойти! – объясняла я. – У меня много дел, и когда я с ними покончу, от усталости не смогу идти так далеко.

Моя мать приехала нас навестить. Очищая горох, она взглянула на меня.

– Сегодня прекрасный день, – намекнула она, – очень теплый, но все же с приятным, бодрящим бризом. Он напоминает мне о том дне, когда мы запускали воздушных змеев.

Я остановилась между плитой и раковиной. Запертая дверь распахнулась, впуская поток воспоминаний. Я стянула с себя передник.

– Давай, – сказала я маленькой дочке. – Ты совершенно права, такой день слишком хорош, чтобы его потерять.

Прошло еще десять лет. В тот послевоенный год наш младший брат Патрик вернулся домой, и весь вечер мы расспрашивали его о том, что он испытал, будучи военным узником. Он делился впечатлениями, но вдруг замолчал и долгое время сидел, не проронив ни слова. О чем же он думал – о каких страшных, пугающих вещах?

– Говори!

Улыбка коснулась его губ:

– Ты помнишь, хотя нет, вряд ли ты запомнила. Скорее всего, на тебя

это не произвело такого впечатления.

Я еле осмелилась что-либо сказать.

– Помню что?

– Я много думал о том дне, находясь в лагере для военнопленных, когда дело было худо. Ты помнишь день, когда мы запускали воздушных змеев?

Настала зима и принесла с собой скорбный долг соболезнований для миссис Патрик, которая недавно стала вдовой. Я боялась позвонить и не могла представить ее жизнь в полном одиночестве.

Мы немного поговорили о моей семье, ее внуках, переменах в нашем городе. Потом она замолчала и уставилась на свои колени. Я откашлялась. В этот момент я должна заговорить о ее потере, и она заплачет.

Миссис Патрик подняла голову, и на ее лице была улыбка.

– Я просто сидела тут и думала, – сказала она. – Генри получил столько удовольствия в тот день. Френсис, ты помнишь день, когда мы запускали воздушных змеев?

Френсис Фаулер

Прислала Рут Рогнесс

Потанцуй со мной

Вмолодости, когда мы мечтали о любви и счастье, возможно, этим всем были для нас парижские ночи, залитые лунным светом, или прогулки вдоль пляжа на закате.

Никто не говорил нам, что самые лучшие моменты неожиданно врываются в жизнь и практически всегда застают врасплох.

Не так давно, читая сказку на ночь своей семилетней дочери Энни, я обратила внимание на ее пристальный взгляд. Она смотрела на меня мечтательно и будто пребывала в трансе.

Я спросила, о чем она задумалась.

– Мамочка, – прошептала она, – я не могу отвести глаз от твоего прекрасного лица.

Я чуть не растаяла на месте.

Как мало ей было известно о том, что все ее искренние попытки выражения любви будут поддерживать меня долгие годы.

Спустя некоторое время я привела своего четырехлетнего сына в большой красивый магазин, где мелодичность классической песни о любви заставила нас обратить внимание на музыканта в смокинге, играющего на пианино.

Мы с Сэмом присели недалеко на мраморную лавку, и казалось, он тоже был заворожен мелодичностью произведения.

Я не сразу заметила, как Сэм встал рядом со мной, повернулся, взял мое лицо в свои маленькие ручки и сказал: «Потанцуй со мной».

Самые лучшие моменты неожиданно врываются в жизнь и практически всегда застают врасплох.

Если бы только знали леди, гуляющие в свете парижской луны, какое это счастье – получить такое приглашение от мальчика с круглыми щечками и молочными зубами. И несмотря на то что посетители магазина посмеивались и указывали на нас пальцами, когда мы скользили и кружились по атриуму, я бы ни за что на свете не променяла своего партнера на молодого очаровательного джентльмена, даже если бы вознаграждением за танец была Вселенная.

Джин Харпер

Прогноз

Молодая мать вернулась домой из больницы, где ей поставили диагноз – доброкачественная опухоль. Она прекрасно знала о последствиях лучевой терапии, которые привели к изменениям во внешности и потере волос. Она присела на кухонный стул, когда ее сын незаметно встал в дверном проеме, с любопытством изучая свою мать.

Как только она начала заранее приготовленную речь, чтобы помочь ему понять, что он видит, мальчик подошел к ней и уютно свернулся на ее коленях. Он положил голову ей на грудь и крепко прижался, оставаясь в таком положении.

Его мать продолжала свою речь:

– И однажды, надеюсь, очень скоро, я буду выглядеть как раньше, я буду красивее.

Ребенок поднялся, сел и был полон раздумий. Он ответил на ее речь с прямолинейностью шестилетнего мальчика:

– Волосы выглядят по-другому, но сердце остается прежним.

Его матери не пришлось ждать «однажды», чтобы стать красивее. Она всегда оставалась такой.

Рошель М. Пенningтон

Семейный ужин

Я взглянула на своих двойняшек-тинэйджеров, и мне захотелось плакать. На сыне были мешковатые штаны, волосы выкрашены в рыжий цвет и в ушах серьги. У дочери был прокол нос, на ней была переводная татуировка, а ее ногти были длиной в три дюйма. Мы собирались к нашим родственникам, которые пригласили нас на ужин, чтобы отпраздновать иудейскую Пасху.

Что же скажет семья? Я уже представляла шепоток тетя и дядя, косые взгляды, щелканье языков и неодобрительное покачивание голов. Я бы могла закатить ссору прямо здесь, у двери, перед уходом. Я бы могла пригрозить, осмеять и поставить на место. И что потом? Я понимала, что в этот день мне вовсе не хотелось ссор и резких высказываний.

Было бы гораздо легче, если бы им было по девять лет. «Шагом марш в свои комнаты и оденьтесь прилично!» Я бы сказала так. Однако им было по шестнадцать. И я ничего не могла поделать.

Эти бесценные моменты проникают в душу каждой матери. И возраст наших детей не имеет никакого значения.

Итак, мы поехали к родственникам. Я уже приготовилась к осуждающим взглядам, но никто не смотрел косо моих на детей. Я приготовилась услышать неодобряющий шепот, он не последовал. Мои дети (в небольшом смущении) сидели за столом, где разместились двадцать человек. Они сидели рядом со своими младшими двоюродными сестрами, лица которых были чисты и идеальны. Они приняли участие в чтении молитв и праздничном пении. Мой сын подсказывал самым младшим при чтении, а дочь помогла с мытьем посуды между подачей блюд. Они смеялись, шутили и наливали кофе для старших.

Наблюдая за их красивыми лицами, я поняла, что совсем не важно, что подумают другие. Я считала, что они выглядят превосходно. Они продолжали наши традиции с энтузиазмом и любовью, и что главное – естественно, от всего сердца.

Я сидела за столом и изучала их. Я знала, что волосы, мешковатая одежда и переводные татуировки были их способом самоутвердиться на тот момент. Со временем это изменится, но их участие в пении гимнов и церемониях наших праздников, их родственная близость навсегда

останутся. С возрастом это не изменится никогда.

Скоро праздник Пасхи подойдет к концу. Громкая музыка, друзья и хаос снова станут частью нашей жизни, и мне так не хотелось окончания этого особенного вечера. Эти бесценные моменты проникают в душу каждой матери. И возраст наших детей не имеет никакого значения. Порой это только мимолетная, забавная улыбка или легкий жест, от чего вспыхивает всеобъемлющее чувство истинной любви.

Я наблюдала за сыном и дочерью и чувствовала их спокойствие и счастье, и в этот момент мне хотелось подскочить и обнять их. Мне так хотелось им сказать, какими замечательными детьми они были, но я этого не сделала. Вместо этого у меня появилось желание подойти, ущипнуть их за щеки, как я делала, когда им было девять лет, и сказать, какие они красивые. Но и этого я не сделала. Я просто села на свое место, пела, ела и общалась с другими.

Позже, по дороге домой, я скажу это им. Наедине я скажу, насколько значимым было их присутствие за столом. Я скажу им, какие они были замечательные и как я горда быть их мамой. Позже, когда останемся одни, я скажу, как сильно я их люблю. И это я сделала.

Шари Коэн

Дочь – мой учитель

*Дети способны
воссоздать ваш
собственный мир.*

Сьюзан Сарандон

Каждый день наши дети учат нас чему-то новому. Я – мама и давно готова к этому, и все же порой то, что открывает мне дочь, не может не удивлять меня.

В свои шесть месяцев Марисса постоянно смотрела вверх. И обратившись к этому миру наверху, я открыла для себя магию листьев, танцующих на деревьях, и невероятно огромного хвоста самолета. В восемь месяцев она стала смотреть вниз, и я узнала, что каждый камень отличается от другого, трещины на тротуаре имеют причудливые узоры и всякая травинка обладает широкой палитрой оттенков зеленого.

Когда ей исполнилось одиннадцать месяцев, она начала говорить: «Вау!» Дочь произносила это чудесное слово, когда сталкивалась с чем-то новым и восхитительным для нее, будь то игрушки в кабинете педиатра или собравшиеся тучи перед грозой. Она шептала: «О, вау!», когда что-то поражало ее, порыв ли свежего ветра прямо в лицо или стая кричащих гусей, пролетающих над головой. Потом это слово достигло совершенно нового уровня – она шевелила губами, не издавая ни звука, сохраняя его только для самых необыкновенных событий.

Это мог быть закат у озера после прекрасного дня в Миннесоте или салют в летнем небе.

Марисса научила меня словам любви. Однажды утром – ей было одиннадцать месяцев – мы находились в объятиях друг друга, она уткнулась головой мне в плечо и, вздохнув от удовольствия, сказала: «Счастливая». Потом – в период трудного двухлетнего возраста – она указала на красивую девушку на обложке журнала и спросила: «Это ты, мам?»

Каждый день дети учат нас чему-то новому.

А совсем недавно моя теперь четырехлетняя дочь зашла на кухню, когда я убиралась после ужина, и спросила: «Чем тебе помочь?» Почти

сразу же она положила свою руку на мою и сказала: «Мамочка, если бы ты была ребенком, мы бы подружались».

В такие моменты все, что я могу сказать, – это «О, вау!».

Джанет С. Мейер

Разбитая кукла

Эту историю я услышала от подруги, и вот что она рассказала:

«Как-то раз моя совсем юная дочь поздно вернулась домой из школы. Я была раздражена и взволнована. Когда она зашла в дом, я потребовала объяснить причину столь позднего появления.

Дочь сказала:

– Мапочка, мы шли вместе с Джули, и уже на полпути к дому она уронила свою куклу. Кукла разбилась на множество маленьких кусочков.

– О, милая, – отозвалась я, – ты помогала Джули собрать ее куклу.

Своим невинным голосом дочь ответила:

– Нет, мамочка. Я просто осталась с Джули и жалела ее, когда она плакала».

Дэн Кларк

Глазами ребенка

Моя малышка-дочь, взяв в руки карандаш,
Вдруг стала рисовать как по команде «Марш!».
Я с удовольствием следил, но не сумел понять,
Что простота штрихов ее могла обозначать.
Я терпеливо ждал, готов понять, вот-вот,
И понял: образ Бога в небе создает.
Вздохнув, сказал я, что никто не видел Божьего лица.
«Теперь увидят, – раздалось, – лишь дорисую до конца».

Шервин Кауфман

Первое мая

Мистер Кобб завернул полдюжины гвоздик, несколько декоративных зеленых листьев и изящных веток гипсофилы с крошечными цветками в пленку. Очень мило с его стороны было прикрепить ленту вокруг подарка, который я приготовил для матери к празднику Первого мая.

– Как ты все это донесешь, Эрни? – спросил он.

– Я на велосипеде, – ответил я.

– На велосипеде в такую погоду?

Мы выглянули из окна цветочного магазина: деревья гнулись к тротуару из-за сильнейшего ветра. Я кивнул в ответ.

– Что, если обернуть твой букет бумагой?

Мистер Кобб взял цветы и завернул их в два слоя прочной коричневой бумаги. Отдавая сверток, он пожелал мне удачи.

Поблагодарив, я сунул букет под пальто и застегнул пуговицы как можно выше. Лепестки щекотали шею и подбородок, но вряд ли бы они долго продержались, если бы я просто прижал их руками к рулю велосипеда. Я не особо разбирался в цветах, но точно знал, что моя мать заслуживает гораздо большего, чем разодранный букет из стеблей.

И вот я оказался во власти ветра, способного подхватить и унести на два квартала вперед. В тот день поднялся необычайный по силе ветер, и ехать против него было совсем нелегко. Я чувствовал тяжесть в ногах на педалях, руки были сжаты до предела, легкие перехватило. Ветер дул прямо в лицо, и каждый раз, посмотрев вперед, я видел перед собой все тот же магазин в том же квартале. По крайней мере, так казалось.

Из носа потекло, и у меня не было платка, чтобы вытереть его. Не прошло много времени, как растрескались губы. Уши болели до самой глубины, будто кто-то тыкал в барабанные перепонки зубочисткой. Глаза настолько высохли, что я не мог моргнуть, и каждая мышца в теле отдавала болью.

Цветы были мертвы, но в руках мамы они ожили и вновь стали красивыми.

Трасса стала еще оживленнее к заходу солнца. Ветер выбивал меня из велосипедной полосы на проезжую часть, прямо под колеса машин. Водитель грузовика посигналил и резко свернул в сторону, чтобы не задеть меня. Мужчина за рулем «кадиллака» высунулся из окна и велел мне

тащить «свою-знаешь-что» домой.

Уже совсем стемнело, когда я добрался до своего квартала. К тому моменту мои родители уже должны были с ума сходить от беспокойства. Я выглядывал папин минивэн или мамин микроавтобус. Скорее всего, они искали меня. В любой момент они могли проехать мимо, остановиться, погрузить меня с велосипедом и цветами в уютный, теплый автомобиль и довезти до дома. Чем дольше я искал и не видел до боли знакомых фар, тем злее становился.

Вся эта глупая поездка на велосипеде была ради мамы. Самое меньшее, что она могла сделать, – это спасти мою жизнь.

В четырех улицах от дома, выбившись из сил, я остановился и вытащил букет из-под пальто. Мне хотелось выбросить его. Пусть цветы унесет ветер.

Но вид белых гвоздик остановил меня. Они выглядели слегка потрепанными, как и ветки гипсофилы, но в целом букет все еще был красивым. Столько сил потрачено на то, чтобы привезти его сюда, и было бы глупо сейчас выбрасывать.

Я зажал в зубах стебли с бумагой и поехал медленно-медленно, чтобы ветер их не растрепал.

Велосипед занесло и склонило к земле. Скатившись, я приземлился, по крайней мере, в трех футах от подъездной дорожки и кубарем покатился до самой лужайки перед домом. Цветы были разбросаны по всему двору, оторванные лепестки летали вокруг, как конфетти.

Не обращая внимания на царапины, я обежал двор, чтобы собрать все, что осталось от маминого букета – шесть ободранных стеблей.

Хлопнула входная дверь, выпуская во двор маму. Я спрятал цветы за спиной.

– С тобой все в порядке? – с беспокойством разглядывая мое лицо, спросила она.

– Со мной все хорошо, – ответил я, сглатывая комок в горле.

– Ты уверен? – переспросила мама. – Почему ты прячешь руки?

– С руками все в порядке. Видишь? – И я показал безобразие, которое до этого было букетом цветов. – Я подарю тебе что-нибудь другое, – пробормотал я в слезах.

Мама сжала цветы вместе с моими руками и вдыхала их так долго, что я уже стал опасаться за ее нос. Наконец она их опустила, и тут я увидел, что она тоже плачет.

– Они прекрасны. Спасибо тебе.

Только тогда я вспомнил, почему купил их для нее. Не потому что был

особый день в календаре, а потому что она любила меня, несмотря ни на что. Цветы были мертвы, но в руках мамы они ожили и вновь стали красивыми.

*Эрни Джилберт для Донны
Гетцингер*

Как узнал Санта

Девятнадцать лет назад я проходила через ужасный процесс развода. Незадолго до Рождества я отвела свою маленькую дочку Ким посмотреть на Санту в местном торговом центре. Мне казалось, я знаю, что она хочет, и, поэтому не прислушалась к ней. Наутро Рождества она выглядела расстроенной, но не говорила почему.

В течение следующего года я встретила прекрасного мужчины по имени Сэм и вышла за него замуж. На наше первое Рождество под елкой я нашла огромную коробку.

В ней оказался набор из двенадцати столовых приборов. Мне так хотелось красивую посуду, но прежде я не могла себе ее позволить.

Я спросила Сэма, как он узнал о том, что я хочу. Он объяснил, что никогда не забудет одну маленькую девочку, сидящую у него на коленях в прошлое Рождество. Она поделилась с ним своим рождественским желанием. Все, о чем она просила Санту, – это о новой посуде для ее мамы.

Фэй Портер

День, когда я была слишком занята

– Мамочка, смотри! – воскликнула моя дочь Дарла, указывая на ястреба, парящего в небе.

– Мм, ага, – пробормотала я, стискивая руль и мысленно сосредоточившись на плотном графике своего дня.

Разочарование отразилось на ее лице.

– Что случилось, милая? – спросила я, продолжая думать о своем.

– Ничего, – ответила моя семилетняя дочь.

Момент был упущен. Недалеко от дома мы притормозили, чтобы поискать оленя-альбиноса, выходящего из самых глубин леса ранним вечером. Но так его и не увидели.

– Сегодня он слишком занят, – сказала я.

Ужин, купание и телефонные звонки заполнили все время до сна.

– Ну же, Дарла, пора спать!

Она пробежала мимо меня по лестнице. Уже без сил я поцеловала ее в щеку, произнесла молитвы и уложила в кровать.

– Мам, я забыла кое-что тебе отдать! – сказала она.

Моему терпению пришел конец.

– Отдашь утром.

Дарла неодобрительно покачала головой:

– Утром у тебя не будет времени!

– Я найду время, – был мой оборонительный ответ.

Порой, как бы усердно я ни старалась, время утекало как песок сквозь пальцы. Его никогда не хватало. Не хватало для нее, для мужа и, точно, для себя.

Однако Дарла не отступала. Разозлившись, она сморщила свой маленький нос в веснушках и взмахнула каштановыми волосами.

– Нет, не найдешь! Все будет, как сегодня, когда я попросила тебя посмотреть на ястреба. Ты даже не слышала, что я тебе говорила.

Я была слишком вымотана для споров, дочь почти добралась до истины.

– Спокойной ночи! – Я хлопнула дверью, и она отозвалась глухим эхом.

Позже, вспомнив пристальный взгляд ее серо-голубых глаз, я осознала, как мало времени мы проводим вместе. Она вырастет, и это время будет навсегда упущено.

Когда муж спросил, почему я такая угрюмая, пришлось ему все рассказать.

– Может, она еще не спит. Почему бы тебе не проверить? – предложил он.

Муж был прав, но я хотела, чтобы эта идея принадлежала мне.

Я открыла ее дверь, и свет из окна выхватил фигурку на кровати. Дочь спала, в руке у нее остались обрывки смятой бумаги. Я медленно разжала ее ладонь, чтобы посмотреть, что же было предметом нашего несогласия.

Мои глаза наполнились слезами. Она разорвала на клочки большое красное сердце со стихотворением «Почему я люблю свою маму!».

Осторожно собрав разорванные кусочки, я смогла прочесть, что она написала.

Почему я люблю свою маму!

*Как много у тебя всегда хлопот,
Но время ты находишь для меня:
Я – главная из всех твоих забот.
Мамочка, я так люблю тебя!*

Слова стрелой пронзили мое сердце. Десять минут спустя я принесла поднос в ее комнату, на нем были две чашки горячего шоколада с зефиром, арахисовое масло и сэндвичи с джемом. Я чувствовала, что мое сердце разорвется от любви, когда мягко дотронулась до ее гладкой как шелк щеки.

Ее густые темные ресницы были похожи на веер, прикрывающий веки, как вдруг они распахнулись, смахивая сон без сновидений.

– Что это? – спросила она, находясь замешательстве от ночного вторжения.

– Это для тебя, ведь ты – главная из всех моих забот!

Порой, как бы усердно я ни старалась, время утекало как песок сквозь пальцы. Его никогда не хватало. Не хватало для нее, для мужа и, точно, для себя.

Она улыбнулась и сонно выпила полчашки горячего шоколада. Затем ее опять склонило в сон, и она так до конца и не поняла, насколько важными были мои слова.

Синди Ладедж

Чудо игры

Господи, прости меня
За важные дела,
Не сделанные мной.
Ребенок с раннего утра
Хотел играть,
Прокрался он котенком,
И «нет» сказать нельзя,
И было столько смеха,
Что мы делили с ним.
Ведь важно все:
Играть, читать,
Делиться мыслями,
Обнять, прижать к себе.
Не описать словами,
Как дорог для тебя малыш.
Вот ночь пришла,
И шепчет сын молитву,
Благодарит за этот день,
За маму с папой, вкусную еду,
Игрушки и за главное – игру!
А у меня не сделаны дела,
Но пожалеть об этом – точно никогда!

Джейн Джойдон Ферре

Молниеносная секунда

По мнению Уилла, джинсы Levi's были не настолько круты, чтобы носить их в школе. Ему хотелось надеть грязные варенки, отправленные в корзину для стирки. Сын долго спорил со мной, но я настояла на своем, и он пулей выскочил из дома, чтобы догнать школьный автобус. Мы не успели обняться на прощание, как делали это всегда, и я чувствовала себя расстроенной из-за нашего яростного расставания, однако была горда силой воли десятилетнего пацана.

Я опаздывала на работу. Было уже 7.20, а в офисе с самого утра намечалось собрание. Приняв душ и начав сушиться, я услышала звонок в дверь. Накинув на себя смятую и влажную одежду, я с мокрыми волосами неохотно поплелась к двери. Открыв ее, я почувствовала неладное.

Маленькая девочка с расширенными от ужаса глазами, задыхаясь сообщила, что Уилла только что сбил грузовик. Сердце упало камнем. Я застыла в оцепенении, пока что-то глубоко внутри не заставило меня бежать к автобусной остановке. Уже на полпути я увидела его. Уилл замертво лежал на дороге. Дикий страх тут же замедлил мой шаг. Затем я услышала, как сын плачет и зовет меня. Его голос заставил меня бежать так, как я не бегала за всю свою жизнь. Он лежал лицом вниз.

В тот сентябрьский день невыносимо палило солнце. Оно ослепило глаза шестнадцатилетнему подростку, сидящему за рулем маленького грузовика. Все случилось в мгновение, за считанные секунды. Один миг – и Уилл был сбит грузовиком, движущимся на скорости 20 миль в час. На самом деле от удара его отшвырнуло, по крайней мере, на десять футов вверх, и он приземлился на колени и чехол для трубы. Слава богу, что по субботам он играл в футбол и научился группироваться при падении, и слава богу, что у него был чехол, который не позволил ему удариться головой о землю.

Уилл находился в ясном уме, говорил со мной и немного шутил, стараясь показать, что все в порядке. Меня съедал ужас, но я понимала, что надо настроить себя на лучшее и оставаться сильной. И еще я понимала, что могла потерять его в мгновение ока. А он сейчас лежит здесь и рассказывает анекдоты.

Так важно быть чутким. Так важно, прощаясь, прощать друг друга. Так важно ценить момент и жизнь.

Затем я услышала звук сирен. Сначала прибыли спасатели-пожарные, а за ними скорая. В первую очередь они осмотрели его голову, спину и руки. Пожарный аккуратно срезал штанины Levi's, чтобы убедиться, что ни одна кость не сломана. В этот момент Уилл облегченно сказал: «Мамочка, кажется, я больше никогда не надену эти джинсы». Я засмеялась и знала наверняка, уже в машине скорой помощи, что с ним все будет в порядке.

Уилл оказался счастливым: ему очень повезло. По словам офицера полиции, случилось чудо, и он не получил серьезных травм и не погиб. Оказавшись дома, мы весь день болтали и плакали. Так важно быть чутким. Так важно, прощаясь, прощать друг друга. Так важно ценить момент и жизнь.

Уилл лег отдохнуть, а я постирала варенки и, зарыдав, прижала к себе джинсы Levi's. Я вдруг осознала, как резко может измениться жизнь, без предупреждения, за молниеносные секунды. Произошло это семь лет назад. И теперь, когда мне нужно ощутить реальность жизни или напомнить себе о том, что данное нам время – бесценный подарок, я достаю аккуратно обрезанные джинсы.

Дэрил Отт Андерхилл

Мама пришла на чай

Ядумала, что она придет, и уже подготовила оправдание.

Когда нам в колледже сообщили об этом мероприятии, я точно знала, что никакого чая с мамой не будет.

Мне никогда не забыть этот момент. Я зашла в празднично украшенный спортзал – и она была там! Взглянув на нее, спокойную и улыбающуюся, я представила, через что ей пришлось пройти, чтобы провести этот час со мной.

Кто присматривал за бабушкой? Она была прикована к постели после инсульта, и мама ухаживала за ней.

Я дала обещание своим детям, что всегда буду с ними. Это обещание было не просто сдержать, но у меня есть яркий пример, не оставляющий шанса никаким оправданиям. Я просто снова и снова вспоминаю, как мама пришла на чай.

Три младших сестренки уже вернулись домой. Кто встретил их и проверил тетради?

Как она добралась сюда? У нас не было машины, и она не могла позволить себе такси. Ей пришлось долго идти до автобусной остановки, а потом еще пять кварталов до школы.

На ней было красивое красное платье, украшенное маленькими белыми цветочками, – идеально для чая. Как оказалось, седина начала пробиваться в ее темных волосах. У нее не было денег на новую одежду, и я знала, что ей пришлось взять в долг, чтобы купить новую одежду.

Я так гордилась ей! Я подала чай, захлебываясь от счастья и благодарности, а когда настал наш черед, смело представила ее своей группе. Я провела время со своей мамой, как и остальные студенты, и это событие было очень важным для меня. Ее взгляд был полон любви – она поняла.

Я никогда не забуду этого. Позже, как и все молодые мамы, я дала обещание своим детям, что всегда буду с ними. Это обещание было не просто сдержать, но у меня есть яркий пример, не оставляющий шанса никаким оправданиям. Я просто снова и снова вспоминаю, как мама пришла на чай.

Марджи М. Коберн

Она была здесь

Каждый год мой день рождения сопровождался одним и тем же событием. В этот день поздней осени мама приезжала меня навестить, и я открывала дверь. Она всегда стояла на пороге, и листва кружила вокруг ее ног.

В воздухе ощущался холод, а в ее руках был подарок – всегда небольшой, но бесценный, что-то, что я долгое время хотела и сама не знала об этом.

Я открывала мамин подарок с особой аккуратностью и затем бережно хранила со своими самыми любимыми вещами. Как же нежны и хрупки были подарки из рук моей мамы!

Когда сегодня придет мама, я отведу ее на кухню, в тепло и уют. Мы выпьем чаю и будем наблюдать, как кружащие листья прилипают к окну.

Я не буду спешить открывать подарок. Он уже открыт вместе с дверью, за которой стоит мама, и листва кружится вокруг ее ног...

Кристина Кинан

Глава 7. Чудеса

*Чудеса случаются
внезапно, их
невозможно
притянуть, они сами
приходят, особенно в
моменты, когда меньше
всего их ждешь....*

Кэтрин Э. Портер

Ангел в военной форме

*Там, где большая
любовь, всегда
случаются чудеса.*

Уилла Кэсер

Эту семейную историю о своей матери, моей бабушке, рассказал мне отец.

В 1949 году мой отец вернулся с войны. На каждой трассе в Америке можно было увидеть солдат, возвращающихся домой к своим семьям.

К сожалению, радость воссоединения с семьей вскоре сменилась печалью. Моя бабушка сильно заболела, и ее отправили в госпиталь. Проблемы были с почками, и требовалось срочное переливание крови, иначе она бы не выжила. Все осложнялось тем, что у бабушки была четвертая группа крови с отрицательным резус-фактором. Даже сейчас это очень редкая группа крови, а тогда ее еще труднее было найти, – без банков крови, без авиационной доставки. У всех членов семьи была четвертая группа, но никто не подходил по резус-фактору. Надежды не оставалось, моя бабушка умирала.

Мой отец покинул больницу в слезах и отправился за близкими, чтобы у каждого был шанс попрощаться с бабушкой. На трассе он проехал мимо солдата в военной форме, идущего домой. У отца лежал камень на сердце, и ему было не до добрых дел, но все же что-то заставило его остановиться и подобрать незнакомца.

Отец был настолько расстроен, что даже не спросил, как зовут попутчика, однако солдат сразу заметил его слезы и стал расспрашивать, что случилось. Этому абсолютно незнакомому человеку отец рассказал, что его мать в больнице, и если до ночи не найдут четвертую группу крови с отрицательным резус-фактором, она умрет.

В машине стало очень тихо. Затем солдат протянул руку ладонью вверх. На ней лежал шнурок с бирками, какой носят на шее. Группа крови на бирке была четвертая, резус-фактор отрицательный. Солдат приказал отцу развернуться и отвезти его в больницу.

Моя бабушка прожила до 1996 года. Как и сорок семь лет назад, по сей день никто в нашей семье не знает имени того солдата. А мой отец часто задумывается, не был ли этот солдат ангелом в военной форме.

Жанни Экк Соуэлл

Исцеление

События последних тридцати часов повергли Джима в глубокий шок. Мир вокруг продолжал движение, но без него.

Джим и его жена Конни только что потеряли своего четырехмесячного сына. Предварительный диагноз – СВДС (синдром внезапной детской смерти).

Тридцать часов назад Джим ехал к няне, чтобы забрать Джошуа. Это была одна из тех рутинных поездок, которые он совершал пять раз в неделю... и по приезде маленького Джошуа никак не могли разбудить. Следующие несколько часов превратились в туман: вой сирен, врачей скорой помощи сменяют доктора неотложки, медсестры держат за руки и молятся. Джошуа отвезли в детский госпиталь в шестидесяти милях отсюда, но все было напрасно. Через двенадцать часов доктора прекратили все попытки вернуть его к жизни. Мозг ребенка потерял активность. Решение было принято: отключить его от аппарата искусственного поддержания жизни. Маленького Джошуа больше не было. Они хотели принять здоровые органы Джошуа в донорство. Как любящим и неравнодушным к чужим детям родителям, Джиму и Конни было несложно дать согласие.

Настало утро и принесло с собой еще больше хлопот: телефонные звонки, организация похорон.

В какой-то момент Джим решил подстричься, но, будучи новичком в местном обществе, не знал, к кому обратиться. Брат Джима вызвался позвонить своему парикмахеру и записать его на стрижку. Запись была полной, но хозяин салона, узнав о том, что произошло, сказал: «Пусть просто придет, и мы о нем позаботимся».

Джим был вымотан, когда сел в парикмахерское кресло. Он почти не спал и отчаянно пытался осмыслить все, что произошло за последние часы. Почему они так быстро лишились Джошуа, их долгожданного первенца, – он едва начал жить? Этот вопрос не уходил из его головы, и сердце Джима охватила боль. Он подумал о словах священника из больницы. «Мы не можем знать о планах Господа Бога в отношении нас. Возможно, Джошуа уже исполнил свою миссию на земле». Эти слова не смягчили всепоглощающей горечи.

Парикмахер выразила соболезнование, и Джим поймал себя на том,

что рассказывал ей обо всех событиях последних тридцати часов. Каким-то образом ему стало легче после рассказа. Возможно, если рассказать об этом достаточное количество раз, он придет к пониманию того, что произошло.

Джим упомянул о донорстве органов, посмотрел на часы и вспомнил, что происходит в шестидесяти милях отсюда, там, где несколько часов назад он попрощался со своим любимым Джошуа.

– Прямо сейчас пересаживают один из его сердечных клапанов.

Парикмахер прекратила свою работу и стояла, не делая ни единого движения. В конце концов она заговорила, и ее голос дрожал:

– Вы не поверите, но примерно час назад в этом же кресле сидела клиентка. Она спешила в детский госпиталь и торопила меня. Она ушла отсюда, полная радости. Ее молитвы были услышаны. Сегодня ее маленькая внучка получила жизненно необходимый трансплантат... сердечный клапан.

Джим почувствовал исцеление.

Сэнди Джонс

Удочерение мечты

Майкл или Мишель.

Еще перед тем как Ричард и я стали мужем и женой, мы договорились, что именно так назовем нашего первенца. Мы все распланировали.

Два года спустя Ричард окончил колледж и получил диплом. Настало время воплотить нашу мечту в жизнь и завести семью.

Следующие два года мы молились, чтобы я забеременела. Разочарование приходило с каждым месяцем, пока однажды весной 1985 года я не записалась к доктору на прием, так как была просто уверена на все сто процентов в своей беременности.

Доктор с улыбкой сказал:

– Вы беременны.

Я готова была танцевать прямо в его кабинете. Примерная дата рождения приходилась на первую неделю ноября, как сказал мой доктор.

Следующие шесть недель были заполнены приготовлениями. Мы сделали абсолютно все, разве что не подали объявление об этом в газетах. Ричард начал подготавливать комнату, которая станет детской.

Мы представляли, каким будет наш малыш – сын или дочь. Ребенок внутри меня полностью занял мои мысли.

– Я обеспокоен, не слышно сердцебиения, – сказал мне доктор во время третьего визита.

Полчаса спустя я рыдала в его кабинете. Мне сделали анализ крови, и признаков беременности не выявили вообще.

– Ложная беременность, – объявил доктор. – Ваш разум так сильно хотел ребенка, что тело поверило в это.

Маленького Майкла или Мишель не существовало. Не было скорби по малышу, и все же мы скорбели.

Следующие десять лет запомнились чередой тестов на бесплодие. Мы с завистью наблюдали, как у наших друзей, сестер и братьев появляются дети. С болью в сердце я пыталась улыбаться, когда они рассказывали о своих малютках.

Еще больше тестов на беременность, еще больше усилий и молитв. Отрицательно, всегда. Мечта умирала вновь и вновь.

Мы заняли себя работой: Ричард преподавал, а я писала. И все же наше желание иметь ребенка было таким всеобъемлющим, что в 1992 году мы пришли на курс подготовки к усыновлению/удочерению.

Я оглядела класс, заполненный нервными супружескими парами.

Мне было страшно даже надеяться.

– Это наш шанс, – прошептал Ричард.

Мы стали ходить на обязательные курсы по воспитанию детей. Каждый вечер понедельника на протяжении десяти недель мы слушали, играли в ролевые игры и обсуждали все стадии процесса по усыновлению/удочерению детей, нуждающихся в семье.

Со всей работой пришла радость подготовки. Как долго придется ждать ребенка? Будет ли он с разбитым сердцем и сломленным духом? Сколько понадобится времени, чтобы сблизиться друг с другом? Будет ли наш ребенок таким, каким я всегда его представляла?

Вместе мы подготовили комнату для ребенка. Необходимо столько всего запланировать, а у нас так мало информации.

С любовью я поставила в шкаф бутылочки с лосьоном и присыпкой рядом с детскими нагрудниками и книгами.

Часто я просто сидела на полу в этой комнате, выкрашенной в желтый и белый цвет, и мечтала о ребенке, который бы спал и играл здесь. Я купила несколько игрушек. Они тихо ждали момента, когда маленькие ручки возьмут их.

Надежды и мечты не должны умирать. Мы наблюдаем за нашей мечтой, воплощенной в жизнь и зовущей нас мамой и папой.

3 ноября 1993 года раздался телефонный звонок, изменивший нашу жизнь.

– Кэти, вы же желали кое-что на Рождество? – спросила сотрудница социальной службы.

Я в буквальном смысле видела ее улыбку. Сжав трубку телефона, я прошептала:

– Да.

– Так вот, у нас для вас хорошие новости.

Затем она рассказала о восьмимесячной девочке. Это была малышка! Я спала и видела сон?

– Ее имя Тереза Мишель, но все зовут ее просто Мишель, – сообщила сотрудница.

Я была поражена. Мишель. Восемь лет назад мы мечтали о нашей Мишель. Меня словно оглушило. Это было 3 ноября. Если бы я родила ребенка в ноябре 1985-го, как сказал мой доктор, ей или ему было бы

восемь лет. Как добр был Господь Бог к нам, услышав наши молитвы! Я пыталась представить, что почувствую, взяв на руки этого ребенка.

В течение двух недель мы три раза посетили Мишель.

Я посмотрела на лицо своей дочери, она улыбнулась и протянула ко мне ручки. Я держала ее на руках и вдыхала аромат детской присыпки и молока, сладкий аромат, словно из сада, где растет множество роз.

Мишель, наконец, привезли к нам.

Двадцать третьего ноября она оказалась в нашем доме и наших сердцах, и с каждым днем наша любовь к ней росла. Сейчас ей почти четыре года, и она очень любит слушать историю о ее удочерении, о том, как долго мы ее ждали.

Надежды и мечты не должны умирать. Мы наблюдаем за нашей мечтой, воплощенной в жизнь и зовущей нас мамой и папой.

Кэтрин Лей

Дорогой, тебе лучше присесть

Если вам интересно мое мнение о жизни, могу сказать, что она бывает непредсказуемой. К примеру, в самый обычный день один телефонный звонок может изменить все.

У моего мужа Гэри немного иной взгляд на жизнь. Гэри большой, добрый, тихий мужчина, и я уверена, что он не совсем понимал, во что ввязывается, когда делал мне предложение. Я была матерью четверых взрослых детей, Гэри же был закоренелым холостяком. Я общительна, в то время как он предпочитает все записывать. (Например, предложение стать его женой было сделано в виде анкеты с несколькими вариантами ответа, и к анкете было прикреплено обручальное кольцо.) Мне нравится плыть по течению, его же устраивает ежедневная рутина.

Казалось, мы дополняем друг друга и наш брак счастливый. Гэри прекрасно ладил с моими взрослыми детьми, но время от времени я задавалась вопросом, не хочется ли ему своего собственного ребенка. И хотя, делая предложение, Гэри знал, что мне уже поздно рожать, он все равно попросил моей руки.

С самого начала семейной жизни каждый вечер, приходя домой, Гэри спрашивал меня: «Как прошел твой день, дорогая?» И порой бывал ошарашен ответом.

Однажды, спустя два года после нашей свадьбы, я ответила: «Дорогой, тебе лучше присесть».

Незадолго до того мою старшую дочь Миа перевели из филиала рядом с нашим домом во Флориде в другой, в Техасе. Там Миа наняла четырех новых стажеров и должна была сопровождать их в главное подразделение компании в Тампе для прохождения десятидневной стажировки. Она позвонила мне из отеля в сорока минутах езды от нашего дома, и я не узнала ее голоса. Куда подевалось все ее спокойствие и выдержка!

– Мам, ты не поверишь, что сейчас случилось! Такое можно услышать у *Опры!*

– Что такое, Миа? – Она явно разбудила во мне любопытство.

– Одна из молодых женщин-стажеров всю ночь мучилась от боли в животе. Нам пришлось вызвать скорую помощь. И что ты думаешь, из больницы позвонили и сказали, что она родила ребенка! Никто не знал, что она была беременна, включая ее саму!

– Да, понятно, – сказала я с удивлением и скептицизмом

одновременно.

– *Говорю тебе*, она была у меня на собеседовании и не выглядела беременной. Я уверена, она не стала бы менять работу и уезжать на десятидневный обучающий семинар, зная, что близятся роды. Это невероятно! Я еду в больницу!

Как ветеран четырех очень заметных состояний беременности, я покачала головой, засмеялась и занялась своими делами.

Около четырех часов Миа снова позвонила.

– Мам, ты не поверишь в это. Никто в Техасе не знал, что Джуди беременна, и завтра она возвращается домой, как будто ничего не случилось!

– Как будто ничего не случилось? – переспросила я в замешательстве. – Но что будет с ребенком?

– Она собирается оставить ребенка здесь. Она уверена, что социальные службы найдут ему семью.

Я была шокирована.

– Но нельзя так просто оставить ребенка. Его годами будут передавать из одной приемной семьи в другую! Я этого не позволю, я сама заберу ребенка!

– Мам, – с жаром произнесла Миа, – *что ты сделаешь?*

– Я... Что же, ты поговоришь со своей стажеркой и узнаешь, нужны ли ей контактные данные или она хочет оставить ребенка и восемнадцать лет ничего о нем не знать? – Произнося эти слова, я понимала, что действую импульсивно, но ничего не могла с собой поделать. – Полагаю, мне стоит поговорить с Гэри, когда он придет домой.

Это был тот самый день, когда Гэри, вернувшись домой, на свой обычный вопрос получил ответ: «Дорогой, тебе лучше присесть».

В самый обычный день один телефонный звонок может изменить все.

Я рассказала ему всю историю, и Гэри ответил:

– Да, понятно, малышку собираются бросить. А мы собираемся ее удочерить.

Странно, но чем абсурднее это звучало, тем больше у меня появлялось уверенности в правильности решения.

– Дорогой, – сказала я, – такая возможность дается раз в жизни. Если бы Миа не перевели и она не наняла эту самую женщину и не привезла ее сюда на десять дней... Если ты когда-то желал своего собственного

ребенка, это единственный шанс!

Потрясенный, он ответил:

– Ну ты же не можешь принимать решения, меняющие жизнь, за одну минуту!

Зная, что он просыпается по утрам гораздо раньше меня и писать о серьезных вопросах в его стиле, я сказала:

– Отложи этот вопрос на завтра и оставь мне утром записку.

Следующим утром Гэри, как обычно, ушел из дома рано, но не оставил записки. Я расстроилась. Я была уверена, что поступаю правильно. Этому суждено было случиться!

Ровно в 9 утра раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, Шерри! Это Сью, социальный работник из больницы. Я только что говорила с матерью, и она согласна отдать вам ребенка. Вы заберете малышку?

Что мне было делать? Я была готова перевернуть наш мир вверх дном, а Гэри, казалось, предпочитал отлаженный порядок жизни.

Пытаясь найти слова для ответа, я услышала шаги на лестнице. К моему удивлению, это оказался Гэри, и он был не на работе.

Муж присел на кровать и прошептал:

– С кем ты разговариваешь?

Схватив лист бумаги, я написала: «Хочешь забрать малышку?»

Какими бы ни были обстоятельства, казалось, папа и дочка давно ждали друг друга. В жизни есть что-то, чему суждено случиться.

Он взял ручку и написал: «Что, если она заболит? Нужен ли нам юрист? Во сколько нам это обойдется? Что, если мать передумает?»

Прочитав, я разорвала лист на половину, возвращая ему первоначальный вопрос: «Хочешь забрать малышку?»

– У вас есть юрист? – спросила Сью.

– Нет, – ответила я. – Во что мне это обойдется?

– Позвольте мне найти юриста и узнать цену, – сказала она и повесила трубку.

Пять минут спустя Сью перезвонила.

– Я нашла юриста. Так как в деле больше нет заинтересованных сторон, он возьмет 2000 долларов. У вас есть столько на руках?

Бог ты мой, – подумала я, – 2000 долларов. И это, когда я наконец-то расплатилась по кредитным картам. Ну, все, хватит!

– Мы ее удочерим и предоставим аванс наличными!

Гэри, ошарашенный, наконец, ушел на работу. Я побежала в супермаркет «Уолл Март» за подгузниками и молочной смесью, затем попыталась заняться своими делами, сохраняя как можно больше спокойствия. Юристы и агентства запустили правовые процедуры, но все казалось нереальным. И если для меня это было нереальным, то уверенности, что Гэри справится со всем этим, было еще меньше.

В тот вечер Гэри отправился со мной ставить подпись в книге регистра. Он все так же сохранял спокойствие. Или ему уже было скучно? Когда все закончилось, я подумала: *Сейчас или никогда.*

– Дорогой, – сказала я, – давай пойдем и посмотрим на нее.

– Мы не можем, – прагматично ответил он. – Часы посещения заканчиваются через десять минут, а ехать до больницы двадцать.

– Ну же, давай, – настаивала я, вытаскивая его на улицу и заталкивая в машину.

Если ты когда-то желал своего собственного ребенка, это единственный шанс!

Мы шли по больничному коридору, и за нами следовал приглушенный шепот. Нас направили на сестринский пост.

– Это необычное для всех нас событие, – сказали нам на посту. – Если бы врачи знали, что она беременна, ее бы отправили в родильный дом неподалеку на этой же улице. У нас даже родильной палаты нет!

Вокруг слышались смешки и хихиканье.

Нам сказали, куда идти, и мы с Гэри прошли до конца длинного коридора. Мой большой тихий муж нерешительно потянул ручку двери.

Перед нами предстала огромная пустая палата. Да, она была пуста, только прямо в центре стояла одинокая маленькая колыбель.

Вместе мы подошли к ней и увидели крошечную новорожденную девочку. Гэри наклонился, чтобы прикоснуться к ней. Как только он это сделал, она потянулась и обхватила его пальцы своими крошечными ручками. Я услышала, как Гэри шепчет своим глубоким голосом:

– Привет, милая! Это твой папа.

Какими бы ни были обстоятельства, казалось, папа и дочка давно ждали друг друга.

Как я полагаю, в жизни есть что-то, чему суждено случиться.

Пройдет время, и однажды Гэри успокоится и снова спросит меня: «Как прошел твой день, дорогая?»

Шерил Николсон

Послание на День матери

Сью и Кенни Бертон пытались завести ребенка уже больше двух лет, и их попытки были тщетны. Месяц за месяцем, несмотря на все медицинские обследования, приносил разочарование. Жители их крошечного городка Франкфорта, штат Канзас, знали о мечте Бертонов и молились за них.

В то время Сью была участницей секстета, сформированного женщинами из Объединенной методистской церкви Франкфорта и исполняющего современные христианские песнопения. Группа с ироничным названием «Особенный посыл» регулярно давала концерты на банкетах, посвященных материнской и дочерней любви, встречах братских сообществ и других мероприятиях.

– По обыкновению во время программы каждый из нас делился своей историей с аудиторией, – говорила Сью. – И все мы, подростки и леди, носящие статус бабушек, были связаны друг с другом.

Другие исполнительницы песен, зная, как сильно желание Сью иметь ребенка, воодушевили ее поделиться своей историей. Она это сделала и получила невероятную поддержку. После рождественских концертов многие люди подходили к Сью, обещая за нее молиться. В марте одна женщина из Южной Дакоты предрекла, что ровно через год у Сью появится маленькая дочка.

Несмотря на то что Сью и Кенни были далеки от обустройства детской, эта поддержка им помогала.

В выходные, на День матери, Сью с мамой отправились в Канзас-Сити, чтобы навестить сестру Сью, Шелли, учившуюся в местном колледже. Всю субботу они втроем провели в торговых центрах, и при каждой парковке Сью ставила машину на автоблокировку дверей и только тогда выходила.

– Мы шутили о чрезмерной бдительности в больших городах, но не было смысла и не проявлять осторожность, – говорила Сью.

Утро воскресенья встретило их затяжным дождем. Они отдыхали в квартире Шелли и устроили ранний обед. Дождь продолжал лить, но все трое решили прогуляться по городу. Спасаясь от ливня, они добежали до машины Сью на парковке.

– Поспеси! Я промокла до нитки! – смеялась Шелли, пока Сью снимала с блокировки переднюю дверь, а затем и все остальные.

Шелли и Сью сели спереди, а мать устроилась на заднем сиденье.

– Посмотрите на это! – воскликнула она, и дочери тут же обернулись. На сиденье лежала детская пинетка розового цвета.

– Откуда она здесь взялась? – спросила Сью. – Вчера ведь ее не было, мам?

– Нет, – ответила мать. – Я не видела ее.

– Не могла она забиться в сиденье? Может, ее оставил кто-то из ваших друзей в Франкфорте? – гадала Шелли.

Сью покачала головой:

– Сомневаюсь. Дети моих друзей старше. Не помню, чтобы в этой машине когда-то сидел ребенок.

У женщин ушло немало времени на раздумья.

– Может, кто-то нашел ее рядом с машиной, подумал, что наша, и подкинул нам, – предположила Шелли.

– Но, – отметила Сью, – машина была заперта. Ты же знаешь, я блокирую все двери, когда выхожу. И кому это могло прийти в голову, что пинетка наша? Нас тут никто не знает.

– Посмотрите, как грязно и мокро снаружи, – добавила мать Сью. – А пинетка чистая и сухая.

Снова возникла тишина, женщины пытались найти любое возможное объяснение, но так и не смогли. Они внимательно рассматривали пинетку: она лежала так, будто кто-то хотел, чтобы ее заметили.

– Что, если?.. – и Сью не смогла закончить предложение.

Но остальные знали, о чем она думала. Не была ли пинетка Божьим посланием, знаком, что все эти молитвы, исходящие из степей Канзаса, скоро будут услышаны?

Сью едва могла позволить себе надеяться. Она забрала пинетку домой и стала ждать. Она ждала до тех пор, пока не поняла, что на самом деле беременна. Она уже носила под сердцем ребенка в то утро Дня матери, когда получила это послание. Как и предсказывала женщина из Южной Дакоты, у Сью родилась дочка.

– Когда меня спрашивали, почему я была так уверена, что родится девочка, я показывала пинетку, – говорит Сью. – Послал бы мне Господь розовую по другой причине?

Сейчас, пять лет спустя, пинетка висит над кроватью Пейдж Элизабет Бертон, как постоянное напоминание о том, что Бог отвечает на молитвы. На самом деле он отвечает с избытком, так как у Пейдж появилась маленькая сестренка.

– Несомненно, пинетку оставил ангел, и это был знак для меня, – говорит Сью.

Для Сью каждый день – это День матери.

Джоан Уэстер Андерсон

Воссоединение матери и ребенка

До апреля 1992 года Келли Форбс и Шона Брэдли никогда не виделись и не разговаривали друг с другом. Их мужья работали в разных компаниях, дети ходили в разные школы. Но в настоящий момент Келли и Шона готовились отпраздновать свое первое Рождество вместе и жалели лишь о том, что не узнали друг о друге раньше. Более четырнадцати лет эти две женщины из штата Юта не подозревали о связывающих их прочных узах и узнали о них только благодаря самым причудливым обстоятельствам. Что бы это ни было – судьба или чудо, – не важно.

В 1992 году в жизни Келли было мало радости. Три раза смерть уносила близких, одного за другим. Затем, сразу после переезда в новый дом, они с мужем потеряли работу. Навалившиеся проблемы принесли отчаяние и депрессию.

В компании при увольнении Келли предложили проконсультироваться с психотерапевтом Шоной Брэдли. При первой же встрече Шона заметила, что клиентка похожа на ее сына Джейка, усыновленного младенцем. Ямочки на щеках, веснушки, темные волосы и светло-карие глаза – все напоминало Шоне сына. Однако она сочла это простым совпадением.

Во время второй консультации Шона спросила о планах Келли на будущее.

– Я хочу написать книгу о своем опыте, – поделилась клиентка. – Когда-то я отдала ребенка на усыновление.

И Келли рассказала, что, будучи совсем юной, отдала ребенка супружеской паре, но никогда их не видела. Сейчас она счастлива в браке и у них с мужем трое детей, но мысли о старшем сыне никогда не покидали ее. Скоро ему должно исполниться четырнадцать лет. Келли надеялась, что ее опыт поможет другим молодым девушкам.

Рассказ Келли произвел огромное впечатление на Шону. Ей бы хотелось, чтобы родная мать Джейка оказалась такой, как Келли. В свою очередь она призналась клиентке, что является приемной матерью и эта тема для нее очень близка.

Келли было всего семнадцать, когда родился малыш, и она решила отдать его на усыновление.

Найдя отзывчивого слушателя, Келли стала изливать душу. Дрожащим голосом и со слезами на глазах она рассказывала о своем единственном

сожалении: ей даже не позволили подержать на руках малыша.

– Канаб крошечный городок, там всегда так, – добавила она, упоминая свой родной город в сотнях миль отсюда.

Шона уронила блокнот. Ее сын родился в Канабе четырнадцать лет назад.

– Канаб? – переспросила она.

Келли осторожно кивнула.

У Шоны сжало горло. Ей словно дали под дых, и она не могла дышать. Ее трясло, и она, закрыв рот руками, повторяла:

– О, Боже! О, Боже!

Келли медленно проговорила:

– Он у вас?

Шона кивнула:

– Думаю, да.

И они стали делиться своими историями и засыпать друг друга вопросами. В старших классах Келли пришлось непросто. Устав от насмешек, она, как и другие девчонки, завела бойфренда. Результатом стала нежданная беременность. Отношения тут же сошли на нет. Келли было всего семнадцать, когда родился малыш, и она решила отдать его на усыновление. О будущих родителях своего ребенка Келли знала немного: их возраст, религию, образование.

Джим и Шона Брэдли были женаты четыре года, когда, отчаявшись иметь собственного ребенка, подали заявку на усыновление. Год спустя им привезли младенца из Канаба всего трех дней от роду. Еще совсем маленьким Джейк узнал об усыновлении. Родители говорили, что родная мать отдала его им, потому что любила. На свой день рождения Джейк всегда слышал: «Ты знаешь, кто о тебе сейчас думает».

Келли испытывала смешанные чувства. Она была счастлива, и в то же время ее глодали сомнения.

– Его день рождения... – начала она.

– 29 июня 1980 года, – раздалось в ответ.

– И юристом был...

– Майк Макгуайр, – продолжила Шона. – И ваша девичья фамилия Робинсон?

Келли кивнула. Ее сердце бешено колотилось. Произошло чудо.

– Так не бывает. Это просто невозможно, – озвучила ее мысли Шона.

Обе женщины еще долго разговаривали после окончания приема. Шона хотела дождаться, когда Джейку исполнится восемнадцать лет, и тогда рассказать ему о родной матери. Взрослым он легче примет это.

Келли согласилась. Она была счастлива знать, что ее сын живет в любящей семье.

Вечером Джим Брэдли отметил приподнятое настроение жены. Видно, был удачный день, – подумал он, укладывая детей спать. А узнав причину, разделил радость с Шоной.

В последующие дни Келли и ее муж Тэйн, по совету консультанта, рассказали своим детям об этой удивительной встрече. Тем и прежде было известно о сводном брате, отданном на усыновление в другую семью. А теперь они не могли дождаться, когда смогут познакомиться с Джейком.

В то же время Брэдли столкнулись с дилеммой. Взвесив все «за» и «против», они решили, что Джейк достаточно взрослый, чтобы узнать обо всем сейчас. Они боялись, что кто-нибудь может рассказать ему, и сын потеряет к ним доверие.

Теперь настал черед Келли волноваться.

– Пожалуйста, не думайте обо мне, – просила она. – Мои желания не в счет. Расскажите ему, когда сочтете нужным.

Келли чувствовала страх и тревогу. Что, если она не оправдает ожидания Джейка?

Однажды утром Шона и Джим зашли в комнату Джейка и разбудили его.

– Случилось невероятное, – начала Шона. – Ко мне на консультацию пришла женщина. И она оказалась твоей родной мамой.

– Как она выглядит? – спросил Джейк, расплываясь в улыбке. – Когда я с ней познакомлюсь?

Мать протянула ему фотографию Келли. Вне себя от восторга, подросток побежал показывать ее бабушке.

Позвонив Келли, Шона рассказала ей о произошедшем и предложила вместе поужинать. Келли согласилась. *Ради этого и жизни не жалко*, – крутилось у нее в голове.

Она оказалась первой в ресторане и изо всех сил старалась сдерживать эмоции. Следующим был Джим: он приехал сразу после работы. Затем прибыли Шона с Джейком и стали искать парковочное место у ресторана. Не успела Шона припарковаться, как Джейк выпрыгнул из машины и подбежал к Келли с фиалкой в руке.

– Можно тебя обнять? – голос Келли дрожал. – Я так долго этого ждала.

Они обнялись. Глаза Джейка наполнились слезами, и он обернулся назад, к своей матери.

Шона успокоила его:

– Не стесняйся слез, милый. Сегодня особенное событие!

В ресторане Джейк захлеб рассказывал Келли о своих увлечениях. Он был рад, что биологическая мать разделяла его любовь к музыке и что талант чинить разные вещи достался ему от деда-механика.

И снова эти двое не смогли сдержать слез, когда Келли наконец-то открыла сыну то, что столько лет терзало ее душу.

– Ты был достоин самого лучшего. Мне так хотелось, чтобы ты рос в любящей семье. Я знала, что поступаю правильно, но это решение далось мне очень нелегко.

Первая встреча прошла удачно, и пришла очередь познакомить детей.

– Наши дети вели себя так, будто всегда знали друг друга, – рассказывает Келли.

Это положило начало большой дружбе между двумя семьями. А Келли и Шона по-прежнему удивлены тем поразительным обстоятельством, что свело их вместе.

– Я так счастлива за Джейка, – говорит Шона. – Теперь его жизнь полна.

Келли добавляет:

– Я рада, что у Джейка такая семья. Это лучшее, что могло случиться.

Кэролин Кэмпбелл

Отрывок из Woman's World Magazine

Спустя сорок лет

Я работала медсестрой, и 13 июня 1992 года, вернувшись с дежурства, взялась за рутинные домашние дела, – а их немало, когда у тебя четверо детей. Затем я стала разбирать почту. Наконец-то из Небраски прислали мое свидетельство о рождении. Это приближало меня еще на один шаг к получению паспорта. Мы с моим мужем Майком решили отправиться в путешествие по случаю 25-летия после окончания старшей школы.

В нетерпении я разорвала конверт, и мой мир перевернулся.

Я держала в руках документ, где черным по белому было написано «Свидетельство о рождении усыновленного ребенка».

Должно быть, это какая-то ошибка. Так не бывает, чтобы в свои сорок два ты открыла конверт и обнаружила документ, в котором заявлено о твоём удочерении.

Моих родителей, Беатрис и Элберта Уитни, уже не было в живых, и, придя в чувство, я позвонила своему дяде, человеку их поколения, который мог обладать хоть какой-то информацией. Он отвечал уклончиво. Чувствовалось, что ему неловко. Он то откашливался, то невнятно что-то бормотал, но я не оставляла его в покое. В конце концов дядя признался, что меня удочерили в двухлетнем возрасте, но мои родители взяли со всех обещание молчать. В потрясении я позвонила своей старшей сестре Джоан. И она неохотно призналась.

Я была растоптана. Меня не покидало чувство, что вся моя жизнь была ложью. Я считала, что знаю, кто я, но, оказывается, нет. Все казалось бессмысленным. Приемные родители предали меня, родная мать бросила.

Майк и дети переживали за меня, и в конце концов муж сказал:

– Милая, почему бы тебе не попробовать найти своих настоящих родителей?

– Не у каждой истории счастливый конец, – резко ответила я. – Однажды мать уже бросила меня. Зачем я ей сейчас?

– Это не важно. Хуже уже не будет. Можно просто разузнать о них, ничего более. Может, медицинская информация окажется полезной для тебя и наших детей?

Эти полтора года с мамой стали бесценным подарком.

Взвесив все «за» и «против», я поняла, что муж был прав. Но с чего

мне начать?

Я знала, что родилась в Омахе, штат Небраска, хотя выросла в Риверсайде, Калифорния. Затем Джоан, которая была старше меня на тринадцать лет, вспомнила нечто очень важное: имена моих биологических родителей. Я связалась с агентством социальной службы, и долгий процесс поиска был запущен. Сотрудник социальной службы посоветовал разместить объявление в местной газете Омахи. Я почти отказалась от этого совета. Кто будет читать рекламу, если только не нужна работа или подержанный автомобиль?

Оставался маленький шанс, что кто-нибудь, кто знал моих биологических родителей, увидит объявление. Я решила попробовать. Объявление звучало следующим образом: *Меня зовут Линда, моими родителями были Жанни и Уоррен. Я родилась 8.07.1950 г. в городе Омаха и была отдана на удочерение. Мои приемные родители умерли. Я не хочу никому доставлять неудобств, но ищу любую информацию о своих родителях.* В объявлении был указан номер телефона агента социальной службы в Линкольне. Сомневаясь в успехе, я заплатила газете только за первые пару недель и занялась своими делами.

Меня охватила радость. Мама любила меня. И хотела!

Объявление опубликовали 25 октября, а в понедельник 2 ноября раздался телефонный звонок. Это был агент социальной службы.

– Линда, – сказал он, – кажется, у вас будет счастливое Рождество.

Объявление попало на глаза женщине по имени Жаненн Хэнкинсон. Она позвонила в агентство и сообщила, что владеет важной информацией. Это нечто такое, что никто не может о вас знать.

– Дать ей ваш номер? – поинтересовался агент.

В обед зазвонил телефон. К этому моменту я была вся на нервах. Майк держал меня за руку.

Женщина на другом конце спросила:

– Это Линда?

– Да, – ответила я. – Это моя мама?

Две незнакомки разразились слезами.

Когда ко мне вернулся голос, я сказала:

– Не могу поверить, как быстро ты увидела объявление. Его только разместили.

И услышала в ответ:

– Милая, я искала такое объявление каждый день на протяжении сорока лет.

Казалось, меня уже ничем не удивить, но от рассказанной истории я стала задыхаться.

В семнадцать лет мама уже была замужем, и в том же году она родила меня. Когда ей исполнилось восемнадцать, они с мужем решили развестись. Ей повезло найти работу на полный рабочий день в Омахе и очень приятную супружескую пару, готовую заботиться обо мне. Единственной проблемой было то, что Уитни жили на другом конце города – полтора часа езды туда и обратно. И маме пришлось оставлять меня с Уитни на всю рабочую неделю и забирать на выходные.

Все было в порядке на протяжении года. За мной хорошо ухаживали, и мне нравилась Джоан, четырнадцатилетняя дочь Уитни. Но однажды моей матери позвонила Беатрис. Жутко нервничая, она сказала, что социальные службы узнали об их схеме и, если Уитни и моя мать быстро не подпишут какие-то формальные документы, меня заберут.

Мама поспешила к юристу, и он рассказал ей ту же историю. Она не разбиралась в юридических терминах, но не уставала повторять, что сделает все, чтобы меня не потерять. Она никогда не хотела меня оставлять.

Казалось, критический момент прошел. В следующие выходные был мой второй день рождения, мама накупила подарков и отправилась за мной. Когда она приехала, квартира Уитни оказалась пуста. Они исчезли.

Мама делала все, чтобы найти меня. Юрист отказался разговаривать с ней, а начальник мистера Уитни вообще ничего не знал, кроме того, что тот неожиданно уволился. Внезапно обеспокоенная тем, что, возможно, подписала документы на удочерение, она позвонила в социальные службы. Там ее уведомили, что вся информация по удочерению является конфиденциальной.

У мамы не было денег, чтобы нанять адвоката или частного детектива, но она продолжала делать все возможное сама. Годами она тщательно просматривала телефонные книги по всем США. И каждый день, в поисках, читала газетные объявления. На протяжении сорока лет мама не теряла надежды.

Моей первой реакцией был гнев на Уитни. Неужели они так сильно любили меня, что отняли у матери? Это казалось невыносимым. Затем я подумала о родной маме и той мучительной боли в ее сердце, которую она испытывала десятилетиями. Несколько месяцев моих страданий не шли ни в какое сравнение с тем, что пережила она. А потом меня охватила радость.

Мама любила меня. И хотела!

Должно быть, это какая-то ошибка. Так не бывает, чтобы в свои сорок два ты открыла конверт и обнаружила документ, в котором заявлено о твоём удочерении.

Не описать словами, как быстро мы привязались друг к другу. Мы часами висели на телефоне и не могли наговориться. Мама была замужем, она потеряла сына, и у нее была дочь по имени Деб. А еще они с мужем усыновили мальчика из Вьетнама. Мама окончила колледж в пятьдесят три года. В свою очередь я подробно рассказала ей о своей жизни.

По велению судьбы мы нашли друг друга в эру электронных технологий, и однажды кто-то из телевизионного шоу Фейт Дэниелс увидел в газете Омахо статью о нашем воссоединении и немедленно пригласил нас на съемки. Уверена, это смотрелось здорово на экране: море объятий, море слез.

День благодарения мы отпраздновали вместе с новой семьей у нас в Юте. На Рождество я полетела в Гранд-Айленд, штат Небраска, чтобы провести с мамой две недели.

Я слишком религиозна, чтобы верить в совпадения. Казалось, все было предопределено. У нас было время узнать друг друга и стать родственными душами, прежде чем мама заболела и умерла.

Эти полтора года с мамой стали бесценным подарком. Пусть правда принесла мне боль, я благодарна судьбе, что все так случилось.

И у меня изменился взгляд на объявления в газетах. Там можно найти не только работу или подержанный автомобиль. Порой там можно найти свое сердце.

Линда О'Кэмб

Четыре ангела

Явыглянула из заднего окна машины скорой помощи. Мы покинули больницу и направлялись домой. Я медленно поглаживала тыльную сторону ладони матери, стараясь успокоить и ее, и себя.

Мама тихо дышала. Я смотрела на ее неподвижное иссохшее тело с огромным раздутым животом и вдруг заметила едва уловимое, неточное движение. Затаив дыхание, я смотрела, как она умирает, и меня охватывало оцепенение.

В отчаянии я стала молиться: *Господи, пожалуйста, подожди, пока мы не доедем до дома. Пусть это случится в ее постели, в мире.*

– Ты хотела поговорить о чем-то особенном? – спросила мама надтреснутым голосом.

Ее гортань была настолько надорвана из-за всех этих трубок, что даже самые простые слова звучали невразумительно и искаженно.

Я молчала, разглядывая свои руки, прижатые к коленям.

– Обо всем, мам. Я просто хочу поговорить обо всем.

Обо всем малом и великом, что произойдет в моей жизни, – крутилось у меня в голове. – *Мне нужен твой совет, как воспитывать дочь, твою первую внучку. Она сейчас слишком мала, чтобы помнить тебя, и ей придется обращаться к моей памяти. Давай поговорим о том, как мне жить без тебя – моей единственной безопасной гавани, как мне жить без твоей безусловной любви.*

Я ощущала горечь невысказанных слов на языке, но продолжала молчать. *Чем они могут помочь?*

– Я знаю, – сказала мама.

Этот чужой голос был наполнен невероятной грустью. Казалось, мама прочла мои мысли.

Я пристально посмотрела на нее и поразились тому, как изменились ее глаза. В невероятно голубых, цвета океана глазах моей матери стояли бледно-желтые слезы смерти. Когда это случилось? Прошлой ночью? В считанные минуты, когда я спала? Что может быть хуже, чем потерять все самое ценное и наблюдать за угасанием?

– Опухоль стремительно растет. Ей осталось жить не больше суток, – сказал онколог, пряча глаза. – Смерть может быть очень мучительной, – добавил, глядя нам под ноги.

Была поздняя ночь, мы стояли в коридоре больницы. Рядом мои

сестры, сбоку отец. К груди у меня был прижат блокнот, где я записала все наши вопросы к доктору. Нам казалось, что, если задать правильный вопрос, мы получим обнадеживающий ответ. Но сейчас ни один из вопросов не имел значения. Все они были стерты словом «смерть». И все же отец задал один:

– Переживет она хотя бы поездку домой?

Доктор бросил на отца взгляд. Я уже видела такой ранее, десять месяцев назад, когда был установлен диагноз и мама задала единственный вопрос. В кабинете стало так тихо, что я в буквальном смысле слышала, как разбиваются наши сердца.

– У меня есть хотя бы год? Хороший год? – спросила она, и лицо доктора стало таким же мрачным.

К сожалению, он оказался прав. Не прошло и года, и точно ничего хорошего с момента случившегося не было.

Отца передернуло при виде молчаливого послания на лице доктора. Затем он заговорил, и я словно вернулась на двадцать лет назад, в свое детство. Таким невероятно отчетливым, сильным голосом мог бы говорить Бог.

– Я заказал частную машину скорой помощи. Мы заберем жену завтра утром, как только она проснется. И я ожидаю, чтобы вы будете там и вытащите все эти чертовы трубки, каждую из них, чтобы она поехала домой как полагается – как полагается человеку, которого любят и за которым ухаживают.

– Да, конечно, – просто ответил доктор.

Он явно испытал облегчение. Ему больше ничего не надо было делать, и, более того, от него уже ничего не ждали. Оставалось, как говорится, перенести факел к финишной прямой.

– Мы уже проехали мост, дорогая? – спросила мама, удивляя меня своим тревожным пробуждением.

Я выглянула и увидела знакомые места. Мы снизили скорость, чтобы осторожно проехать через спящий город на восточной стороне Мэриленда. Здесь жили родители, с тех пор как ушли на пенсию несколько лет назад. Соседи вышли из дома, приветствуя нас и провожая взглядом машину скорой помощи.

Они всегда ее поддерживали. Именно так и живет провинциальное сообщество по сей день. В пять часов вечера ей оставляли еще теплую запеканку у порога, ухаживали за ее цветником, когда она проходила курс химиотерапии в больнице, срезали кусты у берега, чтобы она могла видеть воду прямо из постели. Люди – золото.

– Мама, мы почти доехали. Мы на вашей улице.

Машина медленно въехала на подъездную дорожку, и я увидела отца и сестер, стоящих перед входной дверью. На их лицах лежал отпечаток бессонной ночи, и у меня в горле встал ком. Так я и выглядела, все мы, наши лица обнажали преждевременную скорбь.

Как ужасно для нее запомнить нас такими. Как ужасно для нас запомнить ее такой. С ожесточением я бросилась к дверям, и когда они распахнулись, с трудом вылезла и не могла надыхаться воздухом после дождя.

Я едва могу восстановить в памяти первые часы после возвращения мамы. Но ранний вечер запомнился примечательным событием. В какой-то момент прямо на наших глазах она вышла из своей комнаты. Такого не мог предвидеть ни один доктор. На следующее утро ее живот был абсолютно плоским. Она встала и сварила кофе всей семье. Мы просто не верили своим глазам.

– Прошлой ночью со мной было четыре ангела, – объявила она тихим, но уже внятным голосом.

В кабинете стало так тихо, что я в буквальном смысле слышала, как разбиваются наши сердца.

Мы с сестрами улыбнулись. Каждая из нас подумала, что мама приняла за ангелов своих дочерей. Были мы ангелами или нет, но мы по очереди дежурили ночью, следили за ее дыханием с помощью радио-няни.

– Нет, – сказала мама, читая наши мысли. – Четыре ангела пришли ко мне ночью, и каждый держал за конец простыню в нескольких дюймах над моим животом.

За столом она торжественно окинула нас взглядом, не упуская никого. Отец уставился на свои руки, но все остальные не отвели глаз. Мы в это поверили.

– Я должна сохранять веру: у меня еще осталось время. Я знаю, что сказал доктор, но вы должны слушать меня. Я следую ангелам. Займемся важным.

Затем мама дала нам список своих желаний. Купить новую лодку и покататься по заливу со всей семьей. Слетать в Калифорнию за моей дочерью, чтобы еще раз ее увидеть. Организовать небольшую вечеринку дома: приготовить ужин и поблагодарить всех близких друзей. Ничего особенного. Но днем раньше все это было за пределом самых настойчивых наших молитв.

Сестры составили список продуктов для ужина, а я повела маму обратно в спальню.

– Мама, – сказала я, не зная, как начать разговор.

Она поправила свой яркий шелковый шарф на голове и с вызовом посмотрела на меня.

– Дорогая, это не было сном или иллюзией. Это действительно случилось. Они стояли здесь, на том сам месте, где стоишь ты. И ему, – указала она на Дэнни, нашего старого золотистого лабрадора, лежавшего на своем любимом месте, в ногах ее кровати, – пришлось подтолкнуть одного из ангелов. Я видела, как он мягко толкнул его носом, чтобы лечь на свое место.

Мы обе пристально посмотрели на пса. В ответ он одарил меня выразительным взглядом светло-карих глаз и гордо мотнул головой, будто осознавал, что был единственным свидетелем маминых слов.

– Вот видишь, у тебя есть время слетать в Калифорнию и привезти мою внучку. Мне так хочется ее увидеть.

Я уткнулась лицом в шею Дэнни, пытаюсь спрятать потрясение, и продолжала слушать ее планы на короткое, но еще реальное будущее.

Я всегда верила, что, если бы Богу пришлось выбрать всего одно животное, которое попадет в рай, это был бы золотистый лабрадор. Слова матери лишь подтвердили мои мысли.

– Ангелы сказали, что Богом отмерено время, – произнесла она, – но мне позволено выбрать час.

И действительно, так и вышло. Через несколько недель она принимала гостей на своей вечеринке, пусть и в одежде для сна. Она совершила таинство Святого причастия в своей спальне, и священник аккуратно перешагнул через спящего Дэнни, чтобы не пролить священного вина. Ясным днем она недолго покаталась по заливу на новой лодке отца. И еще раз увидела мою дочь и насладилась ее звонким смехом. Так мог смеяться только двухлетний ребенок, еще не осознающий близости смерти.

Было еще много всяких событий, казавшихся нам огромными только в силу того, что они происходили. Каждая из этих мелочей – подарок Бога, через нее для нас. Подарок в ответ на наши молитвы.

Затем, шесть недель спустя, мать выбрала свой час. Она была дома и спала в своей кровати, держа за руку моего отца. Я уверена, Бог был где-то рядом. Еще больше я уверена в том, что рядом были и те особенные друзья, увидеть которых было позволено только моей матери и нашему псу. Еще раз они вернулись, чтобы теперь востребовать ценный дар.

Жаклин А. Горман

Глава 8. Отпуская

*Бежит родник по
течению, и
возвращается родник к
истокам своим.*

*Генри Уодсворт
Лонгфелло*

Победа для мамы

Когда в 1990 году моя пятилетняя карьера бейсболиста в составе команды Сент-Луис Кардиналс подходила к концу, я молил о шансе играть ближе к Нью-Йорку. Моей матери Грейс поставили диагноз – рак груди. Она жила в Лонг-Айленде, и мне хотелось проводить с ней больше времени. Мое желание исполнилось, когда я подписал контракт на сезон 1991 года с командой «Филадельфия Филлис». Клуб находился всего в трех часах езды от ее дома.

На протяжении бейсбольного сезона 1991 года состояние мамы все ухудшалось. Опухоль разрасталась, и я понимал, что ей осталось не так много времени. Мы с невестой поженились раньше запланированной даты, чтобы мама могла увидеть нашу свадьбу.

Я чувствовал, как стучит мое сердце. Казалось, оно вырвется наружу через футболку. Вот это чувство!

В свою очередь моя игра тоже ухудшилась. После матча Всех звезд мне урезали время, и только в нескольких играх мои результаты были впечатляющими. В течение следующих шести недель я восемнадцать раз подряд промахнулся. Это был серьезный спад в игре, и на меня обрушился поток эмоций: от жалости к себе до чувства одиночества.

Плохой период закончился 1 сентября в игре против «Атланта Брэйвз».

Матч состоялся в Филадельфии, в прекрасный воскресный день, и я выступил в роли первого заменяющего в конце десятки. С равным счетом 4 – 4 я отбивал битой мячи одного из сильнейших питчеров лиги, Марка Уолерса. Я хотел сделать все возможное, чтобы добраться до места старта, таким образом одержав победу в игре.

Я захватил две центральные части поля, когда счет достиг одного мяча и одного удара. Затем обогнал соперника еще на две части поля на фастболе, где мячи отлетали со скоростью 95 миль в час. После двух несерьезных проколов я, наконец, почувствовал, как в крови бурлит адреналин.

При счете два мяча и два удара я был готов к самому жесткому броску противника и серьезно настроен не упустить мяч. Этот мяч вылетел из внутреннего угла поля и отскочил от моей биты с треском, какой можно услышать только в грозу. Такой звук бывает только у суперзвезд, настоящих игроков-победителей.

Левый принимающий Дэвид Джастис вернулся к стене и наблюдал, как мяч летит через ограждение и приносит победу в игре. Окруженный толпой товарищей по команде, я чувствовал, как стучит мое сердце. Казалось, оно вырвется наружу через футболку. Вот это чувство!

Две недели спустя я приехал к маме, предвкушая, как покажу ей видеозапись победоносной игры. Но когда я зашел в ее комнату, меня охватил шок. Моя дорогая мама была очень слаба. Я понимал, что, возможно, это мой последний визит к ней.

Мы вместе смотрели запись, и я предвкушал момент, когда начнет говорить комментатор Харри Калас. И вот он объявил, что прошло шесть долгих недель с момента моего последнего попадания в цель. Мы с мамой держались за руки и слушали. «Джон Моррис боролся на протяжении половины сезона, и такого не должно было случиться с отличным парнем». Я чувствовал, как у нас двоих накатываются слезы, когда комментатор показал мой удар в замедленном воспроизведении.

В момент, когда питчер замахнулся, Калас произнес самые сладкие слова, какие мама когда-либо слышала. «Мама Джона уже давно прикована к постели, – мяч соприкоснулся с битой, – и этот удар, возможно, был для нее».

Мы растаяли в эмоциях. Мама обняла меня так крепко, как могла, прошептав:

– Я люблю тебя, сын, и очень горжусь тобой. Я буду так сильно скучать по тебе.

Сезон заканчивался в последние выходные сентября. Накануне мне позвонили и сказали, что мама не переживет этих выходных. В воскресенье был записан выход из сезона, а в понедельник утром мама ушла из жизни, и я находился рядом с ней. Мама как будто знала, что сезон закрыт и теперь можно уйти.

Джон Моррис

Память в помощь

*Когда один навек
уйдет,
И одиночество
придет
К другому, память
нам поможет
И все моменты
воскресит,
Все дни для нас
соединит
И целый мир у ног
положит.*

Слова этой песни крутились в моей голове, словно заезженная пластинка. Я встала со стула и подошла к окну. Близился рассвет, свет проливался отовсюду. Начинался новый день. Вокруг меня пробуждалась жизнь, но в этой комнате жизнь утекала.

За исключением слабого плачущего звука аппарата искусственного дыхания, в палате было тихо. Я подошла к кровати и поправила одеяло, покрывающее худенькое, хрупкое тело. Пригладила седые волосы, когда-то собранные в аккуратный пучок. Я видела, как жизнь уходила из нее, но не могла противостоять этому.

Я услышала, как кто-то зашел в палату. День сменил ночь, и дневные медсестры приехали на работу. Все наполнилось светом, и солнце заиграло за окном. Мы пережили эту ночь. Но что принесет нам день?

Я не отводила глаз от человека, самого важного в моей жизни. Как много всего мне хотелось сказать ей, всего того, что я никогда не говорила, а принимала как должное. Каким-то образом она всегда это знала. Но прямо сейчас мне хотелось быть уверенной в этом.

Я находилась в замешательстве. Как так случилось? Когда-то она ухаживала за мной, а теперь я приняла на себя заботу. Это произошло незаметно. Эта женщина, рано овдовев, одна воспитала троих детей. Эта женщина учила меня быть сильной, готовой на любые свершения. Она разделяла мою радость и печаль. У нее был железный характер. И она всегда меня поддерживала. Теперь мой черед поддержать ее.

Слезы наполнили мои глаза, когда я посмотрела на ее руки. Она

открыла глаза и улыбнулась. О Боже, ее глаза. Я видела этот взгляд у своих детей, и он говорил: «Мне страшно. Не позволяй меня обижать».

Комок застрял у меня в горле. Я была на грани нервного срыва, но знала, что надо быть сильной.

Она закрыла глаза и уснула, а я прошла к стулу и села. Мне нужно было успокоиться. Я настолько сфокусировалась на себе, что пропустила момент, когда ее дыхание изменилось. Оно замедлилось и стало тихим. Я побежала за медсестрой, только для подтверждения того, что уже знала.

«Я люблю тебя, мама». Я уверена, она знала.

Я стояла у кровати и держала руку, которая когда-то держала мою. Ее дыхания почти не было слышно. Я крепко держала ее, не готовая отпустить.

Медленно моя мама открыла глаза. Она посмотрела на меня с улыбкой и прошептала: «Я люблю тебя». С этими словами она перестала дышать.

Некоторое время я стояла, не в состоянии сделать движение. Пришло одиночество. Слезы катились по моему лицу, мне нужны были ее объятия, ее помощь в трудные моменты.

«Она просто спит», – сказала я себе. Красивое лицо, всегда скрывавшее боль, сейчас было умиротворенным.

Все кончилось. Больше я не могла ничего сделать. Когда я покинула палату и пошла по коридору, жизнь продолжалась, как обычно. И снова те же самые слова песни зазвучали у меня в голове.

*...память нам поможет
И все моменты воскресит,
Все дни для нас соединит
И целый мир у ног положит.*

«Я люблю тебя, мама».
Я уверена, она знала.

Виктория А. Лапикас

YOU AND ME AGAINST THE WORLD в исполнении Пола Уильямса и Кена Арчера. ©1974 Almo Music Corp. (ASCAP). Все права защищены. Печатается с разрешения WARNER BROS. PUBLICATIONS U.S. INC.,

Miami, FL 33014.

Праздник моей мамы

*Перестав
смотреть на мать
глазами ребенка, я
увидела женщину,
которая помогла мне
стать собой.*

Нэнси Фрайдей

Почти пять лет назад на праздновании своего 80-летия моя мать, находившаяся в полном здравии и выглядевшая великолепно, закрыла глаза и умерла в моей гостиной комнате.

На протяжении года я не могла найти этому разумного объяснения, войти в ритм жизни и заполнить пустоту, образовавшуюся после ее смерти.

Мама была мне дороже жизни, гораздо дороже, чем мамы для других. Эта женщина из окна автомобиля читала лекции о вреде курения кучке подростков, пойманных за вредной привычкой. Она заставляла нас за просмотром музыкальной телепередачи American Bandstand и, фыркнув, спрашивала о танцорах на экране: «Почему эти дети не играют на улице?!»

У нее был вспыльчивый характер, и она была забавной. Она была наделена смелостью и честностью, но больше всего в ней было милосердия. На протяжении тридцати лет она с моей тетей Грейс управляла летним лагерем для девочек. Они получали невероятное удовольствие, наблюдая, как молодежь обретает уверенность в себе и счастье.

Мама поздно вышла замуж и испытала всю боль, когда очень скоро семейная жизнь сошла на нет. Несмотря на это, она вырастила двух девочек в радости, не оглядываясь назад. С мамой мы были в безопасности, от нее исходила любовь к нам.

– Будьте осторожными с вашими молитвами, – однажды сказала она нам. – Я молилась за детей всю свою жизнь. – Мама сделала паузу, чтобы дать понять, что имеет в виду. – Я никогда не молилась за мужчину. – В ее глазах промелькнул блеск.

За месяц до того как маме исполнилось восемьдесят, моя сестра Нэн, я и наши мужья обсуждали план празднования ее дня рождения.

– Вместо того чтобы отмечать его в октябре, – предложил один из

нас, – почему бы не сделать это в декабре, когда вся семья соберется в Новой Англии? Как насчет 20 декабря?

За восемь недель до торжества я разослала приглашения. Внутри каждого из них была детская фотография нашей мамы с подписью: «Как же эта милая, прилежная и тихая малышка изменилась?» На оборотной стороне была свежая фотография мамы с широкой улыбкой. «Чтобы лично увидеть это, – было написано под ней, – приходите на торжество по случаю ее 80-летия».

На настоящий день рождения 26 октября сестра прислала маме кольцо нашей бабушки с камнями, соответствующими месяцам рождения каждого из ее четверых внуков. Мама была в восторге. Я подарила ей часы с большим циферблатом и пиджак со стоячим воротником, сшитый в Китае. Он прекрасно подошел бы ей, но она сразу же отложила его.

– Я надену его на наш праздник в декабре, – торжественно заявила мама.

Прошел октябрь и ноябрь, приближалась дата празднования. Нэн с семьей прилетела к нам из Флориды. Торжество мы собирались отмечать в моем доме, и в утро праздничного дня все рано встали. Мы болтали и смеялись, начищая серебряные приборы, доставали фужеры и делали пунш. За ночь выпал снег, добавив ноту волшебства.

Еще до двух часов дня Нэн позвонила маме и предупредила, что я отправилась за ней.

– Я словно невеста, – сказала мама Нэн по телефону.

Она так и выглядела, невеста, одетая в китайский пиджак со стоячим воротником. Ее лицо сияло.

Когда она вошла в мою гостиную, все повернулись и стали аплодировать.

– Ох, что тут сказать... – воскликнула она, кланяясь.

Было видно, как она смутилась и расчувствовалась.

Пришло время резать торт и делать торжественные поздравления в этой матриархальной семье. Мы собрались в гостиной. Во время тоста я зачитала два документа, которые мы с мамой вынули из глубин ее письменного стола. Они были написаны ее отцом, нашим дедушкой, умершим тридцать лет назад.

Один из документов с несколькими маленькими конвертами, вложенными в кожаный кисет, был подписан его аккуратным и отчетливым почерком: «Счет Кэролайн по годам». В каждом из конвертов лежали 5 долларов, которыми отмечались важные этапы жизни мамы (первые «за умение ползать и ходить, кушать с ложки», вторые «за начало учебы в

школе» и так далее).

Другим было письмо, написанное по случаю ее 20-летия, когда она была студенткой колледжа. «Как славно должно быть в двадцать лет, – писал он. – В этом возрасте, благодаря Богу, я был преисполнен надежд и отваги, которые меня никогда не покидали. У меня было отличное здоровье, и я не боялся сравнивать себя с другими. Но я и не мечтать не мог, что когда-нибудь стану отцом такой замечательной дочери, как ты...»

Пока я зачитывала это все, слезы покатались по лицу матери. Я закончила тост, и мы подняли фужеры.

Мама повернулась к сестре и сказала:

– О Боже. Ты почувствовала это? Словно *он был здесь с нами*.

Возможно, он и был, так как двадцать минут спустя мама покинула нас, чтобы воссоединиться с ним. Она сидела в гостиной, в своем любимом кресле с подголовником, общалась со всеми и держала блюдо с выпечкой на коленях. Затем мама закрыла глаза, и ее не стало – так легко и изящно.

Мама была мне дороже жизни, гораздо дороже, чем мамы для других.

В последующий год во мне развились страх и нервозность. Я стала представлять, как все любимые люди умирают на моих глазах. Я забывала о назначенных встречах, разбила машину. Чувство скорби было долгим и всепоглощающим. В дождливый апрельский день, в силу своей недалекости, я в первый раз привезла своих троих детей на ее могилу.

Могила была неухоженной и осела почти на 8 дюймов. Мы сидели под дождем на основании большого надгробного камня и плакали. Затем мы заехали в торговый центр, чтобы немного отвлечься. Там стоял колодец для загадывания желаний, и мы кинули в него несколько монет.

– Я пожелала, чтобы бабушка была счастлива там, где она сейчас находится, – сказала моя третьеклассница-дочь.

– Я знаю, что бабушка счастлива, и поэтому загадала, чтобы и мы были счастливы, – сказала ее сестра, учащаяся в шестом классе.

– Я просто кинул монету в темноту, – жалостно промолвил их трехлетний брат.

Время шло, и излечило всех нас. Я вспомнила все важные разговоры с мамой за несколько месяцев до ее смерти. Однажды вечером, за пару недель до ее праздника, мы общались по телефону, просто так, без всякой цели. Мы всегда так делали. Вдруг ее тон изменился.

– Ты так добра и милосердна, Терри. Ты даришь столько света людям. У вас с сестрой есть этот дар: стремление к жизни...

Тут я ее остановила:

– Мама! Это ты не меня описываешь, а себя.

Возможно, той прошлой осенью она старалась передать нам все самое важное, в последний раз отметить все ценности, по которым жила. Или это было чем-то более загадочным. Я не знаю. И не узнаю никогда. И хотя пустота после ее смерти осталась до сих, я чувствую, что земля уже не уходит у меня из-под ног.

Со временем я стала принимать, что закрытие ее «Счета с годами» было не злой шуткой, а чем-то иным – началом и празднованием всей ее жизни в окружении любящих людей.

С того момента я каждый день ношу ее часы с большим циферблатом. И всегда рассказываю ее истории.

– Знаешь, ты очень напоминаешь свою мать, – все чаще и чаще слышу я от людей.

Куда уходят умершие, самые близкие и родные люди? – спрашиваем мы себя. Конечно, мы не знаем. Но я чувствую, что моя мать где-то очень близко. Внутри или вокруг. В до боли знакомом блеске глаз одного из моих детей. И в зеркале тоже.

Терри Маротта

Ребенок без матери

Только с
появлением первого
ребенка я поняла, как
сильно меня любила
мама.

*Из книги Дебби Хансен
и Пегги Шаффер*

*For Mother – A Bouquet
of Sentiments*

Смерть моей матери была быстрой и жестокой. Вечером пятницы у нее обнаружили кишечный вирус, в понедельник ее не стало. Не было даже времени попрощаться. Я не готова была ее потерять. Но как объяснить смерть матери двухлетнему ребенку? Я спросила отца, какой была моя реакция.

– Ты была слишком мала и легко отвлекалась, – сказал он.

Его краткий ответ означал, что он не собирается обсуждать со мной смерть моей матери.

Практически у всех героев из моих детских книг не было матери: у Золушки, Дамбо, Бэмби и Белоснежки. Маленькая Энни была сиротой. Дороти растила тетушка Эм. Лишение матери – излюбленный прием писателей, позволяющий им раскрыть своего героя и вызвать к нему больше симпатии.

И я действительно любила персонажей детских книг, не только потому, что они были брошены и беззащитны, но и потому, что у нас было что-то общее.

Все, с кем сводила меня жизнь, искали следы печали на моем лице, уверенные, что иначе и быть не могло. Все желали узнать, как я научилась справляться с утратой и кто вел меня за руку по жизненному пути, ведь не могла я сделать это в одиночку. Правда заключалась в том, что я никогда не была одна, и я не была героем из моих сказок. Благодаря бабушке, тетям, сестрам и отцу меня всегда ждал ужин на столе. Мне заплетали волосы. Мне читали. Меня научили носить бюстгальтер. И кто-то рассказал мне о назначении того, что продается в загадочных автоматах в женских уборных.

Я не помню, чтобы меня недостаточно любили или обнимали, когда я была ребенком. В конце концов, дети зациклены на себе, слишком сфокусированы на неотложных потребностях, чтобы отвлекаться на что-то нереальное.

Мой ребенок научил меня тому, чему не смогла научить жизнь.

Уже в школьном возрасте я стала пользоваться преимуществами своего положения, научившись у рассказчиков моих детских сказок. Это делало меня особенной и важной. Учителя, узнав о моей грустной истории, относились ко мне иначе, чем к другим девочкам. Я могла быть жестокой с отцом, когда он опаздывал в школу. «Если бы мама была жива, – ныла я, – она приехала бы вовремя». В подростковый период, полный соперничества, мои друзья жаловались на своих матерей, и я всегда одерживала верх. «Ну, по крайней мере, у тебя есть мать».

Повзрослев, я приняла отсутствие матери в моей жизни как факт, и это не было чем-то необычным или сложным. Но удивительно, что после появления сына я все чаще стала думать о матери, и не потому что она могла бы помочь мне заботиться о нем. С Джейкобом пришло понимание того, что дает мать своему ребенку и что такое мать.

Больше и больше узнавая Джейкоба, я чувствовала к нему нечто такое, чего раньше не знала. Я и понятия не имела, что можно так любить друг друга. Я научилась всему у него – всему, что упустила, чего мне так хотелось, но я не могла выразить словами.

Особенно пристально я наблюдала за сыном, когда ему исполнилось два года и пять дней – тот самый возраст, когда умерла моя мать. Я хотела понять, как ее смерть повлияла на меня, пыталась вспомнить, каково это малышу, когда его лишают матери. Но память была пуста. Эксперты называют это предречевой памятью – мысли и чувства, не поддающиеся описанию в силу того, что они появились до речи. И я не могла вернуться назад. Вместо этого я сфокусировалась на Джейкобе, на своих материнских ощущениях по отношению к ребенку, а не наоборот. Я смотрела на крошечные пухлые пальчики, уместающиеся у меня на ладони, и чувствовала, что мама так же держала мои руки. У нас появилось «секретное рукопожатие»: три легких сжатия с шепотком: «Я люблю тебя». Когда-то так делала бабушка. Возможно, прежде она проделывала это и с моей мамой. Я думала о том, как успокаиваю Джейкоба, когда он плачет, как он смеется, когда я чмокаю его губами в живот. Все, что я с ним делала,

она, несомненно, делала со мной.

В первый раз я подумала о маме как о женщине, которая бесконечно любила меня, как я любила Джейкоба. И я зарыдала. До глубины души, очищая себя. Это был плач по женщине, которую забрали у ребенка. Плач по ее маленькой девочке. Мне хотелось обнять эту малышку и сказать, как я сожалею о ее потере. Хотелось защитить ее от житейских невзгод. Хотелось, чтобы она знала, как безгранична и сильна любовь ее матери. На меня обрушились все те чувства, которые я отрицала всю жизнь. И та пустота, которую я пыталась заполнить работой, любовниками и рискованными увлечениями, стала заполняться. Я знаю, эта рана никогда не затянется до конца.

И теперь, читая Джейкобу истории на ночь или просматривая с ним фильмы, я глубоко сопереживаю героям, которым суждено пройти свой путь в одиночку. Инопланетянин, которого забрали с корабля матери; Файвел, который держал путь на Запад без своих родителей; малыш динозавр, который так рано потерял мать, в мультфильме «*Земля до начала времен*»; Русалочка, у которой был только папа; Красавица, которой пришлось столкнуться с Чудовищем, без шанса на материнский совет. Также я поняла весь душераздирающий смысл фразы «ребенок без матери». Мой ребенок научил меня тому, чему не смогла научить жизнь.

Джейн Кирби

Робин

*Ты ушла от нас так
скоро в мир иной,
Я скорблю, но ты по-
прежнему со мной,
Полна жизни и улыбок,
и позволь
Мне сказать, что
затмевают они боль,
В нашем мире, в этом
мире ты со мной.*

*От друга семьи Буш
после смерти Робин*

Нашему сыну Джебу было всего несколько недель от роду, когда однажды утром наша дочь Робин проснулась и сказала:

– Мне хочется сегодня поваляться в кровати.

Для трехлетнего ребенка это было не совсем нормально, и я подумала, что у нее «весенняя лихорадка», как эту болезнь называла моя мать. Я отвела Робин к нашему замечательному педиатру, доктору Дороти Уайвэлл. Она осмотрела Робин, взяла анализ крови и сказала, что позвонит мне, когда придут результаты. Дороти посоветовала мне прийти в больницу с мужем, Джорджем Бушем, но без Робин.

Ее слова прозвучали зловеще, но я не слишком волновалась. Да, действительно, у Робин не было ни на что сил, но это не казалось чем-то очень серьезным.

Доктор Уайвэлл позвонила, и уже ближе к вечеру мы с Джорджем встретились в ее кабинете. Дороти не тянула с ответом: у Робин была лейкемия. Никто из нас не слышал о такой болезни, и Джордж хотел узнать о нашем следующем шаге: как нам вылечить ее?

Доктор Уайвэлл рассказала немного о красных и белых кровяных тельцах и очень тактично объяснила, что лейкемия неизлечима. Она советовала не рассказывать об этом никому, вернуться домой и забыть, что Робин больна, заботиться о ней как можно лучше, любить и позволить ей тихо уйти. Дороти сказала, что это может произойти очень быстро, в

течение нескольких недель. Джордж поинтересовался, не стоит ли поговорить с его дядей, доктором Джоном Уолкером, работающим в Мемориальном раковом центре Слоун-Кеттеринг в Нью-Йорке. Доктор Уайвэлл сразу дала согласие. Дядя Джон считал, что у Робин есть маленький шанс и что мы должны стараться продлить ей жизнь, если лечение даст результаты.

Мы самые счастливые люди в мире, и все, что имеет значение, – это вера, семья и друзья.

На следующий день мы с Джорджем полетели в Нью-Йорк и положили Робин на лечение в Мемориальный раковый центр Слоун-Кеттеринг. Так начался ни с чем несравнимый опыт, и странным образом мы узнали, как нам повезло. Мы встречали людей только с одним ребенком. У нас было трое детей. Мы встречали людей, не любивших друг друга. Мы же не чаяли друг в друге души. Нас поддерживала вся семья, и друзья оказывали помощь.

И последнее, но не менее важное, – мы верили в Бога. Вера сильно влияла на нашу жизнь, тогда и сейчас.

Робин держалась великолепно. Она никогда не спрашивала, почему это происходит с ней. Она принимала доблестно каждый день. Она оставалась милой и любящей, не задавала вопросов и не проявляла эгоизма.

Я решила оградить Робин от слез и попросила всех, кому не терпелось поплакать, выходить из палаты. Я не хотела пугать нашу маленькую девочку. Бедному Джорджу было хуже всего: он едва мог вынести процедуру переливания крови.

Джордж постоянно говорил, что ему нужно в уборную. И мы смеялись, представляя, что подумает Робин – возможно, у ее папы самый слабый мочевой пузырь в мире. На самом деле нет. У него просто самое доброе сердце.

По стечению обстоятельств лекарства, контролирующие лейкемию, привели к ужасным последствиям, и наша малышка впала в кому. Ее смерть была мирной. Она только была здесь, и следующую минуту ее уже не стало. Я отчетливо чувствовала, как душа покидает ее крошечное тельце. В последний раз я причесала ей волосы, и в последний раз мы держали за руку нашу бесценную маленькую девочку. Никогда в жизни я не чувствовала присутствие Бога так сильно, как в тот момент.

В 1992 году после смерти матери Джорджа мне передали конверт, на котором значилось его имя. В нем было письмо, которое Джордж написал

своей матери несколько лет спустя после смерти Робин и которое она хранила все эти годы.

Дорогая мама,

Я набросал несколько слов на очень близкую нашим сердцам тему. Прошлой ночью я гулял и по пути домой сказал самому себе: «Ты мог бы зайти на кладбище в Гринвиче сегодня». Эта мысль явилась как гром среди ясного неба, но я не ощущал ничего похожего на равнодушие. Мне кажется, Робин – часть, живая часть нашей крепкой, дружной, замечательной семьи.

Мы с Барбарой гадаем, сколько это будет продолжаться. Мы надеемся, что также будем чувствовать истинную близость, когда нам будет восемьдесят три и восемьдесят два. Какой бы радостью это было – иметь в таком возрасте дочь, которой только три с половиной... она не растет. Сейчас ей было бы столько же, сколько Нилу, а скоро – как Марвину. Там, наверху, она совсем одна, но она остается с нами и приносит радость в нашу жизнь.

Иногда я задумываюсь, честно ли это по отношению к мальчикам и нашим друзьям, что я так превозношу портрет Робин. Каждый раз, сидя за столом при свете свечей, я не могу устоять, чтобы не взглянуть на фотографию, что ты нам дала. Я физически чувствую близость нашей любимой дочери.

Это письмо словно исповедь между мной и тобой, матерью и ее мальчиком, не таким уж маленьким сейчас, но таким же близким. Просто когда мы вырастем, нам сложно говорить от всего сердца.

Нашему дому чего-то не хватает. Он захвачен бесконечной беготней, неугомонностью четырех мальчишек, познающих мир вокруг. Их крепкие спины, руки, ноги... Всему этому нужен баланс. Нам нужны опрятные платья наряду с разорванными на коленях джинсами и шлемами. Нам нужна мягкость светлых волос наряду с одинаковыми короткими стрижками. Нам нужен домик для куклы, стоящий рядом с крепостями, ракетами и тысячей бейсбольных карт.

Нам нужна звезда вне конкуренции, в то время как мальчики борются за титул «чемпиона семьи». Нам просто нужен кто-то, кто будет напевать детскую песенку *Alouette*, пока на улице мальчишки пытаются поймать ускользающий мяч, который порой залетает на крышу, но по обыкновению попадает в окна.

Нам нужен истинный Рождественский ангел, без брючных отворотов под платьем.

Нам нужен тот, кто боится лягушек.

Нам нужны слезы, когда я впадаю в гнев, а не споры.

Нам нужен малыш, который после поцелуя не оставит яйцо, размазанное варенье или жевательную резинку на щеке.

Нам нужна девочка.

И однажды она была у нас – она дралась, плакала, играла, как все остальные. Но в ней была особая нежность.

Она была терпелива, ее объятия – спокойными.

Так же как и они, она забиралась в мою кровать ночью и всегда помещалась.

Она никогда не топала, не гремела и не будила меня, не кривлялась, не сморщивала нос и не выпучивала озорные глаза в четверти дюйма от моего лица.

Вместо этого она стояла у кровати, пока я не чувствовал ее присутствия. Очень тихо, осторожно она пробиралась ко мне, прижималась своими драгоценными, благоухающими локонами к моей груди и засыпала.

Ее покой давал мне чувство силы и важности.

Ее обращение «мой папочка» было чем-то особенным, оно затрагивало гораздо глубже, чем слова «привет, пап», которые я тоже очень люблю.

Но она все равно с нами. Нам нужна она, и она у нас есть. Мы не можем к ней прикоснуться, но мы ее чувствуем.

Мы надеемся, что она останется в нашем доме навсегда.

С любовью,

твой сын

Благодаря Робин мы с Джорджем стали больше любить и ценить всех вокруг. Она живет в наших сердцах. Я больше не плачу по ней. Она остается частью нашей жизни.

Мы самые счастливые люди в мире, и все, что имеет значение, – это вера, семья и друзья. И мы знаем, что безмерно благословлены всем этим.

Барбара Буш

Джон

Мы встретились в апреле,
Мой крошка-сын и я –
Счастливая семья.
И годы полетели...
Миг – и автобус желтый,
И ранец за спиной.
Миг – и уже он взрослый
В джинсовке голубой.
Спорт, первые награды,
Девчонки и успех,
И я была так рада,
Горда: он лучше всех.
И вновь апрель: сынок мой
Уходит на войну,
Уносит мое сердце
В далекую страну.
Ушел он за победой,
А к нам пришла беда,
И сына не увидеть
Мне больше никогда.
И я шепчу: «О Боже,
Я не ропщу за кровь.
Молю, оставь мне память,
Молю, оставь любовь».

Мюриэль Кокран

Посвящается капитану Канди и женщинам-пилотам

Это был один из самых пронзительных моментов моей жизни. Я с ребенком на руках находилась в маленькой типографии под названием «Сэндпайпер» на острове Бальбоа, когда стала невольным свидетелем разговора двух женщин. Они помогали клиентке делать копии статьи, и были слышны их восклицания, повторявшиеся вновь и вновь:

– Посмотри на ее фотографию. Она такая красавица!

Мне пришлось сделать несколько кругов, чтобы увидеть то, на что они смотрели.

Имя клиентки было Мэрилин, и статья, которую она принесла, была посвящена первым американским женщинам-пилотам, выполнявшим задания во время Второй мировой войны. Девушка на фотографии выглядела как настоящая кинозвезда.

– Я в шоке, – сказала я Мэрилин. – Мой отец всю жизнь прослужил в авиации, но никогда не упоминал женщин-пилотов. Она до сих пор жива?

– Нет. Она погибла в 1944 году, когда ее бомбардировщик В-25 был сбит. Ей было всего девятнадцать.

Слезы наполнили глаза Мэрилин, когда она рассказывала эту историю.

Я прекрасно понимала ее чувства. В моей семье никого не потеряли в авиакатастрофе, но работа отца заключалась в консультировании семей, у которых кто-то погиб при крушении пассажирских самолетов.

Всю свою сознательную жизнь мы были прикованы к телевизору, когда объявляли о крушении самолета, и молились, чтобы среди жертв не оказалось никого из наших знакомых.

Мэрилин продолжила разговор о статье:

– На похоронах той девушки в 1944 году читали «Полет к небесам». Это стихотворение посвящено всем женщинам-пилотам. Его зачитывают также у их памятников.

Мы были глубоко тронуты и совершенно не подготовлены к тому, что последовало далее.

– Это стихотворение читали на похоронах моей дочери.

Они не стали «звездами», они прикоснулись к настоящим звездам.

Мы молча ждали, когда Мэрилин продолжит свой рассказ. Ее дочь капитан Кандалин Кубек – а для Мэрилин капитан Канди – была пилотом авиакомпании ValuJet, и ее самолет разбился в Эверглейдсе, штат Флорида. Она начала летать в шестнадцать и, несмотря на все уговоры матери бросить это дело, не послушала ее. Ей нравилось летать, подниматься ввысь, в небо, чувствовать свободу полета. В какой-то момент Мэрилин оставила свои уговоры и стала поддерживать пылкое увлечение юной дочери.

Слезы застлали мне глаза, а в памяти ожили воспоминания о катастрофе ValuJet. Я представила, через что пришлось пройти Мэрилин. В новостях сказали, что пилоты и все пассажиры мертвы. Десятки объявлений о катастрофе, недели показов по телевизионным каналам. Сначала ее дочь обвиняли в катастрофе, но последующее расследование доказало, что капитан Канди и все члены экипажа не совершили ошибки, приведшей к крушению. Затем мои мысли снова вернулись к Мэрилин, смелой и мужественной женщине, позволившей дочери исполнить свою мечту и летать. Что я могла ей сказать?

С ребенком на руках я могла только произнести слова, напечатанные в статье, которую Мэрилин держала в своих трясущихся пальцах.

Полет к небесам

*Она не в списке неживых,
А только рвется выше,
Не нужно ей границ земных,
Помех, что не возвысят.
Не надо больше топливо менять,
А кислород? Не нужен тоже,
И двигатель пора уж снять.
Спасибо Господу за те высоты,
Каких еще не видела она,
Она встречается с кометой,
И радуги дуга ей вся видна.
Она, по сути, часть Вселенной,
Она – отвага и любовь,
Свобода, сладость чувств глубоких
Масштабов Божьих столь далеких.
Судьба пилота ей знакома,
Но нет ни капли страха,*

*Болит душа ее по дому,
Где скорбь живет нежданного размаха.
Но, милые, родные, эти слезы гоните,
Сделайте все, но смелость найдите.
Ведь так хочет она,
Чтобы верили вы: она жива
И так высоко,
Как в жизни не была никогда!*

Это было прощание с капитаном Канди и всеми женщинами-пилотами, погибшими в небе.

И это была благодарность всем матерям, позволившим им летать. Они не стали «звездами», они прикоснулись к настоящим звездам.

Дайана Л. Чапман

*Автор стихотворения Celestial
Flight –*

Элизабет Маккетан Маджид

Глава 9. Любовь бабушки

*Когда ваш ребенок
опрятен и идеален,
никогда не плачет и не
шалит, ложится
вовремя спать, и
отрыжка у него только
по нужде, и он все
время просто ангел – вы
настоящая бабушка.*

Тереза Блумингдейл

Что такое бабушка?

Бабушка – это леди без собственных детей. Ей нравятся мальчишки и девчонки других людей. Дедушка – это словно бабушка мужского пола. Он гуляет с мальчишками, разговаривает с ними о рыбалке и о других интересных вещах.

Бабушкам ничего не надо делать, кроме того, чтобы всегда быть готовыми помочь с детьми. Их возраст слишком велик для подвижных игр и бега. Достаточно того, что они отвезут нас в супермаркет, где стоит игрушечная лошадь, и дадут достаточно монет. Когда они берут нас на прогулку, им следует притормозить у таких вещей, как красивые листья или гусеницы. Им никогда не нужно говорить «поспешим».

Обычно бабушки полные, но не настолько, чтобы не суметь завязать нам шнурки. Они носят очки и смешное нижнее белье и иногда вынимают вставные челюсти.

Бабушкам обязательно быть умными. Они знают, «почему Бог не женат?» и «почему собаки бегают за кошками?».

Бабушки не имитируют детскую речь, как это делают гости. Читая нам, бабушки не пропускают страницы, и они не против вновь и вновь читать одну и ту же историю.

У всех должна быть бабушка, особенно если нет телевизора. Они единственные взрослые, у которых есть время.

Автор неизвестен

Я рождена для этой работы

*Если бы я знала,
сколько радости
приносят внуки, я бы
завела их в первую
очередь.*

Автор неизвестен

Как новоиспеченная бабушка, я с нетерпением ждала вопроса: «Мама, можно у тебя оставить ребенка на пару дней?» Мой ответ? «Я готова! Как скоро вы доберетесь сюда?»

Я убрала из своего календаря посещение бридж-клуба и теннисные матчи. Колыбель была установлена в гостиной, и все друзья были предупреждены, что мой дом будет открыт для дебюта нашей маленькой принцессы. Этот ангелочек будет полностью моим на два с половиной дня. А как же дивиденды?

А как же ответственность? Инстинкт подсказывал мне, что уход за внучкой будет совершенно иным «мытьем подгузников». (Неандертальцы использовали ведро, куда складывали грязные подгузники в стирку. Да, они стирали их.). Я действительно очень переживала, что, если не справлюсь с уходом за ребенком, мне больше не предоставят такой возможности.

Новоиспеченные родители приехали с двухнедельным запасом одежды, подгузниками, способными впитать всю Миссисипи, целым зоопарком из игрушек животных, коляской, сиденьем для машины, подробным описанием передвижений по часам на следующие два дня, номером телефона педиатра (за 60 миль отсюда) и инструкцией на шесть страниц. Собаку колли они оставили дома.

Инструкция включала кормление/сон в период с 6.30 утра до 19.30 вечера. Складывалось ощущение, что малышка читала это. Она точно следовала инструкции, несмотря на пометку «время примерное». Это дитя прожило только четыре месяца, и уже четверо взрослых были готовы делать ставки на нее, называя это расписанием. Отдельные замечания моего сына были классическими приказами «отца первенца».

Какой прекрасный опыт – наслаждаться своей первой внучкой!

«И вот еще что, мама, пусть она иногда плачет». (Какого садиста я воспитала?!)

«Тебе необязательно брать ее на руки, как только она проснется». (Я ждала четыре месяца, чтобы брать этого ребенка на руки, когда захочу!)

«Все дело в дисциплине, и она должна быть с раннего возраста». (Это я слышу от мальчика, которому в пятнадцать лет нужно было предоставить сорок пять логичных причин не ехать автостопом триста миль на баскетбольные соревнования старшей школы.)

В первый день я проснулась в 5.30 утра. Мне пришлось сидеть и смотреть, как она дышит, до 6.45. Дедушка ушел на работу и не мог следить за ее дыханием. По своим причинам он не видел в этом большой потери.

Моя красавица внучка и я прекрасно провели день. Я одела ее в самую лучшую одежду, мы танцевали в гостиной и катались на коляске вверх-вниз по кварталу. Она мило реагировала на всех потенциальных бабушек, которые приходили к нам домой, затем спала большую часть дня, без сомнения, устав быть такой очаровательной.

Она продолжала следовать расписанию. Какой замечательный ребенок!

Какой прекрасный опыт – наслаждаться своей первой внучкой! Взяв ее на руки, я вновь и вновь любовалась ее глазами, доставшимися ей от отца. Они блестели и мерцали при каждом «беззубом» смехе. Я ласково водила носом по ее мягким щечкам и вдыхала сладкий аромат, исходивший от нее. Этот аромат я уже давно забыла и очень скучала по нему. Внучка привнесла новое измерение в жизнь, которое невозможно оценить или объяснить. И все оплошности ее отца, от коликов в животе до битья семейной машины, были прощены.

На вторую ночь ребенок решил проверить, как быстро я добегу до ее колыбели, когда она меня позовет. И каждый раз бабушка падала на пол. Ребенок проснулся в час ночи, голодный. Я покормила ее. Она отозвалась в 2.30, ей захотелось улыбаться и играть. В 4.00 она начала жевать кулачок. Я покормила ее. В 5.00 то, чем я ее накормила, вырвалось обратно, залив всю колыбель. Мы обе проспали ее кормление в 6.30. И я не думаю, что она его пропустила.

Она оставалась счастливой и довольной на протяжении всех двух дней, наслаждаясь статусом «звезды» за пять минут до того, как ее родители вошли в дом. В этот момент она принялась кричать без какой-либо объяснимой причины, разве что забыла о расписании. Ее родители увидели меня: волосы во все стороны, рубашка навывпуск. Я ходила туда-

сюда и тихо подпевала. Ее мать забрала у меня драгоценную малютку. Немедленно крик прекратился. Я так и не смогла убедить их, что ребенок не кричал все эти два дня.

Однако я все-таки прошла первый тест по присмотру за ребенком, и они вновь оставили ее у меня. И вновь. И снова. То же самое сделали другие мои дети, и к моменту, когда я достигла седьмой по счету вышины в воспитании внуков, вся моя удача новичка трансформировалась в статус профессионала.

Прошло двадцать лет с тех пор, как я услышала: «Мама, не могла бы ты?..», и мой ответ остается неизменным: «Я готова. Как скоро вы доберетесь сюда?»

Билли Б. Чесни

Сад моей бабушки

Каждый год бабушка сажала тюльпаны у себя в саду и всегда с детским нетерпением ждала весны, когда они покажутся во всей своей красе. В ответ на нежную заботу они распускались каждый апрель и никогда ее не разочаровывали. Но, по словам бабушки, настоящими цветами, украсившими ее жизнь, были внуки.

Я не собиралась быть одним из ее цветков.

Меня отправили к бабушке, когда мне было шестнадцать. Родители жили за границей, когда у меня начался трудный возраст. Я была полна фальшивой мудрости и злилась на их неспособность принять и понять меня. Несчастливая и дерзкая, я готова была бросить школу.

Ее слова ударили мне в самое сердце, и я онемела. Они били сильнее тысяч «я люблю тебя».

Бабушка была хрупкой женщиной, заботящейся о своих детях и их еще растущих отпрысках. Также она была наделена классической, старомодной красотой. Темные волосы всегда были элегантно уложены, в ярких голубых глазах светилась энергия и сила. Ее правилом было служение семье, которую она, словно ребенок, безмерно и искренне любила. И все же я думала, что игнорировать бабушку будет легче, чем родителей.

Я безмолвно переехала в ее скромный фермерский дом, незаметная, с вечно опущенной головой и глазами обиженного домашнего животного. Я замкнулась в себе, испытывая ко всему полное равнодушие. Я не позволяла никому войти в мой внутренний мир, боясь показать свою уязвимость. Я была уверена, что жизнь – это тяжелая борьба и бороться лучше в одиночку.

Я ожидала, что бабушка оставит меня в покое. Однако она не сдалась так легко.

Начались занятия в школе, и время от времени я появлялась там, но в основном проводила весь день в пижаме перед телевизором в своей комнате. Не понимая намеков, каждое утро бабушка врывается в мою комнату как нежеланный луч солнца.

– С добрым утром! – пела она, распахивая шторы на окне.

Я с головой уходила под одеяло и игнорировала ее.

Стоило мне выйти из комнаты, как на меня градом сыпались вопросы о моем здоровье, моих мыслях и взглядах на жизнь. Я невнятно отвечала,

но ее энтузиазм не убавлялся. На самом деле бабушка вела себя так, словно мое бессмысленное бормотание увлекало ее. Она слушала с таким живым интересом, будто мы делились с ней секретами. В редкие моменты, когда я выдавала больше одного слова в ответ, она радостно хлопала в ладоши. На лице у нее сияла улыбка, будто я подарила ей подарок.

Сначала я думала, что до нее просто не доходит. Хотя она не была особо образованной, в ней чувствовалась мудрость и здравый смысл, данные ей от природы.

Выйдя замуж в тринадцать лет во времена Великой Депрессии, она научилась всему сама и воспитала пятерых детей. Она работала поваром в ресторанах и со временем стала владелицей своего собственного.

Поэтому меня не удивило, когда она настояла на том, чтобы я научилась печь хлеб. Я настолько неудачно пыталась замесить тесто, что бабушка взяла эту часть работы на себя. И все же она не отставала от меня и не позволяла покинуть кухню, пока хлеб не начнет подниматься. Она хлопотала над тестом, а я не могла отвести взгляд от ее цветника за окном. В такие минуты я первой начинала разговаривать с ней. Она слушала с таким желанием, что я смущалась.

Постепенно я поняла, что интересна ей сама по себе, а не просто как новый человек в ее доме. Я стала больше и больше открываться и с нетерпением ждала наших разговоров.

Когда наконец слова пришли ко мне, я не могла остановиться. Я стала регулярно ходить в школу и после уроков спешила домой. Бабушка, как всегда, ждала меня в своем кресле и с улыбкой слушала подробный рассказ о моем дне.

Однажды, будучи уже в предпоследнем классе, я ворвалась к ней и объявила:

– Меня назначили редактором школьной газеты!

По словам бабушки, настоящими цветами, украсившими ее жизнь, были внуки.

У бабушки перехватило дыхание, и она стала хлопать в ладоши прямо у самого лица. Тронутая больше, чем я сама, она взяла мои руки в свои и сжала их со всей силы. Я посмотрела ей в глаза, они блестели.

– Ты так мне нравишься, – сказала бабушка, – и я тобой так горжусь!

Ее слова ударили мне в самое сердце, и я онемела. Они били сильнее тысяч «я люблю тебя». Я знала о ее любви ко мне, но это была безусловная любовь, а дружбу и гордость еще надо было заслужить. Эта невероятная

женщина одарила меня и тем, и другим, и я задумалась, возможно, во мне действительно есть что-то стоящее.

Она разбудила во мне желание открыться и позволить другим узнать о моей уязвимости.

В тот день я решила попробовать жить как она – проявляя энергию и силу. Неожиданно у меня появился интерес к миру, себе самой, другим людям и любви, такой же безмерной и безусловной, как у нее. И я поняла, что любила ее не потому, что она была моей бабушкой, а потому, что она научила меня заботиться о себе и других.

Моей бабушки не стало весной, спустя два года после того, как я переехала к ней жить, и за два месяца до окончания школы.

Бабушка умерла в окружении своих детей и внуков. Мы все держались за руки и вспоминали мгновения, полные любви и счастья. Перед тем как она покинула этот мир, каждый из нас со слезами на глазах наклонился над ее постелью и нежно поцеловал ее. Когда пришла моя очередь, я мягко поцеловала ее в щеку и прошептала:

– Ты так мне нравишься, бабушка, и я так горжусь тобой!

Я была уверена, что жизнь – это тяжелая борьба и бороться лучше в одиночку.

Сейчас я заканчиваю колледж и часто думаю о словах моей бабушки. Я надеюсь, что она до сих пор была бы горда мной. Я поражена, с какой добротой и терпением она помогла мне преодолеть трудности детства и обрести мир в душе. Это случилось весной, и, словно тюльпаны в саду, мы, ее отпрыски, до сих пор цветом энтузиазмом. И я продолжаю работать так, чтобы она никогда не была разочарована.

Линетт Кертис

Поход в кафе

У колледжа в кафе зашли перекусить.
Что здесь?
Студенты, кофе, споры.
За нашим столиком галантный ты,
Одет с иголочки: высокий ворот, джинсы.
Густые волосы и озорство в глазах.
Окутал шармом всех, а с ними и меня.
Души не чаяла в тебе официантка,
Все время подливала в чашку.
«Еще салфетку?» – «Да!» –
«В суп крекеров?» – «Спасибо!»
Ты флиртовал с хозяйкой заведения,
Звал на беседы, мало съел еды
И дважды покидал наш стол.
Ходил так важно и у парочки столов
Сверкнул улыбкой, на беседу вызывая.
И видно было мне, что одержал победу
Над их сердцами и моим.
Ты наконец свернул салфетку
И положил ее на стол –
Настало время уходить,
Я, подойдя к тебе, сказала:
«Давай помашем всем рукой».
Подняв тебя и посадив в коляску,
Я вышла из кафе.
А ты махал всем на прощанье
И «до свиданья» говорил.
Совместный первый наш поход в кафе:
Я бабушка, тебе два года.

Мариан Ли Джейкоб

Нам нужна скала

День накануне рождения моего сына мне не забыть никогда. Моя мать находилась в больнице: восстанавливалась после инсульта, парализовавшего ее левую сторону и нарушившего речь. Каждый день мы с сестрой приходили к ней, чтобы поддержать и попытаться вернуть ей речь. Доктор считал, она заговорит, только когда ей будет что сказать.

В тот день мама пыталась кое-что произнести. Ее взгляд был направлен на меня, а потом на дверь. Она пыталась сформировать слова, и ее разум разрывался, но рот отказывался содействовать. Я обняла ее, и мы вместе заплакали. Я знала, она беспокоится обо мне и хочет, чтобы я шла домой, но я также знала, что ребенок родится через месяц, и хотела остаться с ней. На самом деле нам не нужно было слов для общения, но хотя бы одно мамино слово дало бы нам столько надежды.

– Я завтра вернусь, – наконец сказала я, помахала ей рукой и вышла из палаты.

Я видела, как она покачала головой, словно говорила: «Оставайся дома и отдыхай».

Мама была права. Мне следовало отдыхать. Семь часов спустя я оказалась в палате интенсивной терапии той же больницы. Доктора сказали, что у меня предлежание плаценты. Все, что я знала, – это что мы с ребенком в опасности.

Благодаря Богу и докторам я лежала в палате этажом выше, и у меня был красивый маленький мальчик на руках. Разглядывая его, я пыталась подобрать ему имя. Имя очень важно. Имя должно обладать историей, которой бы гордился ребенок. Имя должно уходить корнями во что-то значимое. Но в тот момент я была слишком вымотана кесаревым сечением, которое оказалось единственным правильным решением в моей ситуации.

У нашего старшего сына было имя отца, Дэниэл. У среднего – второе имя отца, Майкл. К сожалению, у Дэна больше не осталось имен. Дочь мы назвали в честь самого красивого графства Ирландии, Кэрри. Все другие имена семьи были по два или три раза заимствованы многими из наших племянников. Мой дядя сказал, что Финбар был святым покровителем нашей семьи, но я полагала, что Финбару Райану пришлось бы научиться защищать себя еще до того, как он научится ходить.

Имя очень важно. Имя должно обладать историей, которой бы гордился ребенок.

Время истекало, и медсестры давили на меня. Как вдруг у меня появилась идея. Я позвала медсестру и попросила ее отнести вниз, на третий этаж, записку для моей матери: *Мама, это мальчик. Дашь ему имя? С любовью, Кэти.*

Весь день я ждала ответа. Каждый раз, укачивая ребенка на руках, я шептала: «Скоро у тебя будет имя». Потом я начинала думать о маме, и мои глаза наполнялись слезами. Мне так хотелось быть рядом с ней. Неожиданно я увидела медсестру, стоящую в дверном проеме и хитро смотревшую на меня.

Она взяла ребенка и прошептала: «Шшш».

Чувствуя волнение, я спросила:

– Что происходит?

Она подошла, усадила меня в кресло-каталку, продолжая молчать. Другая медсестра взяла ребенка и отнесла в детское отделение. Меня катили вниз по темному коридору. Там, напротив детского отделения, стояли Дэн и моя мать, у которой на лице была самая широкая кривая улыбка на свете.

– Мама, – позвала я, с наворачивающимися слезами.

Это был ее первый спуск с третьего этажа. Молчание затянулось. Вдруг мама подняла левую руку и указала на окно детского отделения, к которому в этот момент поднесли моего ребенка.

С огромным трудом, очень медленно она произнесла:

– Питер. Нам... нужна... скала...

Кэти Райан

Глава 10. Спасибо, мама

*Всем, чего я
достиг, я обязан своей
матери.*

Авраам Линкольн

Мама и мисс Джордан

*Мы надеемся
оставить нашим детям
две вечные вещи в
наследство.*

*Первая – это
корни; вторая – это
крылья.*

Ходдинг Картер

Мама позвала меня, с силой схватив рукой за подбородок. Это означало, что она требует внимания. Я стала отходить ото сна и поняла, что уже почти полночь. Выражение лица у нее было суровым.

– Мэри, – сказала она, – где твоя домашняя работа?

И потом я вспомнила. Я не выполнила задание. Я оставила недоделанную работу на кухонном столе, там, где ее точно увидела бы мама, вернувшись с последней из трех своих работ.

– О, мама, я заснула, – прошептала я.

– Что ж, тебе лучше встать и закончить работу. Учеба превыше всего! – сказала она, отпуская наконец мой подбородок.

Я вытаскала себя из постели, нашла книги и тетради и настроилась закончить работу. Как только я сделала это, во мне поднялось обжигающее чувство несправедливости. *Почему я? Почему мама всегда выделяет меня? Почему она так строга ко мне?*

Но с мамой невозможно спорить. Ты только слушаешься. Я закончила работу и отдала ей на проверку. К тому времени она уже дремала в кресле-качалке, утомленная рабочим днем, который начинался до восхода солнца.

Моя мать, Джозефин Хатвуд, хотела стать медсестрой, но ее родители умерли, когда она была ребенком, и ей пришлось бросить школу в шестом классе. С того времени она начала работать.

Я помню наш маленький дом в Алтавиште, штат Вирджиния. Вокруг него был небольшой сад. Мой отец работал строителем. Это были счастливые годы.

Потом папа заболел. Чтобы навестить его в больнице, нам с мамой приходилось ездить на поезде в Линчбург. Папе становилось все хуже и хуже, и на обратном пути у мамы в глазах стояли слезы.

Спустя некоторое время папа умер, и у нас не было страховки, чтобы покрыть гору медицинских счетов. Мы потеряли дом и переехали в Линчбург, где мама стала выполнять домашнюю работу в трех семьях, а также убирать в церквях, чтобы прокормить и одеть мою сестру Энн и меня.

Я помню, как солнечным сентябрьским днем мы с Энн шли в школу с босыми ногами. Наша обувь полностью изнасилась, а у мамы не было денег на покупку новой. Директор школы посмотрел на нас и поднял брови, но не сказал ни слова. На следующий день мы думали, что он все-таки заговорит, но снова нет. На третий день он встретил нас у двери.

– Почему вы без обуви?

Мы объяснили, что у мамы нет денег, чтобы ее купить.

– Что ж, – сказал он, – вам придется вернуться домой. Мы не можем вам позволить ходить в школу с босыми ногами. Вам придется сказать об этом своей матери.

Энн взяла меня за руку, мы развернулись и пошли домой. Я, проказливая от природы, предложила сестре провести день недалеко на кукурузном поле, вместо того чтобы идти домой.

Прямо перед окончанием занятий мы отправились домой. И мама ждала нас. Это было крайне непривычным, но слухи в таком городе, как Линчбург, доходят быстрее, чем переводы «Вестерн Юнион».

Мама смотрела на нас неодобрительно и стояла прямо, словно опора для палатки. Она спросила, где мы были. Я придумала историю, чтобы не расстраивать ее. И она начала плакать:

– Вас не было в школе.

Мама знала. Она стала говорить, что важно получить образование и никогда не нужно стыдиться бедности.

– Важно, не что на тебе, а кто ты, – сказала она. – Именно это имеет значение.

Несколько дней спустя она получила зарплату и вместо оплаты счетов купила нам новую обувь.

Нам так редко удавалось побыть вместе с мамой, что мы ценили каждый из этих моментов, а особенно любили читать с ней вслух. Я забиралась к ней в кровать и ждала своей очереди, пока читала моя сестра.

Однако, несмотря на всю теплоту, я чувствовала строгость мамы по отношению ко мне. Я не могла избавиться от мысли, что радую ее меньше других детей и что мне никогда не дождаться от нее добрых слов. Моя сестра Марианна – сирота, удочеренная мамой, – наслаждалась преимуществами, о каких я и мечтать не могла. Я помню свою зависть,

когда Марианне купили еще одно пальто, в то время как мне пришлось чинить свое старое и изношенное. Я не могла этого понять. Но мама чувствовала, что нужды Марианны были важнее моих из-за ее ранней утраты.

Однако от мамы мне достался один дар – радоваться каждой мелочи. Даже если в моем маленьком мире не доставало солнца, я не грустила. Еще я любила поговорить, и эта черта не заслуживала одобрения мисс Джордан, которая вела английский в десятом классе.

Мисс Джордан была моим самым нелюбимым учителем в силу своей сверхмерной строгости. Худая, ростом чуть выше пяти футов, она зачесывала волосы назад, что делало ее похожей на лошадь. Она носила полукруглые очки для чтения и, когда ее что-то расстраивало, опускала голову и пристально смотрела поверх них. От такого взгляда у меня все стыло внутри.

Однажды я так увлеклась болтовней, что не заметила, как мисс Джордан остановилась рядом и уставилась на меня своим сердитым взглядом.

– Юная леди, я хочу вас увидеть после занятий.

Позже мисс Джордан объяснила: она ожидает, что ее будут слушать.

– В качестве наказания я хочу, чтобы ты написала эссе в тысячу слов на тему образования и его влияния на экономику, – сказала она.

Я уложились в сроки и была уверена, что хорошо выполнила работу.

На следующий день в классе мисс Джордан подозвала меня и вернула работу.

– Перепиши это, – велела она. – Помни, что каждый параграф должен начинаться с вводного предложения.

Во второй раз она вернула работу, указав на грамматику. В третий раз – на орфографию. В четвертый раз – на пунктуацию. В пятый раз работа оказалась недостаточно опрятной. Мне стало дурно от этого.

В шестой раз я переписывала эссе медленно, используя цветные чернила, оставляя достаточно места для полей. Увидев его, мисс Джордан сняла очки и улыбнулась. Наконец она приняла мою работу.

Прошло два или три месяца, и вот однажды я опять увлеклась разговором во время занятий.

– Мэри... – толкнули меня в бок. – Мисс Джордан! Она смотрит на тебя!

Я подняла глаза и столкнулась с все тем же хмурым взглядом.

– Мэри, ты слышала, о чем я сейчас говорила? – спросила мисс Джордан.

– Простите, нет.

Она продолжила:

– Я рассказывала о конкурсе эссе, проходившем в нашем городе. Его темой было влияние образования на экономику. Объявили победителей. – Она сделала паузу: – Ребята, я рада вам сообщить, что Мэри заняла третье место.

Я сидела, открыв рот. Первый раз я оказалась среди победителей. Позже мисс Джордан сказала, что самым важным было то, что я получила хороший урок. Переписывая работу, я училась дисциплине. Я была тронута. После мамы она была первой, чей похвалы я ждала больше всего на свете.

Даже если в моем маленьком мире не доставало солнца, я не грустила.

В конце десятого класса нам устроили экзамен, чтобы оценить наш уровень знаний и умений, и я заняла пятое место. Все учителя настоятельно рекомендовали мне пойти в колледж, но для меня это оставалось далекой мечтой. Шансов не было никаких. Я не могла себе этого позволить. Все же я подала документы и была принята в Государственный университет Вирджинии.

Пришло время выпускного. Мама так гордилась мной, ведь я первая из нашей семьи окончила среднюю школу (год спустя школу окончила и Энн). Мама сидела в первых рядах, и я поймала ее взгляд, когда мне вручали диплом. Она улыбалась, а в глазах у нее стояли слезы.

Но не это было главным событием вечера. К моему удивлению, вдруг произнесли мое имя... и все продолжали повторять. И каждый раз объявляли о гранте на обучение в колледже. Я все-таки могла пойти учиться дальше!

Для нас с мамой это стало сюрпризом, но, думаю, мисс Джордан знала. Она улыбалась и кивала головой, будто говорила: «Вот видишь, что какие плоды приносит дисциплина?»

Я получила гранты и работала все лето, а осенью пошла учиться. Своей специальностью я выбрала образование в области бизнеса. И даже в колледже я слышала замечания по поводу своей простой одежды, – в основном я донашивала вещи после мамы или шила сама. Я ревела от обиды, когда никто не видел, и утешала себя ее словами: «Важно, не что на тебе, а кто ты». И я знала, это не сравнить с теми испытаниями, которые выпали на долю моей мамы.

В трудные студенческие годы наставления мисс Джордан помогали мне сосредоточиться на учебе, а мамыны – придавали сил и не позволяли ожесточиться.

– Мэри Элис, если тебе что-то не нравится, измени это, – говорила она. – И если сбилась с пути, поднимайся и начинай все заново!

Долгие годы мама и мисс Джордан оставались для меня маяками-близнецами, выводящими на верный путь, даже когда я стала классным учителем в Александрии и позже президентом Национальной ассоциации работников просвещения США. Мама с ее силой духа и мисс Джордан с ее ясностью разума. Всего лишь один вопрос мне по-прежнему не давал покоя. Он мучил меня вот уже более тридцати лет.

Однажды мама приехала навестить меня. Мы стояли рядом и мыли кастрюли и сковородки после семейного сбора.

Я сделала глубокий вдох:

– Мама, почему в детские годы ты была так строга со мной?

Она положила полотенце для посуды и задумалась, но так ничего и не ответила.

На следующее утро мы с мамой сидели и завтракали, рассматривая из окна наш сад. Мы не говорили ни о чем конкретном. Затем я налила по второй чашке для нас обеих. Мы так и сидели в тишине, как вдруг мама по старой привычке схватила меня за подбородок. Она посмотрела мне прямо в глаза:

– Ты вчера задала мне вопрос, Мэри Элис. Я обдумала ответ. В тебе была сила. И еще ты была своенравной. Мне приходилось быть более строгой с тобой, потому что тебе от рождения было дано больше, чем другим. Ты должна была пройти эту школу дисциплины. Я знала, что от этого будет зависеть твой успех. Это ответ на твой вопрос, Мэри Элис.

Мама продолжала держать меня за подбородок, и я слышала, как тикают часы дедушки в доме. Я кивнула, и она отпустила меня.

– Я поняла, мама.

В конце-концов я поняла.

Мэри Хатвуд Футрелл

Мама задувает 75 свечей

Втайне она надеялась, что ее легкие наделены особым даром и в них вмещается целый баллон с кислородом. На протяжении многих лет она громко выкрикивала, говорила и молилась: «Иисус, Мария и Иосиф, дайте мне терпения!» 1 245 187 раз.

Она развешивала подгузники на натяжных веревках для одежды, стерилизовала бутылочки, носила детей по лестнице вверх-вниз, гладила детские майки и юбки и с гордостью возила коляски.

Она начистила картошки больше, чем на шести кораблях морского флота.

Когда мама задувает 75 свечей, благословлены все те, кто с любовью окружает ее.

Она делала химическую завивку и красила волосы в каштановый цвет. Ее стрижка была пискom моды в 1935–1943 годах: пышная, с крупными завитками. Она и сейчас завивала волосы, но они уже были седыми.

Гостиная была местом, где она развлекалась в компании, в кладовой хранились продукты, в морозилке было много мороженого, и стиральная машина с ручным отжимом была в ее распоряжении по вторникам.

Она получила «ученую степень няни». С чем ей только не пришлось столкнуться – с корью, ветрянкой, свинкой, воспалением легких, полиомиелитом, туберкулезом, лихорадками различного рода, накладыванием швов, гриппом, сломанными руками и разбитыми сердцами!

В разные времена в ее гардеробе хранились домашние платья, шляпы с перьями, белые перчатки, короткие и длинные юбки, брючные костюмы, пышные платья из шифона и облегающие наряды, любимое пальто на выход и рождественские игрушки, заказанные по каталогу Sears.

Она познала мужскую любовь, радость материнства, боль детских ошибок, теплоту дружбы. Она праздновала свадьбы и благословляла внуков и правнуков.

Кто может сосчитать все оттертые ею полы и приготовленные обеды, выслушанные признания и рассказанные на ночь истории? Все извинения, которые ей приносили, и молитвы, которые она шептала Богу каждый день?

В ее объятиях побывали целые поколения детей. Ее руки приготовили

бесчисленное количество «любимых блюд». С молитвой о родных и любимых она столько раз вставала на колени. Она перецеловала столько царапин и ран. Согнув спину, она купала грязных ковбоев, подбирала разбросанную одежду, собирала цветы из сада – и постарела.

Ее путешествие по жизни сопровождалось слезами и смехом. Она наблюдала, как вчерашние закаты становятся новыми восходами, полными надежд и обещаний. Только благодаря ей и мужчине, попросившему ее руки, обрели жизнь и любовь целые поколения.

И когда мама задувает 75 свечей, благословлены все те, кто с любовью окружает ее.

Элис Коллинз

Прислала Джеральдина Дойл

Шесть из семи чудес моего мира

– Это – из списка всех тех вещей, которые я никогда бы не сделала, если бы у меня не было семерых детей, – повернувшись, сказала мне мать, когда мы проезжали через пустыню Нью-Мексико в нашем кабриолете «шевроле». Двумя днями раньше она приехала в Тусон, чтобы составить мне компанию в поездке в Вашингтон, округ Колумбия. Когда я рассказала об этой поездке, мама не стала ждать моего призыва о помощи. Она просто взял отгул на работе, сделала все необходимые приготовления и прилетела из Чикаго.

Со временем пришло понимание, что мама будет со мной *всегда*.

Я часто слышала, что в семьях, где семеро детей, всегда кто-то остается позади. Если следовать математической формуле, количество часов, разделенное на количество детей, равно количеству внимания на одного ребенка. Но это было не про нас. Не знаю, как это удавалось моей матери, но я никогда не чувствовала, что для нее важнее кто-то из моих братьев и сестер, или ее карьера, или даже отец.

Я помню, как ребенком сидела у нее на коленях и слушала о восьми равных частях ее сердца, по одной на каждого из ее детей и мужа, нашего отца. Я не могу понять, где были мои братья и сестры, когда мы с мамой играли в «миссис О’Лири и мистера Фоли» – только нашу с ней игру, когда пили вкусный чай с печеньем и сплетничали о соседях. Или когда она читала мне на ночь и пела свою колыбельную: «Засыпай, моя маленькая тыквочка,/ Крепко засыпай./ И когда ты заснешь, моя маленькая тыквочка,/ Ты превратишься в розочку».

Когда я пошла в детский сад, мама сказала мне, что, если вдруг я почувствую себя одиноко, все, что надо сделать, – это послать ей воздушный поцелуй, она его поймает и вернет обратно. Я действительно верила, что мама получает все мои поцелуи, и чувствовала ее поцелуи в ответ. Я до сих пор в это верю. Каким-то чудом телефон всегда звонил, когда она нужна была мне как никогда.

Где бы я ни находилась и что бы ни случилось в моей жизни, я первым делом делилась всем с ней. Это наводило на мысли, что я буду делать, однажды оставшись без нее, но со временем пришло понимание, что мама будет со мной *всегда*. Она отдала все самое лучшее, что было в ней,

каждому из семерых детей, и я никогда не почувствую одиночество...

Когда мне нужна помощь в решении проблемы, я звоню своему брату Биллу, так как он перенял от матери ее мудрость и находчивость. Он смотрит на мир ее глазами.

Когда у меня слишком много дел и недостаточно времени, чтобы со всем справиться, и когда мне нужна сила матери и ее чувство юмора, я звоню Гей, которая умудряется воспитывать четверых детей и работать на трех работах, но всегда находит время поговорить, выслушать и посмеяться.

Когда мир вокруг становится серым и скучным, я звоню Джиму, чтобы получить каплю волшебства от матери. Как и она, Джим во всем видит чудо. И не важно, разговаривает он с ребенком или взрослым, Джим будет клясться, что на Рождество видел эльфа.

Если мне нужно сочувствие матери, если мне нужен человек, который бы выслушал меня без каких-либо суждений, я звоню Мэри, которая без лишних слов сделает чай и позволит мне выплакаться.

И если мне нужна сила духа матери, когда я не в силах заставить себя сделать что-то важное, я звоню Дойл, самой младшей в нашей семье. Она чувствует, что является правильным, и умеет убедить это сделать.

И вот мы с мамой едем через пустыню и говорим о чем-то очень конкретном и важном, о том, что она не сделала бы, не имей семерых детей. Да, действительно, мы семеро не владели бы всеми этими удивительными качествами, если бы нас не было у нее. Мы – это главный дар от матери, посланный нам.

Джейн Харлесс Вудворд

Почтовый ящик

Семейный почтовый ящик находился в самом конце улицы, в полумиле от дома. Белыми заглавными буквами на нем было выведено: БУРРЕС. Для нас, детей, этот металлический контейнер на столбе был знаком свободы и безусловной любви, и мы отправлялись к нему, полные предвкушений.

Эта жажда приключений досталась нам от матери. Возможно, у нее и не было таких намерений, но она считала, что детям нужно познавать мир. Для мамы каждый момент жизни был уроком, и она была великолепным учителем.

Каждый день, примерно в полдень, мама шла к концу улицы, чтобы забрать почту. И мы, дети, бросали все свои занятия и бежали за ней, а за нами – наша собака. Мама улыбалась и радостно приветствовала нас. Путь в полмили и обратно был долгим путешествием для коротких ножек, но оно стоило того. Во время этих походов нас переполняло счастье, и мы купались в маминой любви.

Когда мы добирались до почтового ящика, мама доставала почту, сортировала ее и объявляла, что пришли письма, но при этом не говорила кому.

Поступая так, она держала нас всех в напряженном ожидании, пока мы не возвращались домой, где она раздавала каждому его личное письмо. Мама научила нас уважать личное пространство друг друга, а также не соперничать из-за писем.

– Вот, – говорила она, – это для тебя.

Нам всем позволялось самим открыть письма, пришедшие на наше имя, и мама никогда не подсматривала.

Удивительно, но каждый ребенок время от времени получал письмо. И еще удивительнее, что письма для каждого из нас приходили примерно в одинаковых количествах. Иногда это был журнал, иногда записка от тети, дяди, бабушки, дедушки или от учителя воскресной школы (который к тому же был нашим соседом и другом мамы). Ни один ребенок не оставался без письма. Даже реклама приходила словно по команде. И не имело значения, написано письмо человеком или машиной, получать его всегда было приятно. Оно всегда вызывало восторг и повышало самооценку.

Для мамы каждый момент жизни был уроком, и она была великолепным учителем.

В этом семейном ритуале я принимала участие с того самого момента, когда осознала, что такое почта, и до дня, когда покинула дом. И только став взрослой, я поняла, что, пока мы, дети, забавлялись с письмами, мама преследовала более серьезную цель.

Во время этих коротких прогулок она иногда придумывала подходящую моменту историю. В следующий раз она рассказывала нам о Боге. Иногда все повторялось. Мама использовала любую возможность, позволяющую нам осознать чудо создания. Мы не проходили мимо птиц или пчел, любой флоры или фауны. Мы исследовали удивительные привычки животных на земле и в воздухе. Нас удивляли цвета, формы и ароматы растений. Нам было интересно смотреть, как пчелы садятся на цветы и собирают пыльцу. Нас поражало солнце, дающее тепло и яркий свет. И мы начинали ценить все, что показывала нам мама.

Мы обожали ее, и она была для нас целым миром. Мама всегда улыбалась и напевала какую-нибудь песенку, она выговаривала слова легко и со смехом, из-за которого ее длинные, мягкие каштановые волосы рассыпались по плечам.

И теперь почтовые ящики, стоящие в конце улицы, имеют для меня особое значение. Они напоминают о любви моей матери, обо всех ценностях и убеждениях, которые она с любовью передала нам. Мама воплощала в себе радость и любовь и привила это нам.

Бетти Б. Янгс

Богатство моей матери

Должно быть, есть что-то особенное в матери, воспитавшей дочь в неведении относительно бедности, в которой жила семья. Я вообще не имела понятия, что бедна, до второго класса. У меня было все необходимое: девять братьев и сестер, книги и самодельный игрушечный друг, Рэггеди Энн. У меня всегда была чистая одежда, которую шила и чинила моя мама. Каждый вечер мне мыли и заплетали волосы, а мои коричневые ботинки были начищены до блеска. В школе я была невероятно счастливой, любила запах новых карандашей и плотной бумаги, которую нам выдавал учитель. Я впитывала знания как губка, заслужив столь желанную привилегию передавать сообщения директору школы целую неделю.

До сих пор помню, как меня распирало от гордости, когда я поднималась по лестнице к кабинету директора, чтобы передать сообщение о том, что начался ланч. Когда я возвращалась обратно в класс, мимо прошли две ученицы старше меня.

– Посмотри, эта девочка из бедной семьи! – прошептала одна другой, и они захихикали.

Мое лицо горело огнем, я еле сдерживала слезы. Остаток дня я провела как в тумане.

По дороге домой я пыталась усмирить противоречивые чувства, вызванные случайно услышанным комментарием.

Я не могла понять, почему эти девочки назвали меня бедной. Критично я осмотрела сверху донизу свое платье и в первый раз заметила, насколько оно изношенное. Рубцы на подоле говорили о том, что платье мне отдали доносить. Хотя тяжелые мальчишеские ботинки были единственной достаточно крепкой обувью, не позволяющей выворачивать ступни, неожиданно я испытала смущение из-за их уродства.

К тому времени, когда я добралась домой, мне было жаль себя. Я словно заходила в незнакомый дом, критично осматривая все вокруг. Я увидела порванный линолеум на кухне, грязные отпечатки пальцев на выцветшей краске дверных проемов. Будучи в подавленном состоянии, я не ответила на радостное приветствие матери, готовившей на кухне овсяное печенье и молоко из сухого порошка. Я была уверена, что другим девочкам не приходится пить порошковое молоко. Я просидела у себя в комнате до самого ужина, обдумывая, как заговорить с мамой о бедности. Я не могла

понять, почему она не рассказала мне. И почему мне пришлось узнать об этом от других.

У нас нет денег, но есть нечто большее.

Набравшись смелости, я зашла на кухню.

– Мы бедные? – выпалила я, словно обороняясь.

Я ожидала от нее отрицаний, оправданий или, по крайней мере, объяснений, которые успокоили бы меня.

Мама задумалась и ничего не говорила на протяжении минуты.

– Бедные? – повторила она, отложив нож, которым чистила картофель. – Нет, мы не бедные. Посмотри, что у нас есть, – указала она на моих братьев и сестер, играющих в соседней комнате.

Мамиными глазами я увидела дровяную печь, согревающую весь дом, яркие шторы и ковры, сделанные своими руками, блюдо с горой овсяного печенья на кухонном столе. Из окна кухни открывался вид на наш двор – место забав и приключений для десятерых детей.

– Возможно, кто-то считает, что мы бедные. У нас нет денег, но есть нечто большее.

И с удовлетворенной улыбкой моя мать вернулась к приготовлению ужина для своей семьи, не осознавая, что в тот вечер насытила не только наши желудки. Она насытила мое сердце и душу.

Мэри Кеньон

Спасибо, я был не прав

Моя мать была простой, и это не означает, что я критикую ее или жалуясь. На самом деле, мама была одной из тех женщин, которых не замечают. В мире полно «незаметных дурнушек».

Рожденная в семье алкоголиков, моя мать в семнадцать лет решила покинуть Сент-Луис. Как говорила она сама: «Я больше ни минуты не могла выносить драки, пьянство и все это безумие». Мама переехала в Калифорнию к своему двоюродному брату и его семье в надежде начать новую жизнь. Это произошло в 1959 году.

В 1960-м она вышла замуж за моего отца, военного, и в последующие четыре года у них появились Тэмми, Тина и я, Джерри. В 1967 году мои родители купили маленький дом в округе Ориндж. В 1975-м их брак исчерпал себя, и они развелись, когда мне было двенадцать лет.

Вероятно, развод сильно повлиял на мать. Мне этого не узнать, но неожиданно я стал смотреть на нее как на личность, а не как на родителя. Я начал замечать, что ее лицо лишено выразительных черт. Под глазами у нее темнели круги, судьба была безжалостна к ее формам, испорченным родами. Мужчины не обращали на нее внимания. Они никогда не замечали огня в ее глазах, который и я увидел не сразу.

Как обычно это делают матери-одиночки, моя мама нашла вторую работу и по вечерам разносила программы скачек по барам. Всякий раз она обещала мне рожок шоколадного мороженого из ресторана Foster's Freeze, если я поеду с ней, так как, по ее словам, это было единственное время, которое мы могли провести вместе.

Мать раскладывала целые пачки программ в барах и не получала никаких знаков внимания от мужчин, сидящих за стойками. Казалось, она была для них невидимкой.

Я никогда не чувствовал себя так хорошо из-за того, что оказался не прав. И злость покинула меня.

Повзрослев, я стал испытывать горечь из-за отсутствия у людей какого-либо интереса к моей матери. Я знал, что она обладает невероятным остроумием и огромными знаниями, полученными из книг. Это не было критикой, типичной для подростков, когда речь заходит об их родителях. Я просто видел, как жизнь моей матери проходит незаметно. Мне было больно от этого.

19 февраля 1986 года в середине дня мне позвонили на работу в оптовый магазин. Это была моя мать. Она сообщила, что инфекция, с которой ей не удавалось справиться два месяца, привела к развитию опухоли в левом легком. Через неделю ей сделали операцию, и оказалось, что опухоль разрослась вокруг аорты по направлению к миокарду. Хирург долго говорил о химиотерапии и облучении, но его глаза выдавали правду.

Моя мать боролась с опухолью как воин, и никто этого не замечал. Она перенесла лучевую терапию и справилась с побочными эффектами, из-за которых не могла глотать и дышать. А после химиотерапии она купила ярко-красный парик, пытаясь подбодрить семью. Но это не сработало. Мама повторяла, что уничтожит этого зверя, пока 2 февраля 1987 года не потеряла сознание и не умерла в присутствии своих троих детей, державших ее за руки и гладивших ее невыразительные щеки. Я разозлился.

Я был зол на весь мир, не замечавший ее. Я видел, как трудности и одиночество одержали над ней верх. Как могли не заметить, что эта физически непривлекательная женщина на самом деле была прекрасным человеком? Я был в ярости до похорон.

Маленькую церковь, где отпевали мою мать, стали заполнять люди. Многих я видел впервые. Пришли бывшие коллеги, с которыми она вместе работала больше двадцати лет назад и которые последний раз видели меня в подгузнике. Толпой вошли друзья с работы, о которой я и не слышал до того, как она заболела, и обняли меня и моих сестер. Появился даже ее босс по разноске программ для скачек, у которого она не работала уже восемь лет. Он пожал мне руку и сказал, что моя простая мать была «самой доброй женщиной из всех, что он знал».

Я стал смотреть на свою мать как на личность в двенадцать лет, и я чувствовал серость ее жизни. Я оглядел зал церкви и увидел, что она была полна хорошими людьми, которые *заметили* мою мать. Она оставила след в их жизни, и я этого не замечал. Я никогда не чувствовал себя так хорошо из-за того, что оказался не прав. И злость покинула меня.

Джеральд Ю. Терстон-младший

Великолепная женщина

Я встретил столько людей по всему миру, но никогда не видел более благородной женщины, чем моя мать. И если я достиг успеха, то только благодаря ей.

Чарльз Чаплин

Помню, когда я был в четвертом классе, ты не спала полночи, чтобы сделать мне костюм Зорро на Хэллоуин. Я знал, что ты была хорошей матерью, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как время от времени тебе приходилось искать вторую работу, чтобы мы могли свести концы с концами. Тебе было тяжело, но ты всегда улыбалась. Я знал, что ты была трудолюбивой, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как за полночь я подошел к тебе и сказал, что на следующий день должен играть короля в школьной постановке.

И ради этого события ты встала и сделала багряную королевскую мантию, украсив ее горностаем из ваты, покрашенной черным фломастером. На сцене я забыл повернуться, и никто так и не увидел твоих трудов. Но ты наслаждалась даже такими моментами. Я знал, что не было матери лучше тебя, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как в школе я разбил голову. Когда позвонили тебе, ты спокойно сказала:

– С ним все будет в порядке. Просто дайте ему отдохнуть. Я позже приду и проверю.

Они знали, и я знал, что ты была стойким человеком, но я не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как в последних классах ты помогала мне справляться с домашней работой, делала костюмы для особенных мероприятий в школе и посещала мои игры. Я знал, что ты сделаешь все возможное для меня, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как однажды, работая в некоммерческой организации Young Life, я в 3.30 утра привел домой больше сорока детей, чтобы оставить их на ночь, и попросил тебя приготовить им завтрак. Помню, как ты встала в 4.30, чтобы совершить этот героический поступок. Я знал, что ты была веселым и щедрым человеком, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как ты посещала мои футбольные и баскетбольные игры в старших классах школы и была в таком восторге, что однажды ударила человека напротив своими помпонами. Я даже на середине поля слышал, как ты болела за меня. Я знал, что ты была болельщиком всех времен, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Я помню все, чем ты пожертвовала, чтобы я мог поехать учиться в Стэнфорд, все отправленные тобой посылки, все посланные письма, напоминавшие мне, что я не одинок. Я знал, что ты была настоящим другом, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Помню, как окончил Стэнфорде и из-за своей любви к детям согласился работать за двести долларов в месяц в Young Life. И хотя вы с папой подумали, что я тронулся умом, ты продолжала вдохновлять меня. И кстати, я помню, как ты приехала ко мне, чтобы помочь обустроиться. Ты внесла в мою ничем непримечательную квартиру что-то особенное, сделанное с любовью. Я понимал снова и снова, что ты была творческим гением, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Время летело, я стал взрослым, женился и завел семью. Ты стала бабулей и наслаждалась новой ролью, и все же ты не старела. Я понял, что Бог отвел тебе особенное место в жизни, но не осознавал, какой великолепной, невероятной женщиной ты была.

Со мной произошел несчастный случай, моя жизнь сбавила привычный темп, и мне было тяжело. Но ты была рядом всегда. Есть что-то в жизни, что никогда не меняется, и я был преисполнен благодарности. В тот момент я понял, что знал очень давно, какой замечательной медсестрой ты была, но я не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Я знал, что не было матери лучше тебя, но не осознавал, какой великолепной женщиной ты была.

Я написал несколько книг, и людям они понравились. Вы с папой были так горды, что иногда дарили их знакомым, чтобы показать, на что способны дети. Тогда я понял, каким отличным промоутером ты была, но я не осознавал, какой великолепной, невероятной женщиной ты была.

Время летело, и один из самых великих мужчин, что я знал, покинул нас. Я до сих пор помню, какой ты была на церемонии прощания. В своем невероятно красивом платье фиалкового цвета ты держалась уверенно и гордо, напоминая всем: «Как были мы благословлены, и как благодарны мы за хорошо прожитую жизнь». В этот момент я увидел уверенную в себе женщину, благодарную за все, несмотря на сложности жизни.

И я начал осознавать, какой великолепной, невероятной женщиной ты была.

В прошлом году, когда тебе пришлось вынести все трудности в одиночку, все, что я замечал и испытывал на протяжении многих лет, собралось в единое целое. Несмотря ни на что, сейчас твой смех еще более звонок, твоя сила приумножилась, твоя любовь стала глубже, и я осознаю на самом деле, какая ты великолепная, невероятная женщина.

Тим Хансен

Послесловие. Молитва для моей матери

Дорогой Бог!

Я уже не молода, и матери моих ровесников покинули этот мир. От друзей я слышала, что они никогда в полной мере не ценили своих матерей, пока не становилось слишком поздно, чтобы выразить им любовь.

Я благословлена тем, что моя дорогая мама еще жива, и с каждым днем я ценю ее больше. Моя мать не меняется, в отличие от меня. Становясь старше и мудрее, я понимаю, какой невероятной личностью она является. Очень жаль, что я не могу сказать это в ее присутствии, мне легче об этом написать.

Как дочери отблагодарить свою мать за подаренную жизнь? За любовь, терпение и просто тяжелую работу по воспитанию ребенка? За гонку за малышом, за понимание угрюмого подростка, за терпение к студенту колледжа, знающему все? За ожидание того дня, когда дочь осознает, как на самом деле мудра ее мать?

Я молюсь, чтобы мои дети увидели меня такой, какой я вижу свою мать.

Как взрослой женщине отблагодарить свою мать за готовность дать нужный совет или промолчать, где это необходимо?

За произнесенные: «Я же тебе говорила», которые она могла сказать множество раз? За то, что она всегда была собой – любящей, прозорливой, терпеливой и всепрощающей?

Я не знаю, как ее отблагодарить, Господи, кроме как попросить тебя благословить ее от всей души, как она этого заслуживает, и помочь мне прожить жизнь, следуя ее примеру. Я молюсь, чтобы мои дети увидели меня такой, какой я вижу свою мать.

Дочь

Прислала Линн Калиновски

Наши авторы

Кто такой Джек Кэнфилд?

Джек Кэнфилд – один из ведущих американских экспертов в области развития человеческого потенциала и личностной эффективности. Он энергичный лектор и очень востребованный тренер. Джек обладает удивительной способностью делиться информацией и вдохновлять публику на повышение уровня самооценки и достижение пиковых результатов.

Он – автор и повествователь нескольких популярнейших аудио– и видеопрограмм, включающих *Self-Esteem and Peak Performance* (Самооценка и достижение пиковых результатов), *How to Build High Self-Esteem* (Как построить высокую самооценку), *Self-Esteem in the Classroom* (Самооценка в классе) и *Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души) – в прямом эфире. Его регулярно можно увидеть в таких телевизионных шоу, как *Доброе утро, Америка*, *20/20*, и ежедневной программе вечерних новостей канала NBC. Джек является соавтором множества книг, включая серию *Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души), *Dare to Win* (Осмелитесь преуспеть) и *Aladdin Factor* (Фактор Аладдина), написанных вместе с Марком Виктором Хансеном, *100 Ways to Build Self-Concept in the Classroom* (100 способов построить Я-концепцию в классе) – в соавторстве с Гарольдом Уэллсом, и *Heart at Work* (Работающая сердцем) – с Джаклин Миллер.

Джек является востребованным спикером профессиональных ассоциаций, школьных регионов, государственных агентств, церквей, больниц, коммерческих организаций и корпораций. Его клиентами являются the American Dental Association, the American Management Association, AT&T, Campbell Soup, Clairol, Domino's Pizza, GE, ITT, Hartford Insurance, Johnson & Johnson, the Million Dollar Round Table, NCR, New England Telephone, Re/Max, Scott Paper, TRW и Virgin Records. Джек входит в состав факультета Income Builders International, учебного заведения для предпринимателей.

Ежегодно Джек проводит восьмидневную программу *Training of Trainers* (Обучение тренеров) в области самооценки и достижения пиковых результатов. Его программы привлекают специалистов сферы образования, консультантов, наставников для родителей, корпоративных тренеров,

профессиональных спикеров, министров и всех заинтересованных в развитии ораторского искусства и навыков ведения семинаров.

Более подробную информацию о книгах, аудио– и видеозаписях, обучающих программах и презентациях можно получить здесь:

The Canfield Training Group

P. O. Vox 30880, Santa Barbara, CA, 93130
Телефон: 805-563-2945, факс: 805-563-2945
Адрес электронной почты и наш вебсайт:
<http://www.chickensoup.com>

Кто такой Марк Виктор Хансен?

Марк Виктор Хансен – профессиональный лектор, за последние 20 лет сделавший более 4000 презентаций для более 2 000 000 людей в 32 странах.

Его презентации охватывают такие темы, как коммерческий успех и стратегии, увеличение личностного потенциала и роста и трехкратное приумножение доходов и двукратное увеличение свободного времени.

Марк посвятил жизнь своей миссии – невероятному изменению жизни людей в лучшую сторону. В течение своей карьеры он вдохновил сотни тысяч людей на создание лучшего будущего, стремление к цели, что дало свои результаты в виде многомиллионных продаж товаров и услуг.

Также Марк – успешный писатель. Он автор таких книг, как *Future Diary* (Дневник будущего), *How to Achieve Total Prosperity* (Как добиться абсолютного процветания) и *The Miracle of Tithing* (Чудо церковной десятины). Он – соавтор серии *The Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души), *Dare to Win* (Осмелитесь преуспеть), *The Aladdin Factor* (Фактор Аладдина) – все книги написаны с Джеком Кэнфилдом, и *The Master Motivator* (Мастерство мотивации) – с Джо Баттенем.

Кроме того, Марк создал целую библиотеку аудио– и видеопрограмм на тему увеличения личностного потенциала, которая дает возможность увидеть и использовать внутренние способности в бизнесе и личной жизни. Жизненная позиция сделала его популярной личностью на телевидении и радио. Его можно увидеть на каналах ABC, NBC, CBS, HBO, PBS и CNN. Он также появлялся на обложках множества журналов, включая *Success*, *Entrepreneur* и *Changes*.

Марк – человек, живущий с гармонией в душе и вдохновляющий всех,

кто желает улучшить себя и достичь успехов.

Более подробная информация о Марке здесь:

P. O. Vox 7665
Newport Beach, CA 92658
Телефон: 714-759-9304 или 800-433-2314
Факс: 714-722-6912
Вебсайт: <http://www.chickensoup.com>

Кто такая Дженнифер Ред Хоторн?

Дженнифер Ред Хоторн – соавтор бестселлера № 1 *New York Times* – *Chicken Soup for the Woman's Soul: 101 Stories to Open Hearts and Rekindle the Spirit of Women* (Куриный бульон для женской души: 101 история, открывающая сердца и возрождающая дух женщины). В настоящий момент она продолжает работу над книгами *Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души) и также делает презентации по книге по всей стране, делаясь вдохновляющими историями о любви, надежде, смелости и мечтах.

Дженнифер известна как энергичный и проникательный лектор, с невероятным чувством юмора и даром повествования. С самых ранних лет у нее развился глубокий интерес к языку благодаря родителям. Она благодарна за эту любовь к повествованию своему отцу, Бруксу Ред, знаменитому мастеру рассказа. Его оригинальные истории о *Братце Кролике* (*Brer Rabbit*) наполнили ее детство волшебством и чувством силы слова.

Являясь волонтером Корпуса мира (Peace Corps) в Западной Африке и преподавая английский язык как иностранный, Дженнифер осознала всю универсальность историй, которые способны научить, подвигнуть, вознести и соединить людей. Ее презентации *Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души) вызывают смех и слезы у публики. Многие люди говорят, что их жизнь изменилась к лучшему благодаря ее рассказам.

Дженнифер является соучредителем The Esteem Group (Группа самооценки) – организации, специализирующейся в области самооценки и вдохновляющих программ для женщин. Будучи профессиональным спикером с 1975 года, она провела беседы о личностном росте, саморазвитии и профессиональном успехе с множеством людей по всему

миру. Среди ее клиентов профессиональные ассоциации, такие как компании группы Fortune 500, государственные и образовательные ассоциации AT&T, Delta Airlines, Hallmark Cards, The American Legion, Norand, Cargill, Университет штата Айова и Университет Клемсона.

Дженнифер родилась в Батон-Руж, штат Луизиана, где окончила Государственный университет Луизианы, получив степень в области журналистики. Она проживает в Фэрфилде, штат Айова, вместе со своим мужем Дэном и двумя приемными детьми, Эми и Уильямом.

Если вы желаете посетить ее семинары *Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души), свяжитесь с ней:

Jennifer Hawthorne Inc.

1105 South D Street

Телефон: 515-472-7136

Факс: 515-469-6908

Кто такая Марси Шимофф?

Марси Шимофф – соавтор бестселлера № 1 *New York Times* – *Chicken Soup for the Woman's Soul* (Куриный бульон для женской души). Кроме того, она является профессиональным лектором и тренером и на протяжении последних 17 лет вдохновила тысячи людей на личностный и профессиональный рост. Она проводит семинары, делая акцент на самооценке, управлении стрессовыми ситуациями, навыках коммуникации и пиковых результатах. За прошедшие несколько лет она стала ключевым специалистом *Chicken Soup for the Soul* (Куриный бульон для души), распространяя книги по всему миру.

Марси является соучредителем и президентом The Esteem Group (Группа самооценки), организации, специализирующейся в области самооценки и вдохновляющих программ для женщин. Она находится в рейтинге самых лучших спикеров компании группы Fortune 500, в список ее клиентов входят AT&T, General Motors, Sears, Amoco, American Airlines и Bristol-Myers Squibb. Она также является популярным спикером множества профессиональных организаций, университетов и женских ассоциаций и известна своим живым юмором и энергичной манерой речи.

Марси сочетает свой энергичный стиль с глубокими знаниями. Она получила степень магистра делового администрирования в

Калифорнийском университете Лос-Анджелеса; также она проучилась один год в Европе, чтобы повысить квалификацию и получить сертификат консультанта по управлению стрессовыми ситуациями. С 1989 года Марси изучала область самооценки с Джеком Кэнфилдом и была его ассистентом на его ежегодной программе Training of Trainers (Обучение тренеров) для профессиональных специалистов.

В 1983 году Марси была соавтором широко востребованного исследования 50 лучших бизнес-леди Америки. С того времени она специализируется на женской аудитории, делая акцент на поддержке и помогая раскрыть в себе сверхординарные способности.

Ни один из проектов Марси невозможно сравнить по своей глубине с изданиями *Chicken Soup for the Soul (Куриный бульон для души)*. В настоящий момент она работает над новыми книгами *Chicken Soup for the Soul (Куриный бульон для души)* и чувствует себя восторженно при мысли о том, что помогает сердцам соприкоснуться и возродить силу духа миллионов людей по всему миру.

Если вы желаете посетить ее семинары *Chicken Soup for the Soul (Куриный бульон для души)*, свяжитесь с ней:

The Esteem Group
191 Bayview Drive
San Rafael, CA 94901
Телефон: 415-789-1300
Факс: 415-789-1309

Наши участники

Bits & Pieces – журнал, вдохновляющий весь мир, мотивирующий и развлекающий миллионы людей на протяжении почти 30 лет. Чтобы получить бесплатный выпуск, звоните по телефону 800–526–2554. Издается на английском, испанском и японском языках.

Аарон Баколла – нью-йоркский карикатурист, чьи работы можно увидеть в журналах, книгах и рекламе. Перед тем как стать карикатуристом, он работал химиком-исследователем в области фармацевтики и преподавателем в университете. Его можно найти на просторах Интернета по адресу abcartoon@juno.com или по факсу 718-370-2629.

Амшева Миллер жила в Индии, где они с мужем усыновили троих детей и затем вернулись в Соединенные Штаты. Она создатель и преподаватель Cellular Repatterning™ – лечебной методики, основанной на древней индийской традиции лечения вибрацией.

Антуанетт Куритц – мать и одновременно женщина, построившая карьеру; работала преподавателем как в старшей, так и в начальной школе. В настоящее время она работает ответственным специалистом в области взаимоотношений среди местного населения в Barnes & Noble. Также она ведет семейную колонку для местной газеты. С ней можно связаться по адресу PO Box 67, Del Mar, CA 92014.

Барбара Л. Уорнер живет со своим мужем Брайаном и двумя сыновьями за пределами Далласа, штат Техас. Работает учителем английского языка в средней школе и является писателем, вдохновляющим на опеку и усыновление детей, ждущих своих родителей.

Бенита Эпштейн – независимый карикатурист, чьи работы появились в более чем 150 книгах и журналах, таких как *Punch*, *Barron's* и *Saturday Evening Post*. Десятки поздравительных открыток ее авторства выпущены Marcel Shurman and Silver Dog. С ней можно связаться по телефону (факс) 760-634-3705 или по электронной почте benitaE@aol.com.

Бетти Б. Янгс – доктор философии, доктор педагогических наук, международный лектор и консультант, проживает в Дель-Мар, штат Калифорния. Она написала 14 книг, изданных на 28 языках, среди которых бестселлеры *Values from the Heartland* и *Gifts of the Heart*. Ее рассказ переиздан из *Values from the Heartland* (Health Communications, Inc.). С Бетти можно связаться, отправив ей письмо по адресу 3060 Racetrack View

Dr., Del Mar, CA 92014.

Карикатуры **Билла Кэнти** публиковались во многих национальных журналах, в том числе в *Saturday Evening Post*, *Good Housekeeping*, *Better Homes and Gardens*, *Woman's World*, *National Review* и *Medical Economics*. Его рассказы *All About Town* печатались в сорока газетах. С Биллом можно связаться по адресу PO Box 1053, S. Wellfleet, MA 02663 или по телефону 508-349-7549.

Билли Б. Чесни родилась в Канзасе. Она бабушка пятерых внуков, руководитель группы по изучению Библии и независимый писатель. Ее эссе, рассказы и мемуары получили несколько наград и были опубликованы в журналах *Good Old Days*, *Cappers* и *One of a Kind*. В собрании сочинений, которое вскоре будет опубликовано журналом *Reminisce*, находится несколько ее работ. Билли и ее муж Дейл живут в городе Кингспорт, штат Теннесси.

Виктория А. Лапикас – домохозяйка и мать четверых детей. Виктория работает в компании по производству домашнего медицинского оборудования и одновременно учится в Университете штата Пенсильвания. Она живет со своим мужем Томом в Шароне, штат Пенсильвания.

Гленн ван Экерен – лектор и тренер, помогающий людям максимально раскрыть свой потенциал. Гленн является автором *The Speaker's Sourcebook*, *The Speaker's Sourcebook II* и популярного информационного бюллетеня *Potential*. У Гленна множество письменных публикаций и аудио– и видеопрезентаций. Его можно найти по адресу People Building Institute, 330 Village Circle, Sheldon, IA 51201 или по телефону 800-899-4878.

Дайана Л. Чапман – национальный писатель, удостоенный наград, и один из главных авторов книг серии «Куриный бульон для души». За четырнадцать лет в журналистике она успела поработать в газетах *San Diego Union* и *Los Angeles Copley*. Она пишет газетные очерки и в настоящее время работает над книгой. Дайана бросила журналистику в 1992 году, после того, как ей поставили диагноз – рассеянный склероз. Дайана была замужем девять лет, и у нее есть сын Герберт «Райан» Харт. С ней можно связаться по адресу P. O. Box 414, San Pedro, CA 90733.

Дебора Бебб – писатель и редактор. Большинство ее статей посвящены реальным людям и чудесам, случившимся в их жизни. Она живет в Фениксе, штат Аризона, со своим мужем, Майклом и 13-летним сыном Дугласом. С ней можно связаться по телефону 602-581-3751.

Дебора Шаус – писатель, чьи работы появились в *Newsweek*, *Redbook*, *Family Circle* и *Ms.* Она является автором нескольких руководств в области

бизнеса, включая *Name Tags Plus* и *Breaking the Ice*, а также соавтором *Working Woman's Communications Survival Guide*. Дебора получает удовольствие от преподавания и литературного творчества. С ней можно связаться по телефону 913-671-7195.

Джанет Лисефски – мать троих замечательных детей и основатель Учебно-методического центра для матерей-домохозяек и Национальной ассоциации матерей-домохозяек. Эти организации предоставляют широкий спектр информации, услуги и поддержку матерям-домохозяйкам и тем, кто хочет ими стать и реализовать себя в этой роли. Вы можете связаться с Джанет через ее учебно-методический центр, который расположен по адресу 406 E. Buchanan, Fairfield, IA 52556 или по факсу 515-469-3068; адрес электронной почты: ahmrc@lisco.com.

Джанет С. Мейер – писатель и терапевт в Ла-Кроссе, штат Висконсин. Она живет со своим мужем Джерри, дочерью Мелиссой, и вольф-шпицем Кудосом. Ее главные увлечения – воспитание детей, забота о домашних животных и путешествия. Материнство продолжает удивлять и вдохновлять ее.

Джейн Джейро – мисс Америка 1967 года, ведущая программы новостей в Oklahoma City and Dallas/Ft. Worth. В настоящее время она является сценаристом и продюсером материала на тему здоровья для теле/радиовещания и печатных изданий. Ее работы были опубликованы в *McCall's*, *Out of the Blue Delight Comes into Your Life* и *The Daily Oklahoman*. Сейчас она работает над своей первой книгой. Для получения информации об аудиозаписях *Daily Devotionals* напишите ей по адресу PO Box 21537, Oklahoma City, OK 73156.

Джейн Кирби – домохозяйка и по совместительству автор статей о здоровом питании. Она активно участвует во многих женских организациях, включая *The Vermont Woman's Fund* и *Planned Parenthood*. Она живет со своим сыном Джейкобом в Шарлотте, штат Вермонт.

Джейн Харлесс Вудворд – адвокат и профессор колледжа. Она и ее муж Ларри живут в Вирджинии-Бич, штат Вирджиния.

Дженнифер Грэм живет в Нейпервилле, штат Иллинойс, со своим мужем Бобом и двумя детьми, Чарли и Кэтрин. Яркая семейная жизнь Дженнифер является неисчерпаемым источником для ее рассказов. С ней можно связаться по телефону 630-717-6788.

Джеральд Ю. Терстон-младший – ответственный координатор по предупреждению наркомании в школьном округе в Висалии, штат Калифорния. В настоящий момент он учится, чтобы получить степень магистра в области межличностного общения. Литературное творчество

является одним из его увлечений, также он проводит семинары по организационному и межличностному общению. С ним можно связаться по телефону 209-625-8805.

Джин Харпер – жена, мать двоих детей, писательница, лектор и пилот *United Airlines*, в настоящее время капитан самолета Boeing 757. Она считает своим главным талантом написание рассказов и использует опыт из своего разнообразного и необычного прошлого для публичных выступлений по обсуждению авиации, христианства и профориентации.

Джинни Уайт является основателем и президентом *The Ryan White Foundation* – национальной образовательной организации, которая занимается предотвращением распространения ВИЧ-инфекции среди молодежи. Она рассказывает по всей стране о своем сыне Райане и о своей работе по профилактике СПИДа. Вместе со Сьюзан Дворкин она написала книгу *Weeding Out the Tears: A Mother's Story of Love, Loss and Renewal*, опубликованную в апреле 1997 года издательством *Avon Books*. С Джинни можно связаться через ее фонд по адресу 1717 W. 86th St., Suite 220, Indianapolis, IN 46260 или позвонить ей по телефону 800-444-7926.

Джоан Уэстер Андерсон – автор бестселлеров и всемирно признанный специалист в области благословенного и чудотворного вмешательства в повседневную жизнь. Ее книги были проданы тиражом более 2 000 000 экземпляров. С ней можно связаться по адресу: PO 1694, Arlington Heights, IL, 60006

Джозеф С. Розенбаум раньше работал бухгалтером, проживает со своей прекрасной женой Кристин в Пемброк Пайнс, штат Флорида. Его сын Филипп работает продюсером новостей для CNN в Нью-Йорке. Джозеф пережил холокост в Польше. После войны он перебрался в Соединенные Штаты. Его хобби – писать, читать, совершать прогулки, заниматься спортом и путешествовать.

Джон Моррис – лектор и писатель, использующий свой опыт игры в бейсбол в высшей лиге, включая Мировую серию, чтобы проиллюстрировать способы достижения успеха в бизнесе и личной жизни. Джон живет со своей женой Линдой и двумя котами в Санкт-Петербурге, штат Флорида. Вы можете связаться с ним по телефону 813-345-2722.

Джуди Бодмер на протяжении более десяти лет наблюдала за тем, как ее сыновья, которые сейчас учатся в колледже, занимаются спортом в Киркленд, штат Вашингтон. Она работает помощником библиотекаря в Лейк-Форест-Парк и преподает литературное творчество в Технологическом институте Лейк Вашингтон. Вместе с мужем Ларри они являются волонтерами, работая с помолвленными и женатыми парами в

местной церкви.

Джуди Феррис – мать двух дочерей-подростков. В течение последних нескольких лет она все свободное время посвящает написанию стихов и короткой прозы и принимает участие в работе театра муниципального колледжа в Палм-Дезерт, штат Калифорния, где живет с мужем Карлом.

Джудит Тауз-Робертс – руководитель отдела литературного творчества Академии изобразительных искусств Пасео в Канзас-Сити, штат Миссури. Обладательница двух степеней магистра в области консультирования и английского языка. Джудит также является внештатным преподавателем в колледже Авила. Она – любящая мать троих детей, Томми, Лизы и Дженни.

Донна Гетцингер пишет рассказы для детей, романы и пьесы. Ее работы появлялись в таких изданиях, как *Children's Digest*, *Funny Times*, *Listen* и *What's Love? Love Prints Novellettes*. Еще Донна является профессиональной певицей и приглашает вас познакомиться с ее музыкой и прозой. С ней можно связаться по телефону 213-718-0036.

Дэвид Уэзерфорд – доктор философии, детский психолог, опубликовавший множество научных трудов, а также юмористических и романтических стихотворений. Он является издателем книги афоризмов *Love Is*. Дэвид пережил рак и уже давно находится на диализе почек, что отразилось в его произведениях. *Tribute to Mothers* – стихотворение, которое он написал своей маме ко Дню матери. С Дэвидом можно связаться по адресу 1658 Doubletree Lane, Nashville, TN 37217.

Дэйв Карпентер работает карикатуристом и иллюстратором с 1981 года. Его карикатуры были опубликованы в *Barrons*, *the Wall Street Journal*, *Forbes*, *Better Homes and Gardens*, *Good Housekeeping*, *Woman's World*, *First*, *the Saturday Evening Post* и множестве других изданий. С Дэйвом можно связаться по адресу PO Box 520, Emmetsburg, IA 50536 или по телефону 712-852-3725.

Дэн Кларк – международный посланник *Art of Being Alive*. Он общался более чем с 2 000 000 людей по всему миру. Дэн – актер, автор песен, художник-постановщик, видео-продюсер и удостоенный наград спортсмен. Он широко известен как автор семи книг, в числе которых *Getting High – How to Really Do It*, *One Minute Messages*, *The Art of Being Alive* и *Puppies for Sale and Other Inspirational Tales*. С ним можно связаться по адресу PO Box 8689, Salt Lake City, UT 84108 или по телефону 801-485-5755.

Дэн Розандик рисует для различных печатных изданий по всей стране, включая журналы, книги и информационные бюллетени, и готов

взяться за любое задание. Его работы были опубликованы в *Saturday Evening Post* и *National Review*. С ним можно связаться в любое время, по телефону или по факсу 906-482-6234.

Дэнни Маккормик перешел на третий курс колледжа Уэст-Честера, штат Пенсильвания. Он специализируется на психологии. Будучи старшеклассником, в 1996 году он написал рассказ для своей мамы на День матери. Ему было около тринадцати лет, когда он начал писать. Это его первая опубликованная работа. Его домашний адрес: P. O. Box 931, Millsboro, DE 19966, электронная почта: dm275023@wcupa.edu.

Дэрил Отт Андерхилл – президент компании In Any Event, Inc., специализирующейся на мотивационных маркетинговых программах и публикациях для крупных предпринимателей. Ее последнее литературное произведение *Writes of Passage... Every Woman Has a Story*. Ей можно написать по адресу 4236 Rancho Dr., Phoenix, AZ 85018 или позвонить по телефону 602-952-9472.

Жаклин А. Горман – автор всемирно известных мемуаров *The Seeing Glass*, опубликованных Penguin Putnam, Inc. в 1997 году. В настоящее время она работает над своим первым романом.

Жаклин Ли Линдстром недавно вышла на пенсию и теперь посвящает свое время двум главным увлечениям – письму и живописи. Ее убеждение в том, что «улыбка поднимает дух и убирает морщины», легко прослеживается в ее работах. С ней можно связаться по адресу 13536 Lynn Ave. S., Savage, MN 55378 или позвонить по телефону 612-890-9333.

Жанни Элк Соуэлл замужем уже 32 года. Она мать двоих детей, бабушка четырех внуков и прабабушка одного правнука. Вместе с мужем Пикаллео они живут в Кэмп-Вуд, штат Техас, где работают в собственной студии по изготовлению чучел. С ней можно связаться по 210-597-3264.

Коллин Деррик Хорнинг – продюсер телепередачи «Доброе утро, Техас» производства WFAA-TV, выходящей ежедневно на канале ABC в Далласе, штат Техас. Ей особенно нравится продюсировать сюжеты «Мама». Ее муж Роб тоже работает в WFAA-TV. Они женаты шесть лет, остальные члены их семьи – шестнадцатилетний Николас и четырехлетний Стерлинг. Коллин, как и любая мать-писатель, ежедневно записывает забавные фразы Стерлинга. Одна из последних: «Люси, я дома!»

Кристина Бейер Перез выросла в Мичигане, но теперь живет в Канзасе вместе со своим мужем Руди и детьми, Валентиной, Франческой и Джорданом. Она писала для *Cosmopolitan* и других национальных журналов и в настоящее время работает редактором журнала *Kansas City Persona*. Пишите ей по адресу 14944 Glenwood, Overland Park, KS 66223.

Кристина Кинан – писатель и поэт, а также дипломированная медсестра. Кристина является лауреатом нескольких наград, а ее стихотворения были опубликованы. В ее работах поднимаются проблемы женщин, в том числе материнства. Она создает поэзию в качестве подарка для людей, чьи судьбы трогают ее сердце. Кристина живет во Франкфурте, штат Иллинойс. С ней можно связаться по телефону 815-464-6843.

Кэролин Кэмпбелл опубликовала более 200 статей в национальных журналах, таких как *Ladies' Home Journal*, *Family Circle*, *First for Women*, *Woman's World* и *Guideposts*. Также она является ведущей ежемесячной рубрики в *Business Startups*. Ее статьи опубликованы в Гонконге, Германии, Дании и Австралии. Особенно ей нравится писать о женщинах, преодолевающих препятствия на пути к успеху. Она живет в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, с мужем и четырьмя детьми в возрасте от 7 до 21 года. С ней можно связаться по телефону 801-943-6571.

Кэти Райан – овдовевшая мать четырех детей. Она является директором отдела социального духовенства и семейной жизни в церковном приходе Лонг-Айленда. Работа Кэти заключается в оказании духовной помощи молодым мамам, людям, потерявшим близких, разведенным и разлученным парам. Она использует мастерство рассказчика как средство роста и исцеления во всех своих программах семейной жизни.

Кэтрин Лей – писатель; она живет с мужем Ричардом и дочерью в Бедфорде, штат Техас. Она пишет рассказы и очерки, а также художественные произведения для детей. С ней можно связаться по телефону 817-285-0166.

Лиан Купферберг Картер – писатель, чьи работы издавались в *New York Times*, *McCall's*, *Child*, *Glamour*, *Cosmopolitan* и *Newsday*. Она живет со своей семьей в Вестчестере, штат Нью-Йорк, и является активистом сообщества для детей с ограниченными возможностями. С ней можно связаться по электронной почте lcarter@cloud9.net.

Рассказы **Линды Гудмен** известны по всей стране. Она была лауреатом премии *Excellency in Storytelling Award* 1995 года, штат Коннектикут. Ее аудиокнига, *Jesse and Other Stories*, а также сборник коротких рассказов *Daughters of the Appalachians*, получили превосходные отзывы. С Линдой можно связаться по телефону 978-562-9575.

Линда О'Кэмб – дипломированная медсестра и мать четверых детей: Стива, Джорджа, Шерил и Дженнифер. У нее три внука: Брайанна, Лэндон и Каэла. Линда считает, что связь между матерью и ребенком является уникальным явлением. Она очень любит свою семью. Они проживают в

Филлморе, штат Юта.

Линетт Кертис учится на последнем курсе в Университете Невады, штат Лас-Вегас, по основной специальности английский язык. Она также работает ассистентом в редакции журнала *Las Vegas Review-Journal*. С ней можно связаться по электронной почте msnettiel@aol.com.

Лиэнн Тайман – автор и лектор. Ее выступления вдохновляют нас расставлять приоритеты и жить гармоничной жизнью, меняя мир к лучшему. Чтобы заказать *This Must Be My Brother*, ее книгу, рассказывающую о приключениях Babylift, отправьте 15 долларов на адрес: LeAnn Thieman, 112 North College, Fort Collins, CO 80524. С ней также можно связаться по адресу lthieman@aol.com.

Лоретта Холл – мать трех девочек и бабушка двух внуков. Чтобы проводить больше времени с семьей и при этом вносить свой вклад в семейный бюджет, она работает писателем. Ее статьи затрагивают вопросы семейной жизни, бизнеса и технологических разработок. С ней можно связаться по телефону 505-293-2337.

Майк Липсток – 73-летний врач-офтальмолог, начавший писать после выхода на пенсию. Его работы были опубликованы почти в ста журналах и четырех антологиях. Он внесен в «Справочник американских поэтов и писателей-фантастов».

Майкл Л. Стейвер – лектор/консультант и персональный тренер. Он желает побудить людей к осуществлению мечты. Если он не находится в разъездах, то проживает в Калифорнии. С ним можно связаться по телефону 714-741-3012.

Майкл Линдвалл – писатель и проповедник, служит пастором первой Пресвитерианской церкви Анн-Арбора, штат Мичиган. Он вырос в Миннесоте и Верхнем Полуострове штата Мичигана. Его жена Терри – художница, и у них трое детей: Мэдлин, Бенджамин и Грейс. Опубликованный рассказ был взят из книги *Good News from North Haven*, которую можно приобрести в издательстве Pocket Books. В настоящее время он работает над своей второй книгой, а также над сборником рассказов о жизни в обществе.

Марджи Коберн недавно вышла на пенсию, двадцать пять лет проработав в больнице. Произведения Марджи, как независимого писателя, вдохновлены интересными и счастливыми моментами из ее жизни. Она получает удовольствие, работая в церкви, дает публичные выступления, а также является волонтером-экскурсоводом по историческим местам. Она проживает по адресу 106 Azalea St., Greenville, NC 27834, ее телефон 919-752-3219.

Мариан Ли Джейкоб – учитель психологии в средней школе Стивенса в Рапид-Сити, Южная Дакота. Несколько ее стихотворений были опубликованы в *South Dakota's Prairie Winds*. Также она является автором учебника грамматики под названием *Fundamentals of English*. У нее пять детей, и с ней можно связаться по адресу 3304 Idlewild Court, Rapid City, SD или по телефону 605-341-2843.

Марша Аронс – писатель и лектор. В сферу ее интересов входят проблемы женщин, отношения между родителями и детьми, христианско-еврейские отношения и позитивные аспекты жизни. Она рада быть одним из авторов книг серии *Chicken Soup*, включая *Chicken Soup for the Woman's Soul*. Кроме того, ее рассказы, эссе и статьи были опубликованы в *Good Housekeeping*, *Redbook*, *Woman's Day*, *Woman's World* и *Reader's Digest*. В настоящее время она работает над сборником рассказов для родителей и романом для подростков. С ней можно связаться по электронной почте: ra8737@aol.com. или по телефону 847-329-0280.

Мэри Кеньон – мать шестерых детей, получающих образование на дому, и автор книги *Homeschooling from Scratch*. Она помогает своему мужу Дэвиду с распределением и рассылкой заказов их собственного книжного магазина Once Upon a Time Family Books, расположенного в Манчестере, штат Айова. С ней можно связаться по телефону 319-927-6616.

Мэри МаркдANTE – проницательный, спикер, тренер и писатель, чьи программы по изменению себя, управлению стрессом и коммуникации помогают принять правильные решения; они невероятно популярны на конвенциях, деловых переговорах и конференциях сообществ по вопросам здравоохранения во всем мире. Мэри помогает людям открыть новые горизонты и наполнить жизнь творчеством. В настоящий момент она работает над книгами *Inspiring Words for Inspiring People* и *Questions for My Mother*. С ней можно связаться по телефону 619-792-6786 или по адресу PO Box 2417, Del Mar, CA 92014 либо по электронной почте: mmarcdante@aol.com.

Карикатуры **Мэри Чамберс** отражают ее опыт матери семерых детей. Она является автором сборников карикатур *Motherhood Is Stranger Than Fiction* и *Church Is Stranger Than Fiction*. Также она соавтор *Faith in Orbit*. Мэри живет вместе со своей семьей в Карфагене, штат Миссури.

Мюриэль Кокран и ее мужу уже за восемьдесят лет. Они потеряли сына Джона в 1966 году во время войны во Вьетнаме. У них четыре замечательные дочери, четырнадцать внуков и двадцать пять правнуков. За свою жизнь Мюриэль написала несколько стихотворений о доме, семье и дружбе.

Ники Сепсас – писатель и гид, проживающий в Бирмингеме, штат Алабама. Помимо написания статей для журналов о путешествиях и приключениях, он создает профили для компаний и частных лиц, текстовую рекламу, корпоративные информационные бюллетени и маркетинговые брошюры. С ним можно связаться по телефону 205-942-5335.

Иллюстрации **Пегги Энди Уайатт** публиковались в национальных и мировых изданиях. В настоящее время она работает карикатуристом редакции газеты в Дестине, штат Флорида, и получила несколько наград *Florida Press Association Awards*. Она училась в Бостонском университете и была в Лиге студентов-художников Нью-Йорка. Она получила степень бакалавра в Университете Майами, штат Флорида. С ней можно связаться по адресу PO Box 427, Destin, FL 32540.

Ребекка Кристиан – мать троих детей и лектор/писатель, выступающий на различных ежегодных встречах и женских конференциях. Ее работы появились более чем в ста журналах и газетах. С ней можно связаться по адресу 641 Alta Vista St., Dubuque, IA 52001. Телефон/факс 319-582-9193.

Роберт Ф. Уиттл-младший – офицер, инженер и фермер из Мистика, штат Коннектикут. Окончив Военную академию США в 1990 году, капитан Уиттл пять лет прослужил в Германии и Корее, а затем получил степень магистра в области экологической инженерии в Техасском университете. Он любит кататься на лыжах, путешествовать и писать.

Розмари Лори – писательница и педагог для детей с ограниченными физическими и умственными возможностями. Своим главным достижением она считает воспитание трех прекрасных мужчин. Розмари родилась в Англии, проживает в Колумбусе, штат Огайо, со своим мужем Джорджем.

Рошель М. Пеннингтон – писатель, в настоящее время она заканчивает свою первую книгу *A Turning*. Будучи женой и матерью, она активно содействует христианскому просвещению и оказывает помощь неизлечимо больным в Hospice Hope. С ней можно связаться по адресу N1911 Double D Road, Campbellsport, WI 53010 или по телефону 414-533-5880.

Рэнди Голдсмит – менеджер «Куриного бульона для души» в издательстве Health Communications, Inc. У нее есть сын Алан. Родом из Саутфилда, штат Мичиган, Рэнди – выпускница Мичиганского государственного университета. В настоящее время она живет в Бока-Ратоне, штат Флорида. С Рэнди можно связаться по адресу: Health

Communications, Inc., 3201 SW 15th St., Deerfield Beach, FL 33442.

Сандра Джулиан Баркер – писатель, ее рассказы и статьи были опубликованы в ряде газет и журналов. Она надеется однажды опубликовать роман. У них с мужем трое детей, и они проживают в Чесапике, штат Вирджиния.

Сара А. Риверс – выпускница колледжа Сейлема и внештатный член организации Junior League of Charlotte, штат Северная Каролина. Она пишет стихи и научно-популярные статьи для печатных изданий. Она вместе с мужем Ральфом живет в Далласе, штат Техас. С Сарой можно связаться по телефону 214-503-0195.

Синди Ладедж – жена фермера и мать троих детей. Она помогает мужу на ферме и работает по совместительству в отделе ядерной безопасности штата Иллинойс. Она пишет рассказы и научные статьи. С ней можно связаться по адресу 35216 E. 5th Rd., Virden, IL 62690.

Прежде чем переехать в Санта-Ана, штат Калифорния, **Сэнди Джонс** была автором статей для the Manson Journal, газеты в штате Айова. Она писала программы для церковных и детских театров, статьи об обогащающей силе брака, планировании свадьбы и семье. Сэнди и ее муж Стив только что окончили свою первую книгу, рассказывающую о том, как они стали новоиспеченными бабушкой и дедушкой.

Сью Мустакас – мать пятерых детей. Свое время она делит между воспитанием собственных детей и преподаванием. Сью – владелица и работник детских садов SANDBOX в юго-западном пригороде Чикаго. Она ведет группы самых маленьких и твердо верит, что они – волшебники.

Сью Уэст – издатель, педагог, писатель и инструктор по медитации. Она жила на четырех континентах и везде чувствует себя как дома. С ней можно связаться по адресу: 5540 Fremont St., Oakland, CA 94608.

Терри Маротта – журналист в нескольких изданиях и автор *I Thought He Was a Speed Bump* и *Other Excuses from Life in the Fast Lane*, которые, по мнению читателей, являются лучшими сборниками рассказов. Она живет с мужем Дэвидом в Винчестере, штат Массачусетс.

Том Маллиган – писатель из Северного Мичигана. Он пишет статьи, эссе и художественную прозу. Если хотите заказать его произведение, свяжитесь с ним по адресу: 8427 E. Au Sable Rd., St. Helen, MI 48656.

У. Ширли Нунис – удостоенный наград писатель из Фэрфилда, штат Калифорния. Она выросла и получила образование в Англии, а в 1963 году переехала в США со своим мужем, служащим в ВВС США. Она получила степень магистра в области литературного творчества в Университете штата Калифорния в Сан-Франциско. Ширли выступает в качестве

музыканта в церкви Сакраменто, а также является учителем английского языка на пенсии.

Филлис Волкенс родилась в штате Айова. Она обладает уникальным талантом переносить пережитое из сердца на печатную страницу. На вопрос, о чем она пишет, Ширли ответила: «О людях, о том, что заставляет их смеяться и плакать». Ее работы публиковались в различных газетах и журналах, включая *Denver Post*, *Reader's Digest* и «Куриный бульон для женской души». Филлис скончалась 3 мая 1996 года, и мы все по ней очень скучаем.

Фэй Портер живет со своим мужем Сэмом, тремя собаками и двумя кошками. У нее двое детей и одна внучка. Она дипломированный специалист в области маммографии.

Харви Швадрон – карикатурист-самоучка, проживает в Анн-Арборе, штат Мичиган. Он работал журналистом и специалистом по связи с общественностью, прежде чем полностью посвятить себя карикатурам в 1984 году. Его карикатуры публикуются в *Barron's*, *Harvard Business Review*, *Wall Street Journal*, *National Law Journal* и многих других изданиях. С ним можно связаться по адресу PO Box 1347, Ann Arbor, MI 48106 или по телефону 313-426-8433.

Шари Коэн написала восемь книг для детей. Она также пишет статьи о семейной жизни для журналов и газет. Шари живет в Вудленд-Хиллз, штат Калифорния, с мужем Полом и тремя детьми-подростками. С ней можно связаться по адресу PO Box 6593, Woodland Hills, CA 91365.

Шарон Линнея работала редактором в четырех национальных журналах. Они с мужем воспитывают сына Джонатана и дочь Линнею. Она выступает на конференциях писателей, а также в школах, где рассказывает о потребности детей в героях. За 15 долларов у Шарон можно приобрести экземпляр одной из двух ее биографических книг с автографом, *Raoul Wallenberg: The Man Who Stopped Death (JPS)* и *Princess Ka'iulani, Hope of a Nation, Heart of a People (Eerdmans)*. Отправить денежный перевод можно на адрес Шарон Линнея: c/o Shimersbrook, 290 River Road, Montague, NJ 07827.

Шервин Кауфман – внук известного юмориста Шолом-Алейхема. Он – врач на пенсии, начавший новую карьеру в качестве композитора, автора песен и поэта. *Child's Vision* – один из его сборников стихов и песен о детях. С ним можно связаться по телефону 212-744-5788.

Шерил Николсон – международный лектор и мать пятерых детей. Она рассказывает о лидерстве, продажах и гармонии в жизни. Шерил проводит более ста семинаров в год для мужчин и женщин. Ее часто

приглашают на телевидение и радио. С ней можно связаться по телефону 800-245-3735 или на ее вебсайте: sheryl.com.

Шерон Дрю Морген – автор книг *Selling with Integrity* и *Sales on the Line*. Она обучает духовному общению в коммерческой сфере и является главным спикером и консультантом по продажам. Она основала Общество дистонии в Англии. Ее сын Джордж – параолимпийский серебряный призер. С ней можно связаться по телефону 505-776-2509.

Эдит М. Дин – автор трех книг (соавтор одной книги совместно с Джорджем Андерсоном) и более 250 статей. Ее работы вдохновляют. Она живет с мужем Джимом в Конвей, штат Арканзас.

Элис Коллинз – жена, мать и бабушка, которая размораживает цыпленка, теряет очки и при этом продолжает наслаждаться семейной жизнью в своих колонках и книгах. Ее можно найти рядом с переполненной корзиной для грязного белья в Ок Лон, штат Иллинойс, или позвонить ей по телефону 708-422-7568.

Эми Хиллиард-Джонс – президент консалтинговой компании Hilliard-Jones Marketing Group в Чикаго, специализирующейся на межнациональном маркетинге. Она успешно справляется с ролью матери Анжелики и Николаса и с нетерпением ждет возможности подробно написать и рассказать о своих поисках успеха и духовного удовлетворения.

Эмили Перл Кингсли – мать, лектор и профессиональный писатель, получивший 11 премий Эмми за работу над сценариями и песнями для «Улицы Сезам». Она служит в комитете по улучшению образа людей с ограниченными возможностями в средствах массовой информации. Она и ее сын Джейсон с синдромом Дауна были гостями таких передач, как «Шоу Опры», «Доброе утро, Америка» и «Все мои дети».

Энн Джордан – дипломированная медсестра, мать троих детей и президент организации Children and Families, Inc. Вместе со своим мужем, доктором Тимом Джорданом, она консультирует семейные пары по вопросам поднятия самооценки детей и подростков. Для получения подробной информации звоните по телефону 314-530-1883 или пишите на адрес 444 Chesterfield Center, Suite 205, Chesterfield, MO 63017.

Разрешения

Мы бы хотели выразить признательность всем авторам, давшим согласие на переиздание своего материала. (Истории без предоставления имени, находящиеся в открытом доступе, а также написанные Джеком Кэнфилдом, Марком Виктором Хансеном, Дженнифер Ред Хоторн и Марси Шимофф, не включены в данный список.)

A Tribute to Mothers. Reprinted with permission of David Weatherford. ©1997 David Weatherford

Baby-Lift. Reprinted by permission of Sharon Linnéa and LeAnn Thieman. ©1997 Sharon Linnéa and LeAnn Thieman.

A Surprise Gift for Mother. Reprinted by permission of Sarah A. Rivers. ©1997 Sarah A. Rivers.

Mother's Day. Reprinted by permission of Niki Sepsas. ©1997 Niki Sepsas.

All Those Years. Reprinted by permission of Alice Collins. ©1997 Alice Collins.

The Bobby Pins. Reprinted by permission of Linda Goodman. ©1997 Linda Goodman.

Squeeze My Hand and I'll Tell You That I Love You. Reprinted by permission of Mary Marcdante. ©1997 Mary Marcdante.

In the Genes. Reprinted by permission of The Economics Press. Excerpted from *The Best of Bits & Pieces.* ©1995 The Economics Press.

A Child Is Born. Reprinted by permission of Reverend Michael Lindvall. ©1997 Reverend Michael Lindvall.

A Perfect Son. Reprinted with permission of Sharon Drew Morgen. ©1997 by Sharon Drew Morgen.

Most Kids Are Born Only Once. Reprinted by permission of Joseph C. Rosenbaum. ©1997 Joseph C. Rosenbaum.

Sisters Three. Reprinted with permission by Faith Andrews Bedford. ©1997 Faith Andrews Bedford.

The Unlocked Door. Reprinted by permission of New Leaf Press. Excerpted from *Moments for Mothers* by Robert Strand. ©1997 New Leaf Press.

Mom for a Day. Reprinted by permission of Anne Jordan. ©1997 Anne Jordan.

Daddy's Little Girl. Reprinted by permission from the January 1990 Reader's Digest. ©1990 by The Reader's Digest Association, Inc.

To Read When You're Alone. Reprinted by permission of Mike Staver.

©1997 Mike Staver.

My Mother Says... Reprinted by permission of Robert F. Whittle Jr. ©1997 Robert F. Whittle Jr.

The Inspection. Reprinted by permission of Glenn Van Ekeren. ©1997 Glenn Van Ekeren.

What Color Is a Hug? Reprinted by permission of Loretta Hall. ©1997 Loretta Hall.

Garlic Tales. Reprinted by permission of Mike Lipstock. ©1997 Mike Lipstock.

The Tooth Fairy. Reprinted by permission of Suzanne Moustakas. ©1997 Suzanne Moustakas.

Love Notes. Reprinted by permission of Antoinette Kuritz. ©1997 Antoinette Kuritz.

Saved by the Belt. Reprinted by permission of Randee Goldsmith. ©1997 Randee Goldsmith.

Red-Letter Failure Day. Reprinted by permission of Judith Towse-Roberts. ©1997 Judith Towse-Roberts.

The Midnight Caller. Reprinted by permission of Edith Dean. ©1997 Edith Dean.

My Son, Ryan. Reprinted by permission of Jeanne White. ©1997 Jeanne White.

Awright, Mom? Reprinted by permission of Christine Perez. ©1997 Christine Perez.

Moving Mountains. Reprinted by permission of Thomas Nelson Publishers. ©1997 Jim Stovall. Excerpted from *You Don't Have to Be Blind to See*. All rights reserved.

Hearts Across the World. Reprinted by permission of Amsheva Miller. ©1997 Amsheva Miller.

Real Vision. Reprinted by permission of Marsha Arons. ©1997 Marsha Arons.

Every Morning Is a Gift. Reprinted by permission of Deborah Bebb. ©1997 Deborah Bebb. Excerpted from *Woman's World Magazine*.

A Love Without Limits. Reprinted by permission of Chet Dembeck. ©1997 Chet Dembeck. Excerpted from *Woman's World Magazine*.

A Mother's Fight for a Special Child. Reprinted by permission of Tom Mulligan. ©1997 Tom Mulligan.

Welcome to Holland. Reprinted by permission of Emily Perl Kingsley. ©1987 Emily Perl Kingsley.

Mom's the Word. Reprinted by permission of Deborah Shouse. ©1997

Deborah Shouse.

Art 101. Reprinted by permission from the December 1995 Reader's Digest. ©1995 by The Reader's Digest Association, Inc.

Motherhood – A Trivial Pursuit? Reprinted by permission of Jacklyn Lee Lindstrom. ©1997 Jacklyn Lee Lindstrom.

A Mother's Letter to a Son Starting Kindergarten. Reprinted by permission of Rebecca Christian. ©1997 Rebecca Christian.

Tale of a Sports Mom. Reprinted by permission of Judy Bodmer. ©1997 Judy Bodmer.

No More Oatmeal Kisses. Reprinted by permission, ©Newsday, Inc., 1969

The Signs of Advanced Momhood. Reprinted by permission of Liane Kupferberg Carter. ©1997 Liane Kupferberg Carter.

The Quiet Hero. Reprinted by permission of Denny McCormick and Lisa McCormick. ©1997 Denny McCormick and Lisa McCormick.

Forever, For Always, and No Matter What! Reprinted by permission of Jeanette Lisefski. ©1997 Jeanette Lisefski.

Breaking In Baby. Excerpted from *Babies and other Hazards of Sex* by Dave Barry. ©1984, Rodale Press. Reprinted with permission. All rights reserved. Reprinted with permission from *The Reader's Digest Association, Inc.*

When a Child Goes off to College. Reprinted by permission of Stanley Volkens, executor for Phyllis Volkens.

Mother's Helper. Reprinted by permission of Jane Jayroe. ©1997 Jane Jayroe.

The Stepmother. Reprinted by permission of Jennifer Graham. ©1997 Jennifer Graham.

Joy to the World. Reprinted by permission of W. Shirley Nunes. ©1997 W. Shirley Nunes.

An Indescribable Gift. Reprinted by permission of Jennifer Graham. ©1997 Jennifer Graham.

Motherwit. Reprinted by permission of Amy Hilliard-Jones. ©1997 Amy Hilliard-Jones.

She Looks Like Us. Reprinted by permission of Judy Farris. ©1997 Judy Farris.

Mom. Reprinted by permission of Barbara L. Warner. ©1997 Barbara L. Warner.

I Don't Want a New Baby. Reprinted by permission of Rosemary Laurey. ©1997 Rosemary Laurey.

Out of Our Hands. Reprinted by permission of Colleen Derrick-Horning. ©1997 Colleen Derrick-Horning.

A Treasure Without Price. Reprinted by permission of Sandra Julian Barker. ©1997 Sandra Julian Barker.

The Chosen One. Reprinted by permission of Sue West. ©1997 Sue West.

Dance with Me. Reprinted by permission of Jean Harper. ©1997 Jean Harper.

The Prognosis. Reprinted by permission of Rochelle M. Pennington. ©1997 Rochelle M. Pennington.

The Family Dinner. Reprinted by permission of Shari Cohen. ©1997 Shari Cohen.

My Daughter, My Teacher. Reprinted by permission of Janet S. Meyer. ©1997 Janet S. Meyer.

The Broken Doll. Reprinted by permission of Dan Clark. ©1997 Dan Clark.

A Child's Vision. Reprinted by permission of Sherwin Kaufman. ©1997 Sherwin Kaufman.

May Day. Reprinted by permission of Donna Getzinger. ©1997 Donna Getzinger.

How Santa Knew. Reprinted by permission of Faye Porter. ©1997 Faye Porter.

The Day I Was Too Busy. Reprinted by permission of Cindy Ladage. ©1997 Cindy Ladage.

The Play's the Thing. Reprinted by permission of Pocket Books, a division of Simon & Schuster from *I Am a Mother of Sons* by Jayne Jaudon Ferrer. ©1996 by Jayne Jaudon Ferrer.

Swift Second. Reprinted by permission of Daryl Ott Underhill. ©1997 Daryl Ott Underhill.

When Mother Came to Tea. Reprinted by permission of Margie M. Coburn. ©1997 Margie M. Coburn.

Finding Her There. Reprinted by permission of Christina Keenan. ©1997 Christina Keenan.

Angel in Uniform. Reprinted by permission of Jeannie Ecke Sowell. ©1997 Jeannie Ecke Sowell.

The Healing. Reprinted by permission of Sandy Jones. ©1997 Sandy Jones.

Adopting a Dream. Reprinted by permission of Kathryn Lay. ©1997 Kathryn Lay.

Honey, You'd Better Sit Down. Reprinted by permission of Sheryl Nicholson. ©1997 Sheryl Nicholson.

A Promise on Mother's Day. From the book *Where Miracles Happen: True Stories of Heavenly Encounters* by Joan Wester Anderson. ©1995 by Joan Wester Anderson. Published by Brett Books, Inc. Reprinted by permission.

Mother and Child Reunion. Reprinted by permission of Carolyn Campbell. ©1997 Carolyn Campbell.

After 40 Years. Reprinted by permission of Linda O'Camb. ©1997 Linda O'Camb.

Four Angels. From *Angel Letters* by Sophy Burnham. ©1991 by Sophy Burnham. Reprinted by permission of Ballantine Books, a division of Random House, Inc.

Home Run For Mom. Reprinted by permission of John Morris. ©1997 John Morris.

Remembering Will Have to Do. Reprinted by permission of Victoria A. Lapikas. ©1997 Victoria A. Lapikas.

Celebrating My Mother. Reprinted by permission of Terry Marotta. ©1992 Terry Marotta.

A Motherless Child. Reprinted by permission of Jane Kirby. ©1997 Jane Kirby.

Robin. Excerpted from *Barbara Bush: A Memoir.* Reprinted with special permission from Simon & Schuster ©1994. All rights reserved.

When the Telephone Rang. Excerpt from *Lessons of Love* by Melody Beattie. ©1994 by Melody Beattie. Reprinted by permission of Harper Collins Publishers, Inc.

John. Reprinted by permission of Muriel Cochrane. ©1997 Muriel Cochrane.

To Captain Candy and the Women Who Took to the Skies. Reprinted by permission of Diana L. Chapman. ©1997 Diana L. Chapman.

I Was Born for This Job. Reprinted by permission of Billie B. Chesney. ©1997 Billie B. Chesney.

Grandma's Garden. Reprinted by permission of Lynette Curtis. ©1997 Lynette Curtis.

Dinner Out. Reprinted by permission of Maryann Lee Jacobs. ©1997 Maryann Lee Jacobs.

We Need a Rock. Reprinted by permission of Kathy Ryan. ©1997 Kathy Ryan.

Mama and Miss Jordan. Reprinted by permission from the July 1989 Reader's Digest. ©1989 by The Reader's Digest Association, Inc.

When a Mother Blows Out 75 Candles. Reprinted by permission of Alice Collins. ©1997 Alice Collins.

Six of the Seven Wonders of My World. Reprinted by permission of Jane Harless Woodward. ©1997 Jane Harless Woodward.

Mailboxes. Reprinted with permission by publisher Health

Communications, Inc., Deerfield Beach, Florida, from *Values from the Heartland* by Bettie B. Youngs. ©1995 Bettie B. Youngs.

My Mother's Riches. Reprinted by permission of Mary Kenyon. ©1997 Mary Kenyon.

Just Plain Wrong. Reprinted by permission of Gerald E. Thurston Jr. ©1997 Gerald E. Thurston Jr.

Great Lady. Excerpted from *Holy Sweat* by Tim Hansel. ©1989, Word, Inc., Dallas, Texas. Reprinted with permission. All rights reserved.

Prayer for My Mother. Permission granted by Ann Landers and Creators Syndicate.

Меняя жизнь каждый день

Реальные люди делятся реальными историями – вот уже девятнадцать лет. «Куриный бульон для души» давно вышел за пределы книжных магазинов и по всему миру меняет жизнь к лучшему. Посредством книг, фильмов, DVD-дисков, онлайн-ресурсов и других форм коммуникации мы несем надежду, смелость, вдохновение и любовь сотням миллионов людей на земном шаре. Авторы и читатели «Куриного бульона для души» формируют уникальное мировое сообщество и делятся друг с другом советами, поддержкой, подсказками и знаниями.

Истории «Куриного бульона для души» переведены более чем на сорок языков и изданы более чем в сотне стран. Каждый день миллионы людей читают истории «Куриного бульона» в книгах, журналах, газетах или Интернете. Делясь в этих историях своим опытом, мы дарим друг другу надежду, поддержку и вдохновение. Истории передаются от человека к человеку и из страны в страну, всюду помогая менять жизнь к лучшему.

Делитесь своими историями

У всех нас случаются в жизни моменты, достойные книг серии «Куриный бульон для души». Если вы хотите поделиться своим рассказом или стихотворением с миллионами людей по всему миру, зайдите на сайт chickensoup.com и кликните на кнопку «Поделиться историей». Возможно, ваш опыт поможет кому-то из читателей, а вы получите шанс увидеть свою историю на страницах книги. После публикации историй в наших книгах некоторые из их авторов даже становились писателями и лекторами!

Историй с каждым годом присылают все больше – и все они восхитительны. Мы принимаем истории только через сайт. С почтой и факсом мы больше не работаем.

Чтобы связаться с нами по другим вопросам, пишите на электронную почту webmaster@chickensoupforthesoul.com или присылайте письма и факсы по адресу:

Chicken Soup for the Soul
P. O. Box 700
Cos Cob, CT 06807-0700
Fax: 203-861-7194

И еще одна ремарка от ваших друзей из «Куриного бульона для души»: порой мы получаем от читателей рукописи без предварительного согласования и хотим напомнить, что не берем их в работу.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП
НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ
К КЛИЕНТАМ
НА ОБЛОЖКЕ

notes

Примечания

1

Имя Кэрол созвучно слову «хорал». Ноэль означает «Рождество», а Глория – «слава».

2

Имя Джой означает «радость» и созвучно первому слову хорала «Радуйся, мир».

Table of Contents

[Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен, Марси Шимофф, Дженнифер Рид
Хоуторн Куриный бульон для души. 101 история для мам. О радости,
вдохновении и счастье материнства](#)

[Отзывы о книге «Куриный бульон для души. 101 история для мам»](#)

[Посвящение мамам](#)

[Вступление](#)

[Глава 1. О любви](#)

[Вывоз детей](#)

[Сюрприз для мамы](#)

[День матери](#)

[Как долго](#)

[Заколки](#)

[Сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя](#)

[Это наследственное](#)

[Дитя родилось](#)

[Идеальный сын](#)

[Большинство детей рождается лишь однажды](#)

[Три сестры](#)

[Незапертая дверь](#)

[Мама на один день](#)

[Папина дочка](#)

[Глава 2. Мамины наставления](#)

[Читать в одиночестве](#)

[А моя мама сказала...](#)

[Инспекция](#)

[Какого цвета объятие?](#)

[Чесночные истории](#)

[Зубная фея](#)

[Любовные послания](#)

[Спасен ремнем](#)

[Праздник неудачи](#)

[Полночный гость](#)

[Глава 3. Мамина храбрость](#)

[Мой сын Райан](#)

[Мама, все хорошо?](#)

[Свергая горы](#)
[Сердца в разных концах мира](#)
[Настоящее зрение](#)
[Раннее утро – это дар](#)
[Любовь без границ](#)
[Борьба матери за особого ребенка](#)
[Добро пожаловать в Голландию](#)

[Глава 4. О материнстве](#)

[«Мама» – главное слово](#)
[Материнство – это викторина?](#)
[Введение в живопись](#)
[Письмо матери сыну-первокласснику](#)
[Рассказ мамы спортсмена](#)
[Больше никаких поцелуев с полным ртом каши](#)
[Признаки продвинутой мамы](#)
[Навсегда и во что бы то ни стало!](#)
[Тихий герой](#)
[Младенец: инструкция по применению](#)
[Как доставить новорожденного домой](#)
[Базовый цикл смены настроений младенца](#)
[Когда нужно кормить младенца](#)
[Что такое колики](#)
[Развитие ребенка в первые шесть месяцев](#)
[Дисциплина новорожденных](#)
[Няни](#)
[Первый прикорм](#)
[Хождение](#)
[Колыбельные](#)

[Когда ребенок идет в колледж](#)
[Мамина помощница](#)
[Мачеха](#)
[Я лучше буду](#)

[Глава 5. Стать матерью](#)

[Радуйся, мир](#)
[Неописуемый дар](#)
[Чутье](#)
[Она похожа на нас](#)
[Мама](#)
[Я не хочу нового ребенка](#)

Не в нашей власти
Бесценное сокровище
Избранная

Глава 6. Особенности моменты

День, когда мы запускали воздушных змеев
Потанцуй со мной
Прогноз
Семейный ужин
Дочь – мой учитель
Разбитая кукла
Глазами ребенка
Первое мая
Как узнал Санта
День, когда я была слишком занята
Чудо игры
Молниеносная секунда
Мама пришла на чай
Она была здесь

Глава 7. Чудеса

Ангел в военной форме
Исцеление
Удочерение мечты
Дорогой, тебе лучше присесть
Послание на День матери
Воссоединение матери и ребенка
Спустя сорок лет
Четыре ангела

Глава 8. Отпуская

Победа для мамы
Память в помощь
Праздник моей мамы
Ребенок без матери
Робин
Джон
Посвящается капитану Канди и женщинам-пилотам
Полет к небесам

Глава 9. Любовь бабушки

Что такое бабушка?
Я рождена для этой работы

[Сад моей бабушки](#)

[Поход в кафе](#)

[Нам нужна скала](#)

[Глава 10. Спасибо, мама](#)

[Мама и мисс Джордан](#)

[Мама задувает 75 свечей](#)

[Шесть из семи чудес моего мира](#)

[Почтовый ящик](#)

[Богатство моей матери](#)

[Спасибо, я был не прав](#)

[Великолепная женщина](#)

[Послесловие. Молитва для моей матери](#)

[Наши авторы](#)

[Наши участники](#)

[Разрешения](#)

[Меняя жизнь каждый день](#)

[Делитесь своими историями](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)